PT
20
P-32 .&.2.

PT
20
P 39

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО АЛФАВИТА ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦИК СОЮЗА ССР

РЕВОЛЮЦИЯ И ПИСЬМЕННОСТЬ

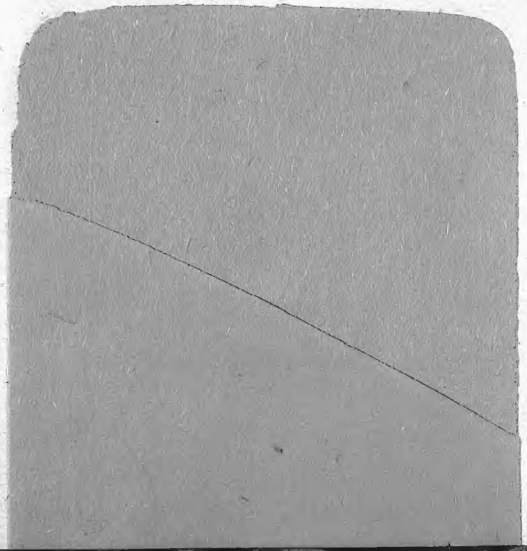
СБОРНИК № 2

5009/11

ИЗДАНИЕ ВЦК НА
МОСКВА ★ 1936

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач.....



РТ
20
32

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО АЛФАВИТА ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦИК СОЮЗА ССР

РЕВОЛЮЦИЯ И ПИСЬМЕННОСТЬ

СБОРНИК № 2

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
171894
5009/11

ИЗДАНИЕ ВЦК НА

МОСКВА ★ 1936

Редакция:

Д. КОРКМАСОВ
А. И. НУХРАТ

Ввиду срочного выпуска настоящего сборника часть статей, сложных для типографского набора, отложена и пойдет в следующем очередном сборнике.

Редакция

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

По докладу Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита при Совете Национальностей ЦИК СССР (ВЦК НА)

Заслушав доклад о проделанной работе в области латинизации алфавитов народов, перешедших на новый алфавит (с арабского, монгольского и др.), президиум ЦИК Союза ССР отмечает:

1. Новый алфавит явился одним из серьезных факторов, содействующих более быстрому поъему культурного строительства ранее отсталых народов Союза — ликвидации неграмотности, введению всеобуча, развитию печати и издательства, введению делопроизводства на родном языке, созданию национальной стенографии и пишущих машин на новом алфавите и т. п.

2. При ближайшем участии ВЦК НА в нацреспубликах и областях проведена значительная работа по развитию литературных языков, созданию терминологии, орфографии, составлению грамматик и словарей, а также по развитию полиграфии на новом алфавите.

3. Все эти успехи были достигнуты на основе правильного проведения ленинско-сталинской национальной политики в упорной классовой борьбе как с великодержавным, так и местным национализмом, оказывавшими резкое сопротивление новому алфавиту.

Вместе с тем президиум ЦИК Союза ССР констатирует ошибки и ряд недостатков как в работе ВЦК НА так и местных комитетов НА, выразившиеся:

а) в внедрении латинского алфавита среди малых народов Севера, живущих в окружении русского населения и частично пользовавшихся русским шрифтом (ительмены, удэ, селькупы и др.);

б) в создании ряда многобуквенных алфавитов для некоторых кавказских народов (абхазцы, абазинцы, кабардинцы и др.);

в) в слабости оперативного руководства со стороны ВЦК НА и местных комитетов в деле развития и внедрения письменности на новом алфавите (Татария, Азербайджан, Молдавия, Северный Кавказ и др.) и в отсутствии достаточного учета работы местных комитетов НА.

Придавая большое политическое значение переходу на более совершенный алфавит на латинской основе и в целях дальнейшего усиления и развития языковой культуры национальностей,

перешедших на новый алфавит, президиум ЦИК Союза ССР постановляет:

1. Предложить ВЦК НА, наряду с дальнейшим усовершенствованием и унификацией нового алфавита, развернуть работу по оказанию систематической помощи национальностям в развитии литературного языка и научной разработки орфографии, терминологии, грамматики и словарей путем консультации мест по конкретным вопросам и созыва периодических научных совещаний по вопросам культуры языка и письменности.

2. Предложить Академии Наук Союза ССР (Институт языка и мышления, Институт Востоковедения) Институту Национальностей ЦИК Союза ССР, Правлению Союза советских писателей, а также институтам национальных культур на местах включить в планы своих работ разработку вопросов по языку и письменности национальностей СССР и обеспечить плановой регулярной помощью ВЦК НА.

3. Одобрить предложение президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР по организации и разработке конкретного плана подготовки и переподготовки национальных лингвистических кадров по языковому строительству, а также плана мероприятий по подготовке работников национальной полиграфии, стенографии и машинописи.

4. Обязать ВЦК НА издавать периодические сборники по вопросам языка и письменности национальностей.

5. В целях усиления полиграфбазы и издательского дела наиболее отстающих нацреспублик и областей, перешедших на новый алфавит, поручить СНК Союза ССР при рассмотрении контрольных цифр на 1936 г. особо учесть необходимость выделения цветных металлов, машин и оборудования для расширения полиграфических баз нациздательств, перешедших на новый алфавит.

6. Поручить финансовому управлению ЦИК Союза ССР при составлении сметы на 1936 г. предусмотреть необходимые ассигнования для выполнения задач, поставленных настоящим постановлением.

7. Предложить ЦИК союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам:

а) в двухмесячный срок пересмотреть сеть местных комитетов НА и усилить работу в оставшейся сети в соответствии с настоящим постановлением;

б) обеспечить систематическое и конкретное руководство местными комитетами НА, укомплектовав штаты последних и организовав регулярное снабжение комитетов необходимыми средствами за счет местного бюджета.

8. Считать необходимым, чтобы комитеты НА в республиках возглавлялись председателями ЦИК, а в краях и областях председателями соответствующих исполкомов.

Утверждено
Президиумом ЦИК
Союза ССР
17 августа 1935 г.

И. о. секретаря ЦИК Союза ССР—**Уншлихт.**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ПРЕЗИДИУМА СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦИК СОЮЗА ССР

По докладу Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита.

Заслушав доклад Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита о внедрении нового латинизированного алфавита среди народов СССР, пользовавшихся арабским и другими отсталыми алфавитами, президиум Совета Национальностей ЦИК Союза ССР констатирует, что:

1. Переход от старых сложных архаических форм письма на доступный массам и технически более совершенный латинизированный алфавит в основном успешно завершен.

2. Новый алфавит явился одним из серьезных факторов, содействующих более быстрому подъему национального культурного строительства ранее отсталых народов Союза: ликвидации неграмотности, введению всеобуча, развитию печати и издательства, введению делопроизводства на родном языке, на основе нового алфавита, созданию национальной стенографии и пишущих машин на новом алфавите и т. п.

3. При ближайшем участии ВЦК НА проведена и развертывается значительная работа по развитию национальных литературных языков, созданию терминологии, орфографии, составлению грамматик и словарей, а также по развитию национальной полиграфии.

4. Все эти успехи были достигнуты на основе правильного проведения ленинско-сталинской национальной политики в упорной классовой борьбе как с великодержавным, так и местным национализмом, оказывавшими резкое сопротивление новому алфавиту.

Вместе с тем, президиум Совета Национальностей ЦИК СССР отмечает ошибки и ряд недостатков как в работе ВЦК НА, так и местных комитетов НА, выразившихся:

а) в переводе на латинский алфавит малых народов Севера, живущих в окружении русского населения и частично пользовавшихся русским шрифтом (ительмены, удэ, селькупы и др.);

б) в создании ряда многобуквенных алфавитов для некоторых кавказских народов (абхазцы, абазинцы, кабардинцы и др.);

в) в слабости оперативного руководства со стороны ВЦК НА и местных комитетов НА делом развития и внедрения письменности на новом алфавите (Татария, Азербайджан, Молдавия, Западная Сибирь, Северный Кавказ и др.) и в отсутствии достаточного учета работы местных комитетов НА.

В целях дальнейшего усиления развития языковой культуры национальностей, перешедших на новый алфавит, и усиления деятельности системы ВЦК НА, президиум Совета Национальностей ЦИК Союза ССР, п о с т а н о в л я е т:

1. Обязать ВЦК НА и местные комитеты, наряду с дальнейшим усовершенствованием и унификацией алфавита, развернуть

работу по оказанию помощи национальностям в развитии литературного языка и научной разработки вопросов орфографии, терминологии, грамматики, словарей, а также по усилению технической базы нацздательств (шрифты, наборные, пишущие машины и т. д.).

2. Предложить Академии Наук, Коммунистической Академии, Правлению Союза советских писателей СССР включить в планы своих работ изучение и разработку вопросов, связанных с работой по языку и письменности национальностей СССР, обеспечив постоянной регулярной помощью Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита.

3. Поставить перед Институтом Национальностей ЦИК СССР и Институтом языка и мышления Академии Наук, Институтом национальной педагогики, а равно и перед научно-исследовательскими институтами национальных республик и областей, как научных баз комитетов НА, основную задачу — разработку вопросов письменности, орфографии и терминологии языков национальностей СССР и подготовку квалифицированных научных национальных кадров по вопросам языка и письменности.

4. Обязать Госплан Союза ССР совместно с ВЦК НА и заинтересованными республиками и организациями разработать в 3-месячный срок конкретный план подготовки и переподготовки национальных лингвистических кадров по языковому строительству, а также план мероприятий по подготовке работников национальной полиграфии, стенографии и машинописи.

Обязать ВЦК НА оказывать местам содействие в подготовке и переподготовке лингвистов, стенографистов и работников национальной письменности.

5. Ввиду ряда требований нацреспублик и областей по подготовке для них инструкторов, преподавателей и руководителей по созданию стенографии на их языках, считать целесообразным возобновить с 1936 г. работу всесоюзных курсов по стенографии при ВЦК НА, предусмотрев в смете на 1936 г. необходимые средства, а также обеспечить необходимой учебной и жилищной площадью.

6. В целях усиления полиграфбазы, издательского дела нацреспублик и областей, перешедших на новый алфавит, обязать Госплан Союза ССР и НКТП СССР в 1935 г. выделить 300 тонн цветного металла для расширения полиграфических баз нацздательств, а также необходимых машин и оборудования, расширив соответственно план на 1936 г.

7. Обязать НКМП т. Уханова закончить к концу второй пятилетки в 1937 г. — реконструкцию завода пишущих машин в г. Казани и довести производство пишущих машин до 30 000 штук в год в соответствии с постановлением СТО от 21/IV 1933 г. Обязать НКТП и НКМП обеспечить завод необходимым оборудованием и спецсталью в соответствии с установленной программой производства.

8. Обязать ВЦК НА, ЦИК союзных и автономных республик, исполкомы краев и областей в 2-месячный срок пересмотреть

сеть местных комитетов НА в сторону их усиления и перестройки в соответствии с новыми задачами.

9. Возложить на ЦИК соответствующих республик и исполкомы краев и областей обязанность повседневного оперативного конкретного руководства местными комитетами НА укомплектовать их штатами и снабжать средствами по местным и республиканским бюджетам.

Комитеты НА на местах, как правило, должны возглавляться председателями ЦИК, исполкомов, краев и областей.

10. Настоящее постановление президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР внести на утверждение президиума ЦИК Союза ССР.

Секретарь Совета Национальностей
ЦИК Союза ССР — **А. Хацкевич.**

16 июня 1935 г. Москва.

КОРКМАСОВ Д.

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО АЛФАВИТА НА НОВОМ ЭТАПЕ

Постановление президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 17 августа 1935 г. и предшествовавшее ему постановление президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР, которые мы печатаем в нашем сборнике, являются историческими решениями, открывающими новый этап в работе ВЦК НА. Эти решения углубляют и расширяют задачи ВЦК НА и местных комитетов НА, а вместе с ними и Институтов Национальной культуры, повышает их роль в построении культуры национальной по форме, социалистической по содержанию. Решение правительства, подводя итоги массовому движению трудящихся ранее угнетенных национальностей за грамотность на новом алфавите, который Ленин в беседе с Агамалы-Оглы назвал «Великой революцией на Востоке», переводит это движение на высшую ступень борьбы за крупнейший фактор культуры — за национальный литературный язык эпохи социализма.

Царская Россия была подлинной тюрьмой народов. Царизм, проводя политику жестокого угнетения — национального, экономического, подавлял и уничтожал зачатки национальной культуры. Герои II Интернационала знали об угнетении только «культурных» национальностей. «Десятки и сотни миллионов азиатских и африканских народов, терпящих национальный гнет в самой грубой и жестокой форме обычно оставались вне поля зрения... Ленинизм вскрыл это вопиющее несоответствие, разрушил стену между белыми и черными, между европейцами и азиатами...» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 43, изд. 10-е)» ...«Социалистическая революция, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных». (Сталин, «Марксизм и нац. кол. вопрос», стр. 158, 1934 г.).

Свергнув царизм и власть помещиков и капиталистов, великая Октябрьская революция, руководимая партией Ленина—Сталина, уничтожила угнетение национальностей. Первая в мире Страна советов обеспечила экономический и культурный расцвет всем своим народам «малым» и «большим».

Пролетарская революция и социалистический строй вызвали на поверхность жизни такие народы, которые в силу колонизаторской политики царизма были почти уничтожены и забыты

буржуазной историей. Большинство народностей (около 100) до революции совсем не имели родной письменности, или пользовались кастовыми архаическими алфавитами, недоступными широким массам трудящихся.

Пробужденные революцией к новой жизни, к новому развитию эти массы должны были овладеть грамотностью, ибо «безграмотный человек, говорил Ленин, стоит вне политики. Его сначала надо обучить азбуке» (Ленин, XXVII т., стр. 51, изд. 3-е). Вот почему сразу же после победы Октябрьской революции возник вопрос об алфавите для народов, не имевших письменности или пользовавшихся архаической кастовой письменностью. Партия Ленина — Сталина, Советское правительство оказали огромную помощь стихийному массовому движению за овладение грамотностью, развернувшемуся в условиях ожесточенной классовой борьбы. Был создан Всесоюзный Комитет Нового Алфавита, разработавший к 1935 году, при участии лучших ученых-лингвистов Союза, новые алфавиты на латинской основе для 57 национальностей, оказавший широкую помощь в поднятии грамотности отсталых национальностей с 1—2% до 70% и выше.

Но Ленин еще в первые годы революции предупреждал, что социализму одной грамотности недостаточно. Бурный рост производительных сил Союза Советских Социалистических Республик, завершение построения фундамента социализма, новейшая техника требуют людей такого высокого культурно-технического уровня, как Стаханов, Бусыгин, Кривонос и др. Для достижения такого культурно-технического уровня трудящимся эпохи социализма необходим высоко развитый культурный язык. А между тем подавляющее большинство угнетавшихся ранее национальностей нашего Союза, как сказано выше, не имели не только алфавита, письменности, но не имели также и культурного языка.

Октябрьская революция, диктатура пролетариата для всех народов Страны советов выдвинули на смену ранее господствовавшему языку буржуазии новый язык господствующего класса — пролетариата. Но такие народы, как русские, белоруссы, украинцы, армяне, грузины развивали язык эпохи социализма на базе более или менее богатого наследства языка и литературы буржуазии. Отсталым же народам, только после великой Октябрьской революции получившим алфавит и приступившим к овладению грамотностью, приходится строить свой язык эпохи социализма без всякого буржуазного наследства, или, еще хуже, с дурным, эпохи феодализма и родового строя, наследством господства чужого или мертвого языка, как арабский, монгольский и т. п. Эти народы, преодолевая чуждые их родному языку арабские и иные влияния, должны установить для своего языка орфографию, грамматику, синтаксис, разработать терминологию, сложить из группы неразвитых, оторванных друг от друга, примитивных племенных и родовых диалектов свой национальный литературный язык, способный обслуживать слож-

ные, развивающиеся на основе новейшей техники отношения людей в производстве и культурной жизни.

На XVI съезде партии в отчетном докладе т. Сталин, разбивая доводы великодержавных шовинистов, ратующих за свертывание национальной политики, говорил: «На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию, национальных по форме. Они (великодержавные шовинисты — *Д. К.*) очевидно не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укреплением общеобязательного первоначального образования на родном языке» (Стен. отч. XVI съезда ВКП(б), стр. 55).

Насколько велико препятствие к овладению современной техникой и культурой, вырастающее из отсталости языка данной национальности становится особенно ясным из изучения опыта работы по переводу на национальные языки произведений классиков марксизма-ленинизма. В итоге проверки этих переводов во многих нацреспубликах и областях было изъято большое количество изданных книг. Изъят перевод «Вопросов ленинизма» на киргизский язык. Изданные на казакском языке ряд произведений Маркса, Ленина, Сталина оказались непонятными грамотному казаку. Крупнейшие политические искажения были допущены в переводах на крымско-татарский язык доклада т. Сталина на XVII партсъезде и «Коммунистического манифеста». Все эти издания, а также ряд изданий на таджикском, мордовском, дагестанских и других языках были изъяты.

Президиум ЦИК СССР в упомянутом выше решении отмечает, что

1. «Новый алфавит явился одним из серьезных факторов, содействовавших боле быстрому подъему культурного строительства ранее отсталых народов Союза — ликвидации неграмотности, введению всеобуча, развитию печати и издательства, введению делопроизводства на родном языке, созданию национальной стенографии и пишущих машин на новом алфавите и т. д.

2. При ближайшем участии ВЦК НА в нацреспубликах и областях проведена значительная работа по развитию литературных языков, созданию терминологии, орфографии, составлению грамматик и словарей, а также по развитию полиграфии на новом алфавите.

3. Все эти успехи были достигнуты на основе правильного проведения ленинско-сталинской национальной политики в упорной классовой борьбе как с великодержавным, так и с местным национализмом, оказавшими резкое сопротивление новому алфавиту».

Учитывая сложную обстановку, возникающую в силу трудностей развития литератураных языков отсталых народов, президиум ЦИК СССР нашел необходимым, чтобы ВЦК НА, уже

начавший оказывать помощь национальностям и в этом отношении, продолжил свою работу.

«Придавая большое политическое значение, — говорится в постановлении ЦИК, — переходу на более совершенный алфавит на латинской основе и в целях дальнейшего усиления и развития языковой культуры национальностей, перешедших на новый алфавит, президиум ЦИК Союза ССР постановляет: 1) предложить ВЦК НА наряду с дальнейшим усовершенствованием и унификацией нового алфавита, развернуть работу по оказанию систематической помощи национальностям в развитии литературного языка и научной разработке орфографии, терминологии, грамматики и словарей, путем консультации мест по конкретным вопросам и созыва периодических научных совещаний по вопросам культуры языка и письменности» (подчеркнуто мною *Д. К.*).

Это постановление ставит перед ВЦК НА новые задачи огромного политического и культурного значения. До этого постановления главной задачей ВЦК НА была разработка алфавитов. Только в последние годы ВЦК НА начал подходить к вопросам орфографии, грамматики, словарей и литературного языка. Теперь основным содержанием работы ВЦК НА становится содействие развитию литературных языков национальностей.

Такая постановка работы требует от ВЦК НА коренной перестройки, рассчитанной на целый ряд лет, ибо развитие литературных языков не может быть причислено к числу задач, которые разрешаются в 1—2 года. ВЦК НА должен иметь постоянно в поле своего зрения каждый отдельный язык и систематически следить за его развитием; нужно чтобы помощь ВЦК НА соответствовала потребности этого языка и приходила во время, чтобы эта помощь была не только научно обоснована, но и политически соответствовала обстановке, исходя из генеральной линии партии, из основ ленинско-сталинской национальной политики; чтобы помощь ВЦК НА содействовала передовым, социалистическим тенденциям развития данного языка в их борьбе с отсталыми реакционными, классово-чуждыми тенденциями.

**
*

Для того чтобы правильно перестроить работу ВЦК НА надо подвести итоги прошлым этапам работы ВЦК НА, учесть отдельные ошибки и промахи, четко уяснить содержание, характер и объем новой работы.

Прошлую работу ВЦК НА можно разбить на два этапа, бакинский и московский.

Стихийное массовое движение за новый алфавит на латинской основе раньше всего (1922 г.) возник среди бакинского, тюркского пролетариата. Это движение скоро захватило азербайджанских тюрок, северокавказских горцев и почти все тюркотатарские народы Союза. В 1926 г. состоялся первый тюрколо-

гический съезд в Баку, на котором присутствовали представители всех тюрко-татарских народов Союза, а также представители Турции, Венгрии и др. Этот съезд призвал все тюрко-татарские народы перейти на новый тюркский алфавит на латинской основе. Вскоре после тюркологического съезда создался ВЦК НТА (Всесоюзный Центральный Комитет Ново-Тюркского Алфавита) для содействия переходу тюркских народов на новый алфавит. ВЦК НТА работал до 1929 г. Это бакинский период.

Основным итогом этого периода является завершение официального перехода тюрко-татарских народов Союза на новый алфавит, унификация нового тюркского алфавита, начало организации полиграфбазы на новом алфавите. Основным содержанием классовой борьбы этого периода надо считать: 1) борьбу с арабистами, пытавшимися опорочить новый тюркский алфавит, сорвать ликвидацию неграмотности на новом алфавите, и 2) борьбу с пантюркизмом, который на тюркологическом съезде особенно четко проявил шовинистические тенденции использовать новый тюркский алфавит как прикрытие к обособлению тюркских народов от остальных народов Союза, тенденцию к созданию общего тюркского языка, тенденцию оторвать развитие тюркских языков от социалистического строительства, держать курс на развитие его в самом себе, а в сущности на подчинение его развития зарубежным тюркским языкам, развивающимся в условиях буржуазно-феодального строя.

Основной ошибкой этого этапа надо считать отрыв алфавита от орфографии и вообще от развития языка. Именно, на этом этапе выявляется отставание науки от задач социалистической революции в области письменности и языка. На этом же этапе получает место основная ошибка, допущенная в деле нового алфавита — многобуквенность алфавита, явившаяся следствием уступок противникам нового алфавита и результатом недооценки техники (полиграфбазы, машинописи, телеграфа).

Огромные успехи нового тюркского алфавита, быстрый подъем грамотности у тюркских народов, перешедших на новый алфавит, приковывает к нему внимание и ряда не тюркских народов. Последние также начинают вводить у себя новый алфавит на латинской основе. ВЦК НТА получает новую задачу помочь всем народам Союза, имеющим отсталый алфавит или вовсе не имеющим его.

В 1929 г., в связи с новыми функциями, ВЦК НТА переименовывается в ВЦК НА и окончательно обосновывается в Москве. Так начинается второй этап его работы, продолжающийся до 1935 г. В этот период ВЦК НА вовлек в круг своей деятельности около 70 национальностей с населением около 25 миллионов человек. К 1935 г. на новом алфавите в нашем Союзе писали и читали уже 58 национальностей. Кроме того, имела место разработка новых алфавитов для 10 «малых» народов Севера, не имевших перспектив для развития письменно-

сти на своем родном языке (алеуты — 336 чел., ительмены — 869 чел. и т. д.). Это было ошибкой. На этом этапе Научный Совет получает свое лицо и занимает в работе ВЦК НА должное место; благодаря некоторому укреплению научной базы, ВЦК НА начинает исправлять некоторые ошибки первого этапа. Приступает к разработке орфографии, грамматики, словарей, к изучению всего процесса строительства языка (специальные лингвистические экспедиции и научные командировки). В дальнейшей работе по усовершенствованию нового алфавита уже принимается во внимание требование техники и ведется борьба с многобуквенностью. Специально прорабатываются вопросы полиграфбазы (стандарты комплектовок шрифтов, клавиатуры наборных машин, стандарты национальных шрифткасс и т. д.

Основным содержанием работы Научного Совета ВЦК НА на втором этапе, получившем свое направление на первом пленуме его в 1933 г., стало дальнейшее усовершенствование нового алфавита и разработка методических вопросов орфографии, грамматики, терминологии и т. д.

Классовая борьба на этом этапе шла в более обостренных и более утонченных формах. Нацдемовщина повсюду упорно отстаивая самобытность языка, его надклассовую природу, добивалась его независимости от русского языка, называя руссификацией весь процесс врастания в нацязык советизмов.

Основной ошибкой этого этапа надо признать попытки латинизации алфавита малочисленных народов, главным образом, народов Севера, живущих разбросано среди русского населения и частично пользовавшихся уже русским алфавитом. Исправить эту ошибку, значит отказаться от огульных мероприятий, подходя конкретно и индивидуально к каждому языку, фиксируя внимание и работников ВЦК НА и местных комитетов НА на перспективах развития данного языка.

На этом этапе выявился и получил свое конкретное выражение вопрос о взаимоотношениях ВЦК НА и местных комитетов НА.

На первом этапе вопрос о взаимоотношениях между ВЦК НТА и местными органами не возникал. Во-первых, потому, что борьба за новый алфавит была массовой борьбой. Эта борьба подгоняла местные органы и побуждала их более энергично развертывать сеть ликвидации неграмотности, печатание учебников. ВЦК НТА разрабатывал алфавиты, помогал наладить и ускорить печатание учебников, помогал организовать отпор реакционерам и классовым врагам — противникам нового алфавита, переносил опыт латинизации письменности одной национальности в работу другой национальности. ВЦК НТА был органом содействия правительствам нацреспублик и областей. На втором этапе положение изменилось. С одной стороны, ВЦК НА стал органом ЦИК Союза ССР. С другой стороны, процесс латинизации перешел за рамки алфавита и простой грамотности. Развитие языка начало предъявлять более серьезные требования

к местным органам. Целый ряд местных комитетов не были подготовлены к удовлетворению этих требований или вовсе их не замечали, готовясь, поскольку вопросы алфавита были в основном решены, свернуть работу на этом участке, или свалить ее на ВЦК НА. В последние годы работа ряда местных комитетов НА сильно упала, а большинство комитетов работали явно неудовлетворительно.

Постановление ЦИК СССР от 17 августа учло это положение. Все содержание этого постановления подтверждает, что ВЦК НА остается и на новом этапе организацией содействия местным органам. В п. 1 постановления прямо сказано: «...развернуть работу по оказанию помощи... путем консультации мест по конкретным вопросам и созыва периодических научных совещаний по вопросам культуры языка и письменности». За развитие строительства литературного языка отвечают местные комитеты НА, которые и должны вести всю работу на местах.

В п. 7 постановления ЦИК Союза предлагается ЦИК союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам:

«а) в 2-месячный срок пересмотреть сеть местных комитетов нового алфавита и усилить работу в оставшейся сети в соответствии с настоящим постановлением,

б) обеспечить систематическое и конкретное руководство местными комитетами нового алфавита, укомплектовав штаты последних и организовав регулярное снабжение комитетов необходимыми средствами за счет местного бюджета».

В п. 8 — «...считать необходимым, чтобы комитеты нового алфавита в республиках возглавлялись председателями ЦИК, а в краях и областях — председателями соответствующих исполкомов».

Таким образом ЦИК Союза считает очередной задачей укрепление местных комитетов НА и поднятие их авторитета. ВЦК НА должен проследить выполнение этого постановления и оказать помощь местным комитетам НА поднять работу, используя всестороний опыт, накопленный за эти годы. Этим ВЦК НА должен исправить еще одну из ошибок прошлых этапов работы, состоявшую в недооценке укрепления местных органов, в недостаточном внимании к их работе.

Одним из серьезных упущений прошлых этапов работы нужно признать недостаточное внимание к вопросу собирания, выращивания и воспитания местных научных сил, весьма немногочисленных, и также недостаточность бдительности в использовании лингвистических кадров на местах, часто идеологически чуждых. Одной из причин этого была слабость научной базы самого ВЦК НА. ВЦК НА имел очень ограниченное количество штатных научных работников и принужден был опираться на крупных специалистов, занятых в других учреждениях. На новом этапе укрепление научной базы и организация местных научных сил встает срочной задачей, на которую ВЦК НА должен

обратить особое внимание. Правительство создает специальные условия для расширения и укрепления научной базы ВЦК НА.

В п. 2 постановления ЦИК Союза ССР сказано: «Предложить Академии Наук Союза ССР (Институт языка и мышления, Институт Востоковедения), Институту Национальностей ЦИК Союза ССР, Правлению союза советских писателей, а также Институтам национальных культур на местах включить в планы своих работ разработку вопросов по языку и письменности национальностей СССР и обеспечить плановой регулярной помощью Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита».

Это постановление дает ВЦК НА возможность по-новому организовать свои научные силы, в число которых включены такие авторитетные истиутты, как Институт языка и мышления, Институт Востоковедения, Институт Национальностей, и такая мощная сеть, как местные Институты Национальной культуры, стоящие в непосредственной близости к процессу развития языка своей национальности, хорошо знающие свой язык и его актуальные нужды.

Включение в состав научной базы ВЦК НА местных Институтов Национальной культуры имеет исключительное значение, ибо этим организуется местная база научной работы как опорный пункт центральных институтов, обладающих высокой научной квалификацией, но располагающих ограниченным количеством работников. Эту местную научную базу мы должны срочно изучить и принять меры к ее расширению и укреплению.

Особо надо отметить и подчеркнуть важность постановления Президиума ЦИК Союза о привлечении к работе ВЦК НА и его системы Союза советских писателей. На первых двух этапах работы ВЦК НА писатели не принимали в ней почти никакого участия. Нужно было ожидать, что в последние годы писатели втянутся в огромное дело строительства языка. Однако мы были свидетелями того, что на первом съезде писателей почти ничего не было сказано о литературных языках отсталых национальностей, о их орфографии, грамматике, терминологии и т. д. Помощь писателей в языковом строительстве может быть огромна. Мы приветствуем включение Союза советских писателей в нашу работу и ждем от них очень большой помощи как в центре, так особенно и на местах.

Такое мощное подкрепление научной базы дает возможность ВЦК НА организовать у себя группы научных работников по каждому отдельному языку, в состав которой войдут и научные специалисты центральных институтов и научные работники местных институтов национальной культуры, писатели центральные и местные. Такие группы работников, несомненно, будут в состоянии вести систематическое научное наблюдение за всем ходом развития данного языка, точно выявить, что, именно, нужно сделать для того, чтобы это развитие языка шло по соответствующему интересам эпохи социализма руслу. Наличие такой группы систематически работающей по вопросам определенного языка обеспечит: во-первых, более научно обоснованное и

конкретное составление планов работы местных комитетов НА: во-вторых, более высокое качество разработки отдельных мероприятий: орфографии, грамматики, словарей и др.; в-третьих, более систематическую работу по внедрению отдельных мероприятий, критику и исправление отдельных ошибок и уклонов в развитии литературного языка; в-четвертых, формирование и повышение квалификации местных кадров научных работников — специалистов данного языка. Наконец такая группа сумеет правильно поставить и провести подготовку кадров для данного языка.

Вопрос о подготовке кадров для национальных языков с каждым годом становится все более серьезным вопросом, тем более, что до последнего времени по-настоящему этим вопросом почти никто не занимался. ВЦК НА, начавший работу по подготовке соответствующих кадров, не нашел достаточно энергичной поддержки ни со стороны местных комитетов НА, ни со стороны центральных учреждений. Поэтому ВЦК НА поставил этот вопрос в числе других перед Советом Национальностей. ЦИК Союза ССР, который непосредственно руководит работой ВЦК НА и оказывает ему постоянную и самую серьезную помощь. В п. 3 постановления ЦИК Союза от 17 августа этот вопрос нашел свое отражение. ЦИК Союза постановил: «Одобрить предложение Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза по организации и разработке конкретного плана подготовки и переподготовки национальных лингвистических кадров по языковому строительству, а также плана мероприятий по подготовке работников национальной полиграфии, стенографии и машинописи».

Это постановление обязывает ВЦК НА перейти в деле подготовки и переподготовки кадров языка и письменности от отдельных случайных попыток в русло серьезных плановых мероприятий, позволяющих охватить довольно широкий круг работников, нужных языковому строительству национальностей. Теперь от активности местных комитетов НА и местных Институтов Национальной культуры, от активности ВЦК НА и его научной базы будет зависеть успешность реализации этого решения.

***

Эти новые условия позволяют ВЦК НА и его Научному Совету развернуть по-новому свою работу, исправить допущенные на прошлых этапах ошибки.

Ошибки прошлых этапов имели свои корни, во-первых, в новизне самого дела, отсутствии подготовленных к нему работников, во-вторых, в недостаточно четком уяснении всего объема поставленной задачи, в-третьих, в условиях крайне обостренной классовой борьбы, когда классовый враг, ловко маневрируя, использовывал и нашу недостаточную бдительность и нашу неопытность.

Если на первых шагах новый алфавит встретил отпор только со стороны наиболее дальновидных представителей буржуазных

националистов и клерикалов, то позже, когда НА начал завоевывать массы все новых и новых народов, на него ополчились все силы разбитого, отживающего, враждебного мира. Пантюркизм, нацдемовщина — вот основные враждебные новому алфавиту течения, которые пришлось преодолеть на первых двух этапах работы, под руководством партии и нашего мудрого вождя т. Сталина.

Изучение всего хода классовой борьбы вокруг вопросов языка и алфавита на прошлых этапах работы показывает, что эта борьба была частью общей борьбы капиталистических и националистических элементов против советской власти и диктатуры пролетариата. Султан-галиевщина в Татарии, вели-ибрагимовщина в Крыму, байтурсуновщина в Казакстане, касымовщина в Узбекистане, и т. д.—все это звенья одной контрреволюционной цепи, теперь уже повсеместно разоблаченной и ликвидированной. Но мы должны признать, что часто, несмотря на постоянные предупреждения партии и ее вождя т. Сталина, работники по латинизации как в центре, так и на местах, не умели во-время рассмотреть лицо классового врага в том или ином уклоне или ошибке языкового строительства. Таких случаев много. Они свидетельствуют о недостаточной бдительности и о недостаточной марксистско-ленинской вооруженности ряда работников системы ВЦК НА.

Мы допустили отрыв алфавита от орфографии и от самого языка, от интересов техники, вследствие чего выработанные нами алфавиты имеют ряд дефектов, затрудняющих их усвоение трудящимися, затрудняющих полиграфбазу, тормозящих использование алфавита на телеграфе и т. д. Президиум ЦИК Союза специально отмечает эту нашу ошибку в своем постановлении. Именно, наличие этой ошибки, очень поздно замеченной и до сих пор не исправленной, обязывает ВЦК НА проводить еще очень значительную работу «по усовершенствованию и унификации алфавитов», как сказано в постановлении ЦИК Союза. Дальнейшее усовершенствование и унификация алфавитов должна привести к увязке алфавитов с полиграфбазой, облегчить печатание национальной литературы, облегчить и закрепить усвоение алфавита массами трудящихся, способствовать снижению рецидивов неграмотности.

Причина этой ошибки лежит к нечетком представлении задачи, в недопонимании того, что алфавит, письменность есть только ключ к грамотности, к культуре же ключом является язык, для которого алфавит только средство. В противном случае мы рассмотрели бы враждебный маневр классового врага, требовавшего многобуквенность алфавитов и сумели бы научно обосновать отпор ему.

И вторая крупная ошибка, отмеченная ЦИК Союза ССР — разработка и внедрение алфавитов среди малочисленных народов, свидетельствует о недоучете конкретных условий, о бюрократическом подходе к вопросам языка.

Следует признать и довести до сознания всех работающих по линии НА, что эти и другие наши ошибки мы осознали поздно и только в связи с прямыми указаниями партии и его печатных органов («Правда», «Большевик») на наши ошибки, что еще раз подчеркивает недостаточную бдительность нашу и недостаточное критическое отношение нас к своей работе. Случай с брошюрой Хансуварова и др. мы должны помнить, как урок, побуждающей к постоянному повышению классовой бдительности, к развитию и поощрению самокритики.

Мы должны особо подчеркивать ошибки и недочеты прошлой работы ВЦК НА, потому что огромная работа, проделанная нашей системой и ее достижения совершенно бесспорны и отмечены ЦИК Союза ССР в его постановлении.

Осознание нами своих ошибок уже много помогло в нашей практической работе.

*
**

Первый пленум Научного Совета дал достаточно четкую оценку извращениям и уклонам в алфавите, орфографии, терминологии, установил ряд методических указаний в разработке этих вопросов. В нашей практике за последние годы мы уже приступили к изучению языков национальностей и происходящих в них процессов путем специальных экспедиций с привлечением значительного количества местных работников. Мы уже начали вовлекать в работу по терминологии, грамматике широкий круг передовых рабочих и колхозников. Мы уже завязали связи с писателями. Но все это только начало. На новом этапе мы должны более внимательно и более обоснованно проработать и наши планы и наши методы работы.

ВЦК НА в этом году впервые разработал план своей работы на 1936 г. более или менее согласованно с местными комитетами. Но мы знаем, что не все местные комитеты достаточно серьезно и по-деловому отнеслись к разработке своего плана и к согласованию его с нашим планом. Мы знаем и то, что мероприятия внесенные в план, только грубо увязаны с характером и темпами развития самого языка. Необходимость уточнения и планов местных комитетов и нашего плана, их более четкая увязка с процессом развития языка несомненна. Но, чтобы эту работу сделать четко, нам необходимо установить единый метод разработки ее. Таких методов у нас еще нет.

На втором пленуме Научного Совета поставлен один основной вопрос: состояние и развитие языка. Задача пленума на конкретных фактах развития тюркско-татарских языков и кавказских языков рассмотреть и выяснить вопросы элементов языка, вопросы орфографии, грамматики, терминологии, установить пути перехода от отдельных племенных и родовых диалектов к национальному литературному языку. Доклады акад. Самой-

ловича и акад. Мещанинова о состоянии и развитии языка, содоклады местных работников по отдельным элементам языков, обсуждение этих вопросов на пленуме должны нам дать методы определения общего объема работы по каждому отдельному языку, методы определения отдельных мероприятий по каждому отдельному языку, освоить вопросы внедрения отдельных мероприятий в практику языка и этим открыть нам путь к сознательному уточнению плана работы местных комитетов и ВЦК НА.

Второй пленум должен развернуть обсуждение всех этих вопросов так, чтобы его результаты стали основой поворота работы всей системы ВЦК НА на новом этапе в исполнение постановления ЦИК Союза ССР и Совета Национальностей ЦИК Союза ССР.

Изменение объема работы ВЦК НА, перестройка всей его системы в соответствии с новыми задачами, укрепление его научной базы ставит перед нами неизбежно вопрос и о перестройке методов работы, прежде всего в направлении усиления темпов ее.

Темпы экономического и культурного и всего социалистического развития национальностей нашего Союза с каждым годом растут. Стахановское движение с каждым днем захватывает все новые тысячи передовых рабочих и колхозников во всех районах и областях Союза. На наших глазах оно переходит на новый этап, когда уже не отдельные рабочие, а коллективы целых цехов, целых заводов пересматривают все пути и средства для поднятия производительности труда, пересматривают планы и ставят конкретно вопрос о второй пятилетке в четыре года. Эта обстановка должна нам напомнить, каким тяжелым препятствием для рабочих и колхозников отсталых национальностей делается отсталый язык в их стремлении овладеть новейшей техникой, поднять свою культуру, чтобы стать в ряды стахановцев. Мы неизбежно должны повысить темпы нашей работы, повысить производительность труда наших научных работников, ускорить темпы внедрения в практику разработанных мероприятий.

Перед нашими научными работниками стоит задача поскорее учесть и стянуть силы, которые могут работать для каждого отдельного языка, организовать их вокруг нашего научного работника по данному языку, расставить эти силы для выполнения плана так, чтобы максимально были использованы и время и способности каждого. Сам план работы в процессе его уточнения должен быть так перестроен, чтобы с общим планом мероприятий по отдельному языку местного комитета НА были увязаны планы ВЦК НА, и планы институтов Академии Наук и Института Национальностей ЦИК СССР, и институтов национальной культуры на местах так, чтобы последние повернулись лицом к языковому строительству во всей их работе. Рядом с этой организацией сил необходимо пересмотреть и методы работы, открыть пути к стахановским показателям производи-

тельности труда и к максимальному сокращению сроков выполнения отдельных работ.

Опыт работы прошлых этапов указывает нам, что одним из слабых мест в нашей работе было недостаточное внимание к внедрению наших мероприятий в практику языка. В основном почти господствовал самотек, очень плохой учет, почти отсутствовал контроль. В нашей работе на новом этапе мы должны уже в наших планах уделить определенное внимание вопросам внедрения учета и контроля. Это необходимо и для того, чтобы быть в состоянии во-время обнаружить ту или иную ошибку и исправить ее на-ходу.

Наши периодические сборники по вопросам языка и письменности национальностей, которые постановление ЦИК Союза нас обязывает издавать, дадут возможность всем работникам на фронте языкового строительства национальностей, организовать взаимную информацию и широкое обсуждение всех вопросов, которые неизбежно будут возникать в этой сложной работе.

В этих условиях, если деятельность ВЦК НА, в период первой пятилетки, сконцентрированная на вопросах алфавита, явилась средством для успешной борьбы с неграмотностью, то в годы второй пятилетки с развертыванием углубленной работы над литературными языками, она превращается в значительный фактор развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов СССР.

Акад. САМОЙЛОВИЧ А.

РАЗРАБОТКА НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ЯЗЫКАХ ТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ.

(Термины по астрономии на азербайджанско-тюркском языке.)

С каждым годом расширяется и совершенствуется у нас в Союзе работа по созданию научной терминологии на многочисленных языках народов, населяющих союзные советские республики, и в том числе на языках тюркской системы в связи с растущими успехами этих народов в областях промышленности, сельского хозяйства и национальной по форме, социалистической по содержанию культуры.

Разработка научной терминологии производится на основе принципов, предлагаемых ВЦК НА, и более детальных положений, устанавливаемых в результате лингвистических конференций отдельных республик, краев, областей с учетом специфических особенностей не только различных систем языков, например, системы тюркской, но и различных языков внутри каждой системы, например — с одной стороны, ойротского на Алтае, а с другой — каракалпакского на Аральском море и с третьей, допустим, азербайджанско-тюркского.

В настоящей краткой заметке я делаю попытку выявления положительных и спорных, с моей точки зрения, сторон в разработке научной терминологии на азербайджанско-тюркском языке на конкретном примере: терминологии по астрономии, выпущенной в свет в 1935 г. азербайджанским отделением Академии Наук СССР в Баку[1].

Выпуск заключает в себе 942 термина, расположенных в алфавитном порядке русских оригиналов (стр. 7—29) с приложением алфавитного указателя азербайджанских соответствий (стр. 33—34). Никаких пояснений к терминологическому словарику по астрономии не дано.

Преобладающее число астрономических терминов принято в настоящем издании на основе интернационального принципа, что надо признать совершенно правильным, особенно в отношении такой сугубо интернациональной науки, как астрономия. Довольно характерной особенностью современной астрономической интернациональной терминологии является то, что

[1] М. Кямиль. Терминология по астрономии.

в ней, наряду с преобладающими терминами греческо-латинского происхождения, имеются и термины арабские, как вклад средневековой арабоязычной астрономии Переднего Востока в мировую науку, например, названия звезд — альгениб, альдебаран, аль-рамех, альтаир и др. (стр. 7—8) или отдельные астрономические термины. Значительно также количество имен арабского происхождения среди включенных в терминологический словарик личных имен мировых астрономов разных времен и народов: Абуль-Вефа, Абуль-Хасан, Али-бен-Иса, Альмеон-Альмансур и т. д.

Среди астрономических терминов интернационального происхождения имеется немалое количество имен прилагательных, и вопрос о том, как эти прилагательные передаются на азербайджанско-тюркском языке, представляет выдающийся интерес, поскольку, как известно, в современном языковом строительстве вопрос о прилагательных в языках тюркской и некоторых других систем является чрезвычайно актуальным. Не приходится, по-моему, в общем возражать против приемов разрешения этого вопроса в Азербайджане применительно к астрономической терминологии.

Приемы эти следующие: 1) если соответствующий астрономический термин выражен на русском языке интернациональным словом с исключительно-русским окончанием прилагательного, например: Магеллановы облака, магнитные бури, меридианный круг, пассажный инструмент, то по-азербайджански дается конструкция из двух имен существительных: maçellan bulutları (стр.19), maqnit fırtınaları (там же), meridian dairəsi (там же), pasaz aləti (стр. 22) и таким образом совершенно правильно и уместно использовывается специфическая для языков тюркской и некоторых иных систем конструкция, вполне удовлетворительно и на современной стадии развития азербайджанского языка заменяющая сочетание с прилагательным других систем языков. 2) Если астрономический термин на русском языке представляет собой интернациональное слово со смешанным западноевропейским и специфически русским окончанием прилагательного, например: хроматическая аберрация, актинические лучи, аномалистический месяц, аномальные хвосты, армилярная сфера, астрономические знаки, ахроматические стекла, космическая пыль, то по-азербайджански дается прилагательное лишь с западноевропейским окончанием: xromatik abernasija (стр. 7), aqtinik şya'lar (там же), anomalistikaj (стр. 8), anomal qujruqlar (там же), armilar sfer (там же), astronomik işarətlər (стр. 9), axromatik şişələr (там же), qosmik toz (стр. 18).

Не возражая против этого типа прилагательных в тех случаях, когда без них затрудняется создание соответствующего научного термина и когда они не носят чрезмерно искусственного характера, не могу вместе с тем не указать на то, что сам азербайджанский словарик астрономических терминов дает примеры, убедительно доказывающие, что в известных случаях можно прекрасно обходиться без таких прилагательных, заменяя их сочетанием имен существительных: азимутальные круги — azi-

mut dairələri (стр. 7), драконический месяц — draqon ajь (стр. 14), зодикальные созвездия — zodiaq bьrçləri (стр. 16) и т. д.

Не было по-моему особой нужды переводить название выходящего много лет в Нижнем-Новгороде (ныне в Горьком) «Астрономического ежегодника» через «Astronomik illik» только потому, что в русском оригинале употреблено прилагательное. Перевод «Astronomija illigi» мне представлялся бы более благозвучным, более привычным уху азербайджанца и достаточно при этом точным.

Считаю необходимым с большим удовлетворением отметить отрадный факт, что среди азербайджанских астрономических терминов издания 1935 г. нет прилагательных типа biolozi, ideolozi, при существительных формы biologija, ideologija, как предлагается изданною в 1934 г. в Баку на правах рукописи брошюрою «Правописание на азербайджанско-тюркском языке» (стр. 31). Хотелось бы надеяться, что и среди терминов по другим дисциплинам прилагательные подобного исключительно нецелесообразного типа появляться в дальнейшем не будут.

Кроме вопроса о прилагательных в связи с терминами, образуемыми по принципу интернациональности, следует несколько остановиться еще на вопросе об о к о н ч а н и я х имен с у щ е с т в и т е л ь н ы х. Интернациональные термины, оканчивающиеся в руском языке на «ия»: аберрация, агрегация и т. д., по-азербайджански сохраняют это окончание: aberrasija, aqreqasija (стр. 7), что надо признать совершенно правильным и бесспорным. Но в таком случае нельзя не признать спорным отбрасывание конечного — «а» в таких словах, как «аксиома» из греческого aqsioma, по-азербайджански, вслед за французским, aqsiom (стр. 7) или как «аналемма» и греческого analemma, по-азербайджански, вслед за французским, analem (стр. 8), но вместе с тем по-русски «дата» из французского date и по-азербайджански тоже data (стр. 14), по-русски «линза» из немецкого Linse и по-азербайджански тоже linza (стр. 18). Спорным следует также признать — «о» в конце слова metro в значении метр (стр. 19) и в таких словообразованиях, как актинометр — aqtinometro (стр. 7) и др. Я стою за metr.

Второе по количеству место занимают в азербайджанском словарике астрономических терминов термины а р а б с к о г о происхождения, почерпнутые непосредственно из средневекового научного языка Переднего Востока. Такие термины арабского происхождения даются преимущественно, но не исключительно в тех случаях, когда в русской терминологии имеется не интернациональный, а русский термин. Примеры: абсолютный — mutləq (стр. 7), нуль — sьfьz (там же), луч — şya' (стр. 7, 19), астрология — nyçum elmi (стр. 9), единица — vahid (там же), вест — qərb (стр. 10), наблюдение — myşahidə (стр. 11, 20), поверхность — sətih (стр. 22), новолуние — hilal (стр. 20), полнолуние — bədr (стр. 23) и т. д. Употребляются и соответствующие формы имен п р и л а г а т е л ь н ы х: восточный — şərqi (стр. 11), географический — çoqrafi (стр. 12), кольцевой — həlqəvi (стр. 15),

шаровой — kyrəvi (стр. 28). Мне думается, что при дальнейшей переработке астрономической терминологии можно будет еще более сократить число средневековых арабских терминов, заменив их или интернациональными, или тюркскими. Уже и на настоящей стадии разработки астрономической терминологии в Азербайджане многие а р а б с к и е термины вполне благополучно заменены и н т е р н а ц и о н а л ь н ы м и, что является несомненно одной из положительных сторон издания: глобус—qlobus, градус — qradus, компас — qompas, элемент — element.

Тюркские, доступные пониманию широких трудящихся масс Азербайджана и облегчающие им ознакомление с астрономией, термины занимают в настоящем словарике только третье место, причем не все тюркские элементы словарика являются азербайджанскими, часть их — анатолийско-турецкая, например: буря — fırtına (стр. 19).

В некоторых случаях вместо термина дается популярное описание данного термина на тюркском языке, например: акронитический восход звезды — ulduzun gynəş batarkan doqmasь (стр. 7), гелиактическое восхождение звезды — ulduzun il myddətində ilk dəfə səhər doqmasь (стр. 12) и др.

Возникает вопрос, в какой мере при выборе азербайджанских названий для звезд и созвездий учитывалась астрономическая терминологии широких трудящихся масс земледельцев и скотоводов, в трудовом календаре которых звезды и созвездия занимали в недалеком прошлом видное место. В частности, арабский термин Surejja или тюркский — Ylkər пользуется преимущественным распространением в живом тюркском языке Азербайджана в значении Плеяд (стр. 22)? Персидский термин Kəhkəşan или тюркский Saman yolu занимает первое место в живом тюркском языке в значении Млечного пути (стр. 20)? Какое из трех названий Полярной звезды следует выдвинуть вперед применительно к живому языку: qytyb ulduzu, gyl ulduzu, dəmir qazьq (стр. 23). Употребительно ли среди трудящихся Азербайджана выраженное по-тюркски название созвездия Большой медведицы—Bəjyk Ajь bynçy (стр. 10) и нет ли для этого созвездия других тюркских названий?

Мне остается сказать еще несколько слов о судьбе в тюркской астрономической терминологии отдельных иноязычных звуков. Фамилия астронома Гельмгольц передана по-тюркски с сохранением конечного звука «ц»: Helmholts (стр. 12). Хотелось бы усмотреть в этом факте залог того, что в дальнейшем тюркский язык в своем поступательном движении вперед не будет сопротивляться усвоению этого широко распространенного в научной терминологии многих языков звука, который пока заменяется обычно в тюркском языке звуком s: аберрация — aberrasija (стр. 7) и т. д. Во изменение прежних своих выступлений против звука h тюркского языка в интернациональных словах типа гелиограф — helioqraf (стр. 12) я в настоящее время не считаю правильным возражать против правописания Hegel, Helmholts и т. п., так как при быстро возрастающей степени знаком-

ства трудящихся СССР всех национальностей с западноевропейскими языками звук h не является более чуждым широким кругам грамотных среди русских и среди других народов Союза и так как в связи с этим звук h имеет шансы утвердиться в живой речи, а затем и в письменности народов, ранее не знавших этого звука и заменявших его звуком «г», как русские.

В общем, число спорных пунктов в разобранном мною азербайджанском словарике астрономических терминов невелико, и я счастлив приветствовать Сектор языка азербайджанского отделения Академии Наук СССР, в связи с его плодотворной деятельностью в области разработки тюркской научной терминологии.

Проф. ЯКОВЛЕВ Н.

О РАЗВИТИИ И ОЧЕРЕДНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЛАТИНИЗАЦИИ АЛФАВИТОВ.

Движение за латинизацию алфавитов в СССР началось после Октябрьской революции, охватив в первой период тюрские народы. Введение нового латинского алфавита сыграло огромную роль в успехах культурной революции среди национальностей. Борьба за латинизацию, развернувшись как революционная борьба широких масс трудящихся Советского Востока за советскую национальную культуру против средневекового обскурантизма мусульманского и иного духовенства, против местных феодалов и буржуазии, приняли характер яркой классовой борьбы. Латинизированная письменность, как общедоступное орудие массовой грамотности трудящихся, пришла на смену кастовой грамотности духовенства, феодалов и буржуазии и будучи выработанной в условиях передовой капиталистической техники, латинский алфавит сменил устарелые формы арабского письма, возникшие на основе ручной средневековой техники.

Как же был создан унификационный новый тюркский алфавит? Для тюрко-татарских языков, имевших сравнительно простой звуковой состав в области гласных, еще в первоначальном проекте Азербайджанского алфавита было взято 25 букв (так называемые основные буквы) обычного латинского алфавита [1] и к ним добавлены еще 8 букв (так называемые дополнительные буквы), представляющие собой видоизменения латинских знаков, главным образом, для гласных. Уже в этом первоначальном проекте все дополнительные к основным латинским буквы представляли собой одинарные, а не составные (двойные, тройные и т. д.) литеры и буквы [2]. На I пленуме ВЦК НТА, когда обсуждался и принимался проект унифицированного алфавита, вопрос о принципах и способах создания дополнительных (к латинскому алфавиту) букв был подробно освещен в прениях. Хотя по этому поводу не было сформулировано никакого окончательного решения, тем не менее, как это видно из стеногра-

[1] Буква W в первоначальном НТА не употреблялась, как излишняя для тюрко-татарских языков. Впоследствии она вводилась в отдельные национальные алфавиты тех языков, которые имели по две фонемы — билабиальное W и лабио-дентальное V.

[2] Под литерой мы понимаем типографский, а под буквой — алфавитный (например, в букваре) знак.

фических отчетов, делегаты пришли к соглашению: во-первых, дополнять латинский алфавит, в основном, одинарными буквами, представляющими собой видоизменение букв основного латинского алфавита, во-вторых, избегать диакритических оторванных от корпуса буквы значков (надстрочных и подстрочных) и в-третьих, избегать дополнения в латинский алфавит таких букв из других не-латинских алфавитов, стиль которых резко противоречит общему стилю латинского алфавита. Уже это соглашение определило собой характер будущего алфавита. Вместе с тем, те немногие ученые специалисты, которые с самого начала участвовали в качестве консультантов в решении вопросов латинизации, определенно стояли на точке зрения так называемой теории фонем: при составлении практического алфавита надо выражать буквами не вообще все в конце концов бесконечное богатство звуковых отенков каждого языка, а лишь строго ограниченное количество звуков, общественно-выделяемых в речи значением самих слов. Эти общественно-выделенные звуки, «самостоятельные звуки», как их тогда называли, или фонемы, и должны были в алфавите обозначаться отдельными цельными одинарными буквами. Однако с самого же начала было совершенно ясно, что эти технические принципы, положенные в основу унифицированного алфавита, потребуют на практике неизбежных отступлений от них. Возможности изобретения новых форм букв в стиле латинского алфавита, — форм достаточно простых, — довольно ограничены. Все наиболее простые формы букв были уже исторически использованы в самом латинском алфавите. Видоизменять латинские буквы, не прибегая к составным буквам или к отдельным от букв диакритическим знакам, вообще оказалось возможным лишь тремя способами: перечеркиванием латинской буквы, добавлением к ней снизу слитного с корпусом буквы значка — «седиля» и, наконец, путем изобретения новых букв в стиле латинского алфавита (например, перевернутых латинских и т. п.). Перечеркивание, однако, применимо не ко всем буквам. «Седиль» тоже неудобен при буквах, имеющих выступы ниже строки. Возможности перевертывания и изобретения букв также весьма ограничены. Однако даже применение всех этих способов создания новых букв в алфавитах языков, фонетически наиболее богатых, часто не дает возможности образовать достаточное количество добавочных знаков, кроме того, это ведет к чрезмерному увеличению числа типографских знаков в отдельном алфавите. Поэтому в таких случаях приходилось сознательно прибегать к «двойным» буквам (например, в кавказских яфетических языках для изображения долгих гласных в ряде тюрко-татарских языков и т. д.), т. е. к изображению ряда фонем с помощью сочетаний из двух литер. С другой стороны, добавочные видоизмененные буквы менее удобны в применении к гласным, которыми тюрко-татарские языки вообще довольно богаты. Поэтому по отношению к гласным в НТА установилась практика изобретения или новых букв в стиле латинского алфавита или употребление двойных букв (например,

для обозначения долготы). Следовательно, в новом унифицированном алфавите в основном буквы представляют собой одинарные, цельные знаки в стиле латинского алфавита. Однако в отдельных случаях для отдельных языков или их группы, во избежание многобуквенности или когда все остальные способы пополнения числа букв латинского алфавита были исчерпаны, прибегали и к составным (двойным) буквам и к отдельным от их корпуса значкам (например, знак долготы в алфавитах народов Севера).

Унификация, как мы уже сказали, представляет собой международное объединение алфавитов. Для практического алфавита, в котором одни и те же буквы в различных языках неизбежно будут иметь несколько различающееся произношение, пришлось в отношении унификации ограничиться лишь приблизительным совпадением или звуковым сходством в разных языках фонем, изображаемых одними и теми же буквами. В этом отношении унифицированный алфавит представляет собой, конечно, алфавит лишь относительно унифицированный. Кроме того, приходилось делать и сознательные отступления от фонетической унификации в тех случаях, когда это требовалось соображениями наибольшей простоты и удобства отдельного алфавита. Самый яркий пример этого рода мы имеем в отношении буквы «С» латинского алфавита. В тюрко-татарских языках звук «С» (глухая свистящая африката) довольно редок. Он встречается только в усвоенных из других языков словах. Поэтому естественно, что в новом тюркском алфавите эта буква была принята в значении русского «Ч», а буква «Ç» — в значении «джь». Звук же русское «Ц» в тех тюркских языках, в которых его нельзя было заменить через «s», пришлось изображать двойной буквой «ts». Когда к латинизации примкнули не только тюрко-татарские народы, но также монгольские, иранские и другие, в языках которых звук русское «Ц» встречается сравнительно часто, то, естественно, для изображения звука «Ц» они приняли латинскую «С», как наиболее простую и удобную по своему начертанию и в то же время имеющую за собой известную традицию такого произношения. В аналогичных случаях можно найти в алфавитах целого ряда отдельных народов подобные отступления от унификации. Так, например, если две аналогичные в каком-либо звуковом отношении фонемы требуют в данном языке двух букв, из которых одна представляет собой усложнение другой, то в другом языке, в котором существует лишь одна из этих двух фонем, именно та, которая обозначается в первом языке более сложной буквой, вводится в алфавит, исходя из соображений его простоты — более простую, а не более сложную букву. В этих случаях в отдельных национальных алфавитах опять-таки делались сознательные отступления от фонетической унификации.

Приведу пример. В кабардинском и адыгейском языках имеются по два звука типа «х»: один — переднее (задне-твердонёбное) «х», близкое к немецкому ich-Laut'у, и второй — заднее

(задне-мягконёбное увулярное) каб. «*х*», адыг. «*х*» с дрожанием язычка. Первый звук гораздо чаще употребляется чем второй:

Кабардинский % частоты.		Адыгейский % частоты.	
х	3,959	х	3,167
х	0,709	*х*	0,628

Ясно, что для первых звуков в обоих языках была выбрана более простая буква—латинское «икс», как для более частого звука.

В результате всей огромной практической и теоретической работы по латинизации, в СССР около 70 народов применяют отдельные национальные латинизированные алфавиты. Из этого общего количества (здесь сосчитаны, разумеется, лишь народы переходившие на латинский алфавит после Октябрьской революции) 63 народа применяют новый унифицированный алфавит, а 8 народов остаются пока на самостоятельно разработанных неунифицированных формах латинских алфавитах. В основном новый унифицированный алфавит для всех 57 народов насчитывает в общей сумме 105 букв. Несомненно, что это число является максимальным и подлежит дальнейшему сокращению. Если уничтожить существующие в нем сейчас излишние пары букв с одинаковыми фонетическими значениями, то это число, сравнительно легко может быть сведено к 83 знакам. Основными знаками НА, — знаками, встречающимися в подавляющей массе унифицированных алфавитов, являются следующие 33: Aa, Bb, Cc, Çç, Dd, Ee, Əə, Ff, Gg, Ǧǧ, Hh, Ii, Jj, Kk, Ll, Mm, Nn, Ŋŋ, Oo, Өө, Pp, Qq, Rr, Ss, Şş, Tt, Uu, Vv, Xx, Yy, Zz, Ƶƶ, Ьь, и 34-й знак ' (апостроф).

Как видим к 25 буквам латинского алфавита здесь добавлено 8 букв, представляющих собой, главным образом, видоизменения латинских: Çç, Əə, Ǧǧ, Ŋŋ, Өө, Şş, Ƶƶ, Ьь.

Самый большой по количеству букв алфавит — абхазский — насчитывают 51 знак (литеры), наименьшие — ижорский и китайский — насчитывают по 24 знака (литеры), в этом числе не сосчитано количество употребляемых в них двойных букв.

По количеству знаков алфавиты распределяются следующим образом:

24 знака имеют Ижорский и Китайский алфавиты;

26 знаков — Вогульский (мансийский), Корякский (нымылланский), Ламутский (эвенский), Молдавский, Якутский;

27 знаков — Бурят-Монгольский, Тунгусский (эвенкийский), Осетинский — дигорский;

28 знаков имеют Кумандинский, Эскимосский (юитский);

29 знаков — Иранский (персидский), Ительменский (камчадальский), Казакский, Ойротский, Осетинский — иронский;

30 знаков — Ассирийский, Белуджский, Вепсский, Горско-еврейский (татско-еврейский), Кетский (енисейско-остятский), Кирзиский, Лазский, Остякский (хантэйский), Шорский;

31 знак — Дунганский, Ингушский, Калмыцкий, Каракалпакский, Карельский — южный, Таджикский, Таджикско-еврейский, Талышский, Уйгурский, Узбекский, Хакасский;

32 знака — Гольдский (нанайский), Карачаево-балкарский;
33 знака — Крымско-еврейский (крымчакский), Крымско-татарский, Кумыкский, Чеченский;
34 знака — Азербайджанский, Башкирский, Казанско-татарский, Остяко-самоедский (селькупский), Туркменский;
35 знаков — Гилякский (нивхский), Курдский (ср.-азиатский), Ногайский, Чукотский (луораветланский);
36 знаков — Коми-зырянский, Коми-пермяцкий;
37 знаков — Удэйский;
38 знаков — Лезгинский, Лопарский (саамский);
39 знаков — Аварский, Даргинский, Лакский;
40 знаков — Шугнанский, Табассаранский;
43 знака — Ненецкий;
44 знака — Курдский — кавказский, Удинский;
45 знаков — Цахурский;
46 знаков — Кабардинский;
50 знаков — Абазинский, Адыгейский;
51 знак — Абхазский.

Таким образом, если просмотреть новые алфавиты с точки зрения числа отдельных литер в них, то окажется что не свыше 34 букв имеют 49 алфавитов, не более 40 литер (включая и предыдущие) — 63 и алфавитов свыше 40 литер 8.

Но, сокращение количества знаков, как в общей сумме, так и в отдельных новых алфавитах следует признать недостаточным. По проекту сокращения числа и упрощения форм букв нового алфавита, разработанному ВЦК НА, общее число знаков в суммарном новом алфавите может быть сокращено не менее чем на 33 литеры и сведено, таким образом, к 92 типографским знакам, взамен существующих сейчас 125. Это сокращение не вызывает больших изменений в существующих алфавитах (в каждом отдельном алфавите оно требует замены одной-двух литер большей частью сходными же знаками) и осуществимо даже без фонетической унификации. Дальнейшее проведение унификации всех неунифицированных алфавитов позволит еще больше сократить сумму знаков НА.

То же самое следует сказать и о сокращении букв в отдельных национальных новых алфавитах. Выше мы уже видели, что в общем около 70% всех латинизированных алфавитов не превышает 34 букв и около 90% их укладывается в пределах 40 букв (литер). Алфавиты в 34 буквы могут быть обслужены современной, наиболее передовой техникой набора (линотип) и телеграфной передачи (быстропечатающий аппарат). Алфавиты не свыше 40 букв также допускают их обслуживание производимым в СССР типом линотипа (в 90 каналов). Тем не менее 8 алфавитов, насчитывающих от 43 до 51 буквы, представляют собой затруднение при применении передовой техники набора. На очереди стоит задача сократить количество букв в этих алфавитах приблизительно до 40. Эта задача вполне осуществима. Так, отдельные республики уже имеют опыт такого сокращения, например, в 1932 г. было проведено сокращение числа букв в узбекском алфа-

вите с 34 до 31. Отдельные попытки сокращений имели место и в других алфавитах. В настоящее время по проекту, разработанному ВЦК НА, предполагается сократить количество букв в абхазском алфавите с 51 до 38, в абазинском алфавите—с 50 до 41, в адыгейском алфавите с 50 до 46, в кабардинском алфавите с 46 до 44 и т. д. Следует отметить, что это сокращение не идет за счет выражения всей полноты самостоятельных звуков — фонем этих языков. Сущность этого сокращения заключается в том, что наиболее редко встречаемые фонемы изображаются в перечисленных нами алфавитах не самостоятельными знаками, а составными — двойными литерами.

Наряду с тенденцией к сокращению алфавитов, мы сталкиваемся у ряда национальностей и с обратным стремлением — добавлять в алфавит буквы для выражения звуков, встречающихся в усвоенных интернациональных и русских словах.

Так, в ряде тюрко-татарских языков уже с самого начала введения латинизированной письменности встал вопрос об изображении звука русского «ц», который в тюрко-татарских по происхождению словах не встречается. Было принято изображение его или двойной литерой «ts» (перед гласной) или передача через другой звук «s» (после гласной). Позднее (в 1928 г.) кумыки в Дагестане, в связи с общедагестанской унификацией, приняли для того же звука специальную литеру «ƨ», которую вслед за ними хотят принять и остальные кавказские тюрко-татарские народы (ногайцы, карачайцы, балкарцы).

В ряд алфавитов (например, балкарский, гольдский, бурят-монгольский, карачайский, киргизский, корякский, лакский, ламутский, чеченский) была введена буква «f» исключительно для усвоенных слов. В ряде языков количество таких добавленных литер довольно значительно: в бурят-монгольском — три буквы (f, h, v,) в киргизском тоже три (f, v, x), в корякском — четыре (b, d, f, h), в ижорском четыре (b, g, d, z), наконец, в ногайском недавно добавлено (в 1934 г.) даже пять литер (c, h, ƨ, z,).

Разумеется, нельзя ничего возразить против включения в алфавиты тех отдельных букв, которые требуются для передачи часто встречаемых в усвоенных интернациональных и русских словах звуков, но не следует включать большое количество таких знаков, в особенности для передачи только редко встречаемых и в русских словах звуков, например, только для точной передачи русских фамилий и т. д. Иначе эта тенденция к излишнему добавлению букв сведет на-нет борьбу с многобуквенностью алфавитов.

Поставленная сейчас перед ВЦК НА правительством задача сокращения отдельных многобуквенных алфавитов и общей суммы знаков НА может и должна быть выполнена на основе уже проведенной в ВЦК НА исследовательской работы.

Какие же преимущества имеет новый латинизированный алфавит по сравнению с другими формами западных алфавитов? Во-первых, несмотря на отдельные отступления и некоторую непоследовательность в проведении унификации, новый унифи-

цированный алфавит представляет собой первый опыт создания действительно международной объединенной формы алфавитов. Несомненно, что эта унификация, по степени ее точности и последовательности будет возрастать по мере развития национальной письменности и научной работы в среде восточных народов СССР. Во-вторых, из-за отсутствия в основном двойных букв новый алфавит представляет собой педагогические удобства значительно большие, чем многие формы западноевропейских алфавитов. В-третьих, благодаря тому, что основная масса букв в новом алфавите пишется без отрыва руки от бумаги, этот алфавит представляет собой значительные удобства для рукописного письма. В-четвертых, что является одним из главных преимуществ нового алфавита, отсутствие в нем часто употребляемых двойных букв и оторванных от корпуса буквы диакритических значков представляет собой огромную выгоду в отношении полиграфического производства. Процент экономии бумаги, типографского металла и всех издательских расходов по отдельным языкам при применении нового алфавита безусловно составляет не менее 10—15% по сравнению с теми же расходами, которые пришлось бы затрачивать в случа принятия алфавитов с двойными буквами. Из всего этого вытекает то огромное значение, которое имела латинизация алфавитов в СССР для развития национальной письменности. Для того, чтобы ясно представить себе всю важность и весь размах этого движения на советском Востоке, рассмотрим, как развивалась латинизация в СССР, начиная с 1930 г.

*
**

С 1929 г. начинается новый этап латинизации в СССР. Латинизация и унификация алфавитов тюрко-татарских национальностей, а также алфавитов других народов, пользовавшихся арабским письмом к этому году может считаться в основном законченной. К этому моменту подавляющее большинство тюрко-татарских национальностей, а также других народов СССР, применявших арабский алфавит, уже перешло на латинский алфавит. Среди этих народов дальнейшая работа по латинизации превращается в более углубленную работу по развитию их литературных языков, по разработке их орфографии, терминологии и грамматики. Вместе с тем, главные усилия по линии собственно латинизации алфавитов теперь направляются на новые участки работы. К движению за латинизацию начинают присоединяться национальности с иными средневековыми, отсталыми по технике, религиозными по содержанию, формами алфавитов (сирийский, монгольский, китайский иероглифический и др.), а также с отдельными миссионерскими формами алфавитов на русской основе. По языкам это многие не-тюрко-татарские национальности — монгольские, семитские, угро-финские, китайские, народы Севера и другие.

В этот период особые успехи в латинизации достигаются среди народов бесписьменных, или обслуживавшихся письменностью не

народном языке. Уже в 1928—1929 гг. впервые получают письменность на родном языке дунгане, ногайцы, талыши, хакассы, а в 1931 г. табассаранцы (Дагестан), южные карелы, шорцы, шугнанцы и 15 народов Севера (вогулы, гольды, гиляки, ительмены, кеты или енисейские остяки, коряки, ламуты, лопари, ненцы или самоеды, остяко-самоеды, остяки, тунгусы, удейцы, чукчи, эскимосы). В 1932 г. разрабатываются алфавиты белуджский, абазинский, вепский, ижорский, курдский (для среднеазиатских курдов), в 1933 г. — кумандинский, в 1934—1935 гг. появляется алфавиты цахурский, удинский и ставится вопрос о создании письменности на родном языке для малочисленных национальностей Таджикистана, Дагестана и Азербайджана. В настоящее время проблема национальной письменности в пределах СССР в основном разрешена, даже в отношении самых отсталых и малочисленных нацменьшинств.

За счет каких алфавитных форм развивается латинизация и унификация в СССР, показывает следующая таблица:

Годы	АРА	ЛА	РА	ОА	Бесп.	Всего
На I янв. 1930 г.	17	—	5	5	10	37
» » 1931 г.	19	—	5	7	10	41
» » 1932 г.	19	—	5	8	29	61
» » 1933 г.	19	—	8	8	34	69
» » 1934 г.	19	—	8	8	35	70
» » 1935 г.	19	—	71	8	37	71

Условные знаки: АРА — арабские алфавиты, ЛА — Зап. Европейские алфавиты, РА — русские алфавиты, ОА — отсталые средневековые формы отдельных алфавитов, Бесп. — до латинизации бесписьменные народы.

Успехи латинизации в СССР оказали свое влияние и за пределами Союза. В 1928 г. официально перешла с арабской на латинскую письменность Турция. В 1930 г. латинский унифицированный алфавит вводится как впервые создаваемая национальная письменность в Тувинской народной республике. С 1928—1929 гг. вопросы латинизации начинают обсуждаться на страницах печати.

Если посмотреть, какое количество населения восточных национальностей СССР, какими алфавитными основами обслуживается, то численность отдельных национальностей по данным переписи 1926 г. будет выражена в следующих цифрах (в тысячах):

[1] За вычетом коми-зырян.

	На новых унифицир. и не унифицир. алфавитах на латинской основе	Латинские Зап. Европейские алфавиты	Алфавиты на русской основе	Отсталые по технике средневековые формы алфавитов	Бесписменные	Всего
Данные на 1933 г.	19.462,3	2.879,5	3.624,6	6.080	543	32.415

Таким образом все более или менее значительные по численности народы СССР имеют письменность на родном языке. Ниже приводится список тех народов и племен, которые еще не имели попыток создания письменности на родном или близком к родному языку. Эти малочисленные и в большинстве еще отсталые народы обычно обслуживаются на какой-либо из существующих письменных языков, которым владеет взрослое (обычно мужское) население. Таким образом в большинстве случаев они являются двуязычными (билингвами):

	Численность по переписи 1926 г.
Агулы (Дагестан)	7.653
Андийцы (Дагестан)	7.707
Арабы (Ср. Азия)	4.608
Арчинцы (Дагестан)	854
Ахвахцы (Дагестан)	3.677
Багвалалы (Дагестан)	3.053
Бацбии (Грузия)	2.459
Бербери (Туркменистан)	82
Ботлихцы (Дагестан)	2.794
Брагуи (Туркменистан)	ок. 2.500
Будухи (Дагестан)	1.995
Ваханцы (Памир)	4.160
Годоберинцы (Дагестан)	1.417
Гундзальцы (Дагестан)	122
Джеки (Азербайджан (в т. ч. Хапутцы и Крызы)	4.348
Джемшиды (Туркменистан)	932
Дидойцы (Дагестан)	3.198
Енисейские самоеды (маду) см. тавгийцы	
Ишкашимцы (Памир)	600
Кайтаги (Дагестан)	14.424
Капучинцы (Дагестан)	1.447
Каратинцы (Дагестан)	5.305
Крызы (Азербайджан) см. Джеки.	
Кубачинцы (Дагестан)	2.469
Рутулы (Дагестан)	10.333
Сваны (Грузия, Абхазия)	13.129
Сойоты	229
Тавгийцы, в т. ч. енисейские самоеды	899
Тиндийцы (Дагестан)	3.704
Хапутцы (Азербайджан) см. Джеки	
Хваршины (Дагестан)	1.018
Хезарейцы (Туркменистан)	

Хиналуги (Азербайджан)	1.540
Чамалалы (Дагестан)	3.438
Чулымцы	11.123
Юкагиры (Север)	443
Ягнобцы (Таджикистан)	1.828
Язгулямцы (Памир)	1.908
Итого	125.386

Из числа этих народностей и племен некоторые уже получили письменность (например, удинцы, цахуры). Некоторые малочисленные народы обучаются грамоте на русском языке как алеутов (ДВК, 443 чел. в пределах СССР), кумандинцев и других или на одном из близких родному литературных языков, — кипчаки (Узбекистан 32784) — на узбекском языке, водь (Ленинградская обл. — 694 чел.) — на вепсском языке, лебединцы (или шалганцы, Ойротия — 907 чел.) — на ойротском языке. Относительно некоторых народов частью ВЦК НА, частью на местах проработан вопрос о том, на каком из близких их родному литературных языков они могли бы обслуживаться. Так, карагассы (или тафалары, Красноярский край 450 чел.) могут быть обслужены тувинским языком, на одном из диалектов которого они говорят, таты (мусульмане, Азербайджан, 73928 чел.) могут иметь общую письменность с горскими евреями. Кроме того, специальной экспедицией ВЦК НА в 1933 г. был изучен вопрос об обслуживании литературным языком большинства малочисленных народов Дагестана. Выяснилось, что некоторые говорят на диалектах существующих литературных языков (например, кайтаги на диалекте даргинского), другие нуждаются в использовании родного языка при усвоении грамоты (в первую очередь агулы, рутулы, андийцы, ахвахцы и дидойцы).

Во всяком случае, вопрос о создании письменности для малых народов, хотя и решен в основном, но требует дальнейшего изучения и уточнения. Даже для тех двуязычных народов, которые уже пользуются письменностью не на родном языке, необходимо организовать постоянное изучение методов внедрения этого литературного языка в школу и ликбезработу, а также изучение степени использования при этом их родного языка, чтобы максимально облегчить распространение грамотности и рост кадров из самых отсталых и мельчайших народов и племен.

**
*

С 1934—1935 гг. встают новые задачи в работе по языковому строительству народов СССР. Борьба с устарелыми формами восточных алфавитов теперь в значительной степени уже потеряла свою остроту. На первый план выдвигаются вопросы развития литературных языков и издаваемой на них литературы. Жизнь настоятельно требует, чтобы ВЦК НА занялся вопросами развития литературных языков в их взаимоотношениях к диалектам, и близким языкам, их орфографиями, терминологиями, разработ-

кой словарей и грамматик этих языков. Все эти вопросы не могут быть решены без глубокого и планомерного научного исследования самих языков, их диалектов, их грамматического строя и словарного богатства. Наряду с латинизацией выступает задача строительства языка вообще. Вот почему, начиная с 1934 г., сама жизнь заставляет ряд восточных и не-восточных народов, пользующихся алфавитами на русской основе, обращаться в ВЦК НА по вопросам изучения и развития своих литературных языков. ВЦК НА уже занялся вплотную развитием письменности мордвы, мари, чувашей, греков и др. В первую очередь, конечно, нуждаются в помощи ВЦК НА следующие восточные национальности, применяющие алфавиты на русской основе:

		Численность по переписи 1926 года
Коми-зыряне		ок. 191.300
Мари		
в т. ч. 2 языка:		
	мари-луговой	273.000
	мари-горный	69.000
Мордва		1.175.000
в т. ч. 2 языка:		
	мокша	ок. 300.000
	эрзя	
Удмурты		451.000
Цыгане		61.200
Чуваши		1.203.000
Итого		3.723.300

**
*

Но возвратимся к вопросам алфавита.

Подлинная важность унификации и латинизации алфавитов, как революционного орудия просвещения трудящихся, с исчерпывающей ясностью вырисовывается из фактов, характеризующих развитие грамотности на родных языках среди восточных национальностей. Данные на 1932 г. по 6 крупнейшим восточным национальностям СССР, являющимся основными национальностями Узбекской, Казакской, Азербайджанской, Таджикской, Татарской и Туркменской республик, показывают, что из 12,4 миллионов населения этих республик — грамотных 5,8 миллионов. Это составляет в среднем к грамотоспособным возрастам около 66,5% или ко всем возрастам около 48,0%.

Рост процента грамотности по тем же республикам до и после Октябрьской революции на различных алфавитных основах характеризуется следующими цифрами (в процентах ко всему населению):

	На арабском алф.		На латинском алфавите 1932 г.
	Ко времени Октябрьской революции (1917—18 г.)	1925 г.	
Татарская АССР	19,0	25,0	67,0
Туркменская ССР	0,85	4,0	64,8
Азербайджанская ССР	1,50	7,0	52,0
Узбекская ССР	4,0	10,8	52,0
Казакская АССР	0,5	4,0	31,5
Таджикская ССР	0,0	1,0	22,4
Итого в среднем:	3,7	8,1	48,0

За первые семь лет существования советской власти процент грамотности на родном языке на арабском алфавите вырос всего в два с лишним раза по сравнению с дореволюционным периодом. За вторые семь лет — применения нового унифицированного алфавита — процент грамотности в среднем увеличивается по тем же республикам в шесть раз. По отдельным республикам (Азербайджан, Казакстан, Туркменистан, Таджикистан) наблюдается еще более резкое увеличение процента грамотности — 7, 8, 16 и даже 22 раза. Наиболее быстрый рост грамотности падает как раз на долю наиболее отсталых до революции, в смысле национальной грамотности, народов. Очень показательны также цифры роста национальной грамотности в Калмыцкой АССР, где латинский унифицированный алфавит пришел на смену монгольскому и русскому алфавитам:

	Монгольск. заяпандитский алфавит				Алфавит на русской осн.		Новый унифицированный алфавит			
	Чис. грам. на 1918 г.	В %	Чис. грам. на 1925 г.	В %	Чис. грам. на 1929 г.	В %	Чис. грам. на 1930 г.	В %	Чис. грам. на 1931 г.	В %
Грамотность на родном яз. среди калмыков в Калмыцкой АССР	2400	3	1600	2	4000	5	35200	38	83300	90

К 1932 году культштурм, проведенный после введения нового алфавита трудящимися Калмыкии, при братской помощи пролетариата Нижней Волги, превращает Калмыцкую автономную область в область сплошной грамотности.

Эти успехи возможны только в нашей стране, в условиях Советского строя, на основе огромного хозяйственного и культурного подъема национальных республик и областей. Боевое проведение ленинско-сталинской национальной политики, обеспечившее ликвидацию хозяйственного и культурного неравенства ранее отсталых национальностей СССР, обеспечило и успехи нового алфавита среди многочисленных народов нашей страны. Новый унифицированный алфавит на латинской основе явился вполне надежным орудием национального просвещения, адэкватным тем требованиям, которые предъявляют к технике письма в условиях пролетарской революции растущие потребности широких масс трудящихся в просвещении, культуре и науке. Только на новом унифицированном алфавите впервые в истории письменность на родных языках среди восточных национальностей приобретает подлинно массовый характер.

Интересно отметить, что при сравнении процесса исторического развития национальных алфавитов на латинской основе на Западе и в СССР, выявляется противоположное направление этого развития. В условиях развития буржуазно-национальной культуры единый по своему происхождению латинский алфавит превратился в значительное количество весьма различных (по значению букв и по дополнительным знакам), современных национальных алфавитов. Наоборот, в СССР различные средневековые феодальные и миссионерские формы алфавитов (арабские, монгольские, сирийские, русские миссионерские, китайская иероглифическая и прочие его разновидности) сменились за немногими исключениями унифицированным, объединенным для большинства восточных национальностей СССР новым алфавитом. В настоящее время процесс унификации в СССР продолжает развиваться в сторону все большего и большего фонетического и графического объединения отдельных национальных алфавитов, все большего и большего упрощения форм отдельных букв и сокращения их числа, что еще больше усиливает роль нового алфавита в строительстве культуры национальной по форме и социалистической по содержанию, укрепляет интернациональную связь народов СССР.

Проф. ГЕНКО А.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Среди молодых, насчитывающих по существу не более полутора десятка лет существования литературных языков Дагестана самыми молодыми, самыми юными оказываются литературные языки ю ж н о г о Дагестана, а именно: языки лезгинский, табасаранский и цахурский; впрочем, последний может считаться дагестанским лишь условно, поскольку большинство живых носителей его обитает в соседнем Азербайджане. Лезгинский язык получил свое литературное бытие в 1928 г., табасаранский — в 1932 г. и, наконец, цахурский — в 1934 г.

При мысли о такой недавности рождения и кратковременности существования названных языков невольно зарождается сомнение и встает вопрос — да имеем ли мы вообще право говорить об этих языках, как о языках литературно существующих? Само определение их термином «литературные» связывается с понятием литературы, для возникновения которой как будто бы и времени не было.

Сомнение это безусловно справедливо, и, как показывают наблюдения, действительность опровергает возможность называть существующие попытки письменного применения названных языков южного Дагестана языками литературными в подлинном смысле этого слова. Право на такое именование надлежит еще завоевать: оно приобретается с того момента, когда внутри того сложного комплекса говоров, каким является каждый живой язык, образуется особая, вполне искусственная, устойчивая разновидность, осложненная способностью свободно выражать произвольно сложную монологическую форму речи, в отличие от языка разговорного, развивающегося исключительно в диалогах, в которых участвует минимально два собеседника. Этот момент для интересующихся нас языков еще не наступил: наиболее приблизился к нему лезгинский язык, над разговорными видами которого развивается постепенно единая, нейтральная в отношении диалектов норма, выковывающая существеннейшие особенности литературного языка — развитое словопроизводство и сложную периодизацию.

Наиболее существенное препятствие для быстрой выработки наддиалектальной письменной формы речи — многообразие и многокалиберность диалектов — менее всего присутствует в области цахурского языка, где имеется всего-на-всего две немного

различающиеся группы говоров. В лезгинском дискуссия по вопросу о диалектальной основе литературного языка удачно разрешилась в пользу кюринского наречия. Наименее благополучно обстоит вопрос с табасаранским литературным языком, все еще ждущим своего окончательного разрешения.

Как бы незначителен ни был тот промежуток времени, который отделяет момент возникновения литературы на таких языках северного и серднего Дагестана, как аварский, даргинский и лакский, от указанных дат зарождения литературных языков лезгинского, табасаранского и цахурского, некоторое отставание южного Дагестана в деле национальной письменности никак не может считаться случайностью — оно коренится в глубоко различном на протяжении веков экономическом и культурном окружении Дагестана, в принципиальной разности условий политического и национального самоопределения его севера и его юга.

Старая граница, отделявшая на протяжении всего доступного нам, охватываемого писанной историей, отрезка времени области старинной передне-азиатской культуры юга от областей «некультурного» севера проходит на высоте Дербента, к западу от него, и расчленяет Дагестан на две далеко неравномерные части. Область распространения интересующих нас языков относится к культурному югу: на авторитет покоющейся на арабском письме иноязычной письменности опирались искони все враждебные национальному сапоопределению элементы общества, используя все меры к подавлению национальных стремлений, пропагандируя идеи обще-мусульманской культуры и единого, обслуживающего культурные потребности письменного языка, в одних случаях— арабского (крайне правые группировки), в других — тюркского (буржуазно-либеральные «левые» группировки). Не углубляясь здесь в оценку политической сущности «отрицателей» необходимости, а зачастую и возможности национальной письменности, следует лишь отметить, подчас добросовестное, но элементарное заблуждение, многократно высказывавшееся в этой связи — крайнюю переоценку степени распространения тюркского языка в Дагестане. Существование здесь довольно значительной массы вполне одноязычного населения вовсе не учитывалось до самого последнего времени, и лишь научными обследованиями последних лет, производившимися по поручению Академии Наук СССР, в тесном контакте с ВЦК НА, пришлось осветить в полной мере действительное положение вещей. Оказалось, что дети школьного возраста и большинство женщин, как правило, тюркского языка не знают, обучаются ему или в мало благоприятных условиях тюркоязычной школы или в невыгодной со всех точек зрения форме того своеобразного тюркоподобного жаргона, который распространен во многих местностях восточного Кавказа в среде не-тюркоязычных нацменьшинств.

Основной, априорный в применении к малоизвестным и малоизученным мельчайшим народностям Дагестана тезис ленинской национальной политики получил в этом факте свое блестящее оправдание. Оставалось одно, самое трудное: в соответствии с

ролью, отводимой планомерной языковой политике (в противовес господствующему в западноевропейской лингвистической науке несостоятельному — воззрению на язык, как на продукт стихийной эволюции, сознательному, в целях политики, воздействию не подлежащий) — вызвать к жизни письменную речь там, где ее не было, поставить подлинные языки массы населения на службу задачам культурного обслуживания отсталых мелких и мельчайших народностей Дагестана.

На этом пути встретилось множество затруднений и неудач: одни из них коренились в самом существе дела, грандиозного в меру своей глубокой революционности, другие возникали и возникают нередко, до самого последнего времени, в силу недостаточного внимания к специфике той проблемы, которой касается здесь дело.

Наиболее серьезной ошибкой, постоянно допускаемой в деле языкового строительства по отношению к бесписьменным в недавнем прошлом языкам Кавказа, и в частности к языкам южного Дагестана, следует считать недостаточное внимание к ближайшим условиям существования того или иного языка, отсутствие необходимой диференцированности подхода к задаче. Схематизируя сложные отношения, существующие в этой области, и учитывая в первую очередь общественную функцию языка и, соответственно, его удельный вес в повседневном обиходе населения, можно предложить следующую классификацию бесписьменных языков Кавказа:

1. Языки племенные (многоаульные), объединяющие ряд селений, используемые массой населения по преимуществу перед какими-либо другими языками, и обслуживающие все селения данной народности на относительно обширной территории—сюда относятся из языков Дагестана: аварский, лакский, даргинский и лезгинский.

2. Языки аульные, употребление коих вне зависимости от количества населенных пунктов, пользующихся данным языком, ограничивается по преимуществу внутриаульным обиходом — сюда относятся такие языки Дагестана, как табасаранский, рутульский, агульский.

3. Языки семейные, употребляемые, главным образом, в домашнем обиходе, в пределах семьи, уступающие роль общественного языка на сельских сходах, не говоря уже о сношениях с соседними селениями, другому, в южном Дагестане чаще всего тюркскому языку—сюда относятся языки: цахурский, хиналугский, будугский, гапутлинский, арчинский и некоторые языки андо-дидойской группы.

Задачи, стоящие при использовании родного языка в целях культурного подъема населения, глубоко различны в отношении каждой из указанных категорий языков. Если по отношению языков первой группы можно, как правило, ставить относительно широкие цели создания полной средней школы с родным языком преподавания по всем предметам школьной программы, преследовать такие же обширные задачи применительно к языкам вто-

рой и третьей групп значило бы насиловать действительные интересы населения, обрекать работу на постоянные срывы, дискредитировать в глазах заинтересованной народности дело национальной письменности. Недостаток места мешает иллюстрировать сказанное конкретными примерами: можно ограничиться ссылкой на отчеты научно-лингвистических экспедиций, совершенных в последние годы в Дагестане и на Северном Кавказе, откуда легко почерпнуть множество примеров элементарнейших нарушений интересов дела национальной письменности.

Второй ошибкой, допускаемой в этих вопросах по отношению к языкам южного Дагестана, оказывается беспринципный практицизм, идущий под лозунгом: «Долой лишние буквы и лишние слова», без учета специфических особенностей этих языков.

Считается, например, возможным — и убеждение это непреодолимо довлеет над всеми дискуссиями по вопросу—составлять словари по переводному методу с русского на национальные языки, в то время, как работа над словарями национальными в действительном смысле этого слова, где на первом плане стоит национальный язык, откладывается на неопределенные сроки; случается, что сочиняются в плановом порядке термины, взятые с потолка, или, в лучшем случае, из плохо и односторонне понятых русских словников, а под боком лежат в великолепном пренебрежении богатейшие запасы выкованных самой жизнью слов, количественно и качественно во многом превосходящие воображение терминологических комиссий и т. д.

Третьей ошибкой следует признать перенос привычных представлений о технике письменной речи и практике школьного преподавания родного языка из области языков и письменностей старых, насчитывающих нередко не одно столетие существования, в область, где все строится в лучшем случае на пустом месте, а иногда, что еще хуже, на развалинах неудачных предприятий прошлого, подлежащих сносу. Отсюда совершенно недостаточное внимание к тем действительно, а не мнимо значительным трудностям, которые встают на каждом шагу на пути молодых письменностей Дагестана, и к необходимым мероприятиям, которые должны эти трудности устранить. К людям и книгам предъявляются те же требования, какие привыкли предъявлять в условиях развитой письменности. А между тем, дело обеспечения необходимого качества и тех и других находится в более чем неблестящем состоянии. Что касается в частности людей, то ни в Ростове, ни в Орджоникидзе, ни в Махач-Кала направленные к созданию квалифицированных работников литературы и письменности на языках Северного Кавказа научно-педагогические учреждения не обеспечены необходимыми кадрами руководителей, а в центре интересы дела пренебрегаются в такой мере, что например, в Ленинграде Институт Истории, Философии и Лингвистики безуспешно пытается организовать в течение ряда последних лет цикл преподавания горских языков Кавказа, и в Москве нет инстанции, о которой можно было бы говорить сколько-нибудь серьезно в смысле подготовки кадров для этой области. Нельзя назвать

иначе, как парадоксальным факт отсутствия научного преподавания в центральных вузах Ленинграда и Москвы даже наиболее значительных языков Северного Кавказа, как, например, чеченского, аварского, лезгинского и т. д., не говоря уже о более мелких. Последствия такого положения вещей сказываются с особой силой, с особой болезненностью на письменностях Кавказа наиболее молодых, каковыми, как сказано выше, являются письменности южного Дагестана.

Резюмируя вышесказанное, можно формулировать основные задачи, стоящие в первую очередь перед работниками национальных письменностей Дагестана, следующим образом:

1. Необходимо точно определить объем и качество нужной литературной продукции для каждой письменности особо, учитывая первую из названных выше ошибок, допускаемых в деле национального строительства на языках Кавказа.

2. Необходимо пересмотреть решения, состоявшиеся по вопросам алфавита, орфографии и терминологии, в целях придания всем мероприятиям этого рода бесспорных педагогических и лингвистических качеств, учитывая вторую из перечисленных выше ошибок; необходимо также распространить мероприятия по созданию письменности на целый ряд мелких, не получивших до сего времени письменности языков Дагестана (из южно-дагестанских сюда относятся в частности рутульский и агульский) для того, чтобы иметь возможность ввести соответствующие языки как необходимейший предмет преподавания, в обиход начальной школы, действующей на нородном языке в среде соответствующих народностей.

3. Необходимо коренное улучшение и расширение мероприятий по воспитанию действительно квалифицированных литературных и педагогических работников по языкам южного Дагестана и Кавказа в целом, для каковой цели требуется, в первую очередь, полное восстановление упраздненных в соответствующих вузах и институтах Ленинграда и Москвы предметов преподавания — горских языков Кавказа, обеспечив их необходимыми контингентами слушателей, учитывая последнюю из ошибок, перечисленных выше.

Проф. ВРУБЕЛЬ С.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА [1].

Традиционное востоковедение всегда рассматривало китайский язык, как нечто единое целое. Такое понимание было основано всецело на буржуазном, идеалистическом «индоевропейском» учении о языке, в свете которого китайский язык являлся «изолированным». Никакой связи его с другими языками не допускалось, кроме формального сравнения с некоторыми азиатскими языками — тибетским, аннамским и др. Китайский язык был исключен из общей цепи глотогонии, а о классовом содержании языка и его связи с материальной культурой и мышлением обычно не говорилось. Китайский язык понимался «географически», как язык, который распространен на территории, очерченной определенной географической чертой. Допускалось наличие «инородцев», которые в «большинстве» «вымерли» или «ассимилировались». Одним словом, существовал китайский язык, который распадался на «диалекты», «наречия», «поднаречия», «говоры» и т. д. Количество «диалектов» некоторые ученые насчитывали до 38.

В нашу задачу не входит сейчас давать анализ целого комплекса вопросов языкового состояния Китая, а только осветить некоторые моменты развития китайского языка, в связи с тем, что при латинизации китайской письменности в СССР, неизбежно встает вопрос и о развитии литературного языка. Языковое строительство китайцев СССР не может быть рассматриваемо вне связи с общими процессами речетворчества вообще, вне связи с развитием китайского языка за рубежом, вне связи с общим процессом языкового строительства народов СССР.

Тов. Сталин на XVI съезде партии говорил: «Есть Украина в составе СССР. Но есть и другая Украина, в составе других государств. Есть Белоруссия в составе СССР. Но есть и другая Белоруссия в составе других государств. Думаете ли вы, что вопрос об украинском и белорусском языке может быть разрешен вне учета этих своеобразных условий? Возьмите, далее, национальности СССР, расположенные по южной его границе, от Азербайджана до Казакстана и Бурято-Монголии. Все они находятся в том же положении, что и Украина и Белоруссия. Понятно, что и

[1] По условиям типографского набора всюду дается традиционная русская транскрипция, вследствие отсутствия в типографии соответственного шрифта.

тут придется принять во внимание своеобразие условий развития этих национальностей. Не ясно ли, что все эти и подобные им вопросы, связанные с проблемой национальных культур и национальных языков, не могут быть разрешены в рамках одного государства, в рамках СССР [1]». Таким образом при осуществлении языкового строительства китайцев СССР необходимо учитывать развитие китайского языка и в самом Китае. Однако было бы совершенно неправильным, если бы мы некритически отнеслись к этому развитию и отвлеклись от общего языкового строительства национальностей СССР. Надо помнить, что языковое строительство китайцев в СССР и в Китае покоится на принципиально иных закономерностях [2]. Существующий в Китае язык «вень [2] янь [2]», так называемый «литературный язык» является книжным, письменным, но не разговорным. Этот язык не понятен не только массам, но нередко и образованным людям. Его изучение сопряжено с исключительными трудностями. Он основан на древнеклассическом языке. «Вень [2] янь [2]» главным образом языке феодальной аристократии, что ни в какой мере не исключает его широкого применения в условиях буржуазно-помещичьего Китая. Разумеется, это не могло не внести некоторого изменения и в самый язык.

До настоящего времени на нем издается всевозможная литература, периодика и т. д. «Вень [2] янь [2]» является «официальным» и «общепризнанным» литературным языком, распространенным по всему Китаю. Но, наряду с ним, с давних пор существовал и развивался «бай [2] хуа [4]» — «понятный язык», «простой язык», который являлся и разговорным и письменным, и на котором создана большая литература. Он не был массово-народным и назывался «понятным» в противоположность непонятному «вень [2] янь [2]». Собственно генетически «бай [2] хуа [4]» — это язык социальных верхов Северного Китая [3].

Первые литературные произведения на «бай [2] хуа [4]» обычно относят к периоду Танской династии [4]. Это были, главным образом, стихотворные произведения. Причем стихи Танской эпохи пользовались и сейчас пользуются большой популярностью в Китае и не только среди образованных и сведущих людей, но и в самом народе. Танский период считают началом создания произведений на «бай[2] хуа[4]». Эти произведения в общем не отличались от разговорной речи того времени. В период пяти династий [5] среди различных рифмованных произведений мы встречаем также и стихотворения на «бай [2] хуа [4]». То же относится и к Сунской династии [6]. В эту эпоху некоторые поэты писали стихи только на понятном разговорном языке. Можно было бы указать на поэтов Шаоюнь и Чжанцзючен. Однако, по мнению некоторых китай-

[1] Сталин. «Вопросы ленинизма» стр. 433, изд. 10-ое.
[2] Это разумеется не относится к советским районам Китая.
[3] Вопрос о классовом содержании «бай [2] хуа [4]» раннего периода совершенно не разработан.
[4] Период Танской династии относится к 618—907 гг.
[5] Период пяти династий относится к 907—960 гг.
[6] Начало Сунской династии относится к 960 г.

ских ученых, эти поэты были недостаточно талантливы. Но стихи Луфанвана и Янченчжа'я, живших при той же Сунской династии, согласно китайской литературе, представляли литературную ценность. Однако этот вопрос подлежит серьезному марксистско-ленинскому изучению.

При Сунах стали развиваться и прозаические произведения на «бай [2] хуа [4]». Профессор Хушичжи говорит, что из Сунских произведений в Юаньскую династию возникла драма. Вообще история отмечает Юаньскую эпоху, как начало появления «романа и драмы». Обычно считают, что период времени от Танской династии до Минской есть период завершения и обоснования произведений на «бай [2] хуа [4]». От прошлого остались блестящие памятники прозаических произведений на «бай [2] хуа [4]», а именно «Шуйхучжуань», «Сиюцзи», «Саньго». Со времени этих произведений значение и влияние «бай [2] хуа [4]» возросло. Этот язык имел перед классическим языком то преимущество, что на нем можно было писать и говорить. Произведения на «бай [2] хуа [4]» широко распространились по всему Китаю. Они доходили и до юга и до севера. Таким образом мы видим, что современный классический язык уже давно шел по нисходящей кривой и, что он давно перестал быть понятным. Он был необычайно лаконичным, и для понимания текста требовались соответственные расшифровки и комментарии. Никогда не было уверенности в том, что прочитанный текст действительно был правильно понят. Даже в отдаленные времена императорские указы и распоряжения иногда писались на «бай [2] хуа [4]», так как не только народ, но и чиновники и образованные люди очень часто не могли в них разобраться, что усугублялось еще тем, что наличествовало монголо-китайское языковое смешение.

Какими же путями шло развитие «бай [2] хуа [4]»?

Первый путь, по терминологии профессора Хушичжи, заключался в «изменении усложнением» и второй в «изменении упрощением». Совершенно очевидно, что речь идет не о каком-то формальном «усложнении», а о зарождении и развитии нового типа языка, обусловленного социально-экономической жизнью страны и иной расстановкой классовых сил. «Усложнение» выражалось в том, что в то время, как в классическом литературном языке, например, слово «сы [1]» означало «думать», «размышлять», «мышление», «мыслить», в «бай [2] хуа [4]» оно конкретизируется, как «сы [1]» «сян [3]» — «думать», «размышлять». Взять, например, слово «ли [3]» — в «бай [2] хуа [4]» мы скажем «тяо [1] ли [3]», «дао [3] ли [3] «ли [3] ю [2]» и т. д. В зависимости от того, что имеется в виду сказать. Это явление возникло давно и отражение его имеется в самом классическом языке. В «Цзочжуань» мы находим такое выражение, как, например, «сан ли во сюньди», где «сюньди» указывает на разговорную форму языка. Особенно много элементов разговорной речи имеется в статьях, написанных на классическом языке и относящихся к Ханьской эпохе.

Применение различных «служебных частиц», «суффиксов» и т. д. значительно облегчало понимание текста. Противники «бай [2] хуа [4]» обычно говорили, что в нем недостаточно количе-

ство иероглифов для выражения слов, сторонники же его указывали, что если не хватает иероглифов для выражения слов, то можно приспособить старую иероглифику, т. е. иероглифы того же классического языка, вложив в них новое содержание, что собственно и делалось, а что касается терминологии и современных новых слов, то их приходится создавать не только на «бай [2] хуа [4]», но и на классическом литературном языке. Но как одни, так и другие по существу исходили из одного и того же положения, согласно которому живая речь воспринимается сквозь призму иероглифического письма и «внеклассовости» языка. Слова классического языка, которые более или менее понятны и употребляются в современной живой речи, «бай [2] хуа [4]» не изменяет, а взамен тех, которые уже утратили свое значение, вводит новые. Так, например «женьжень» «шанжэнь» в живой речи не употребляются, так как надобность в них отпала. Взамен их существует современное выражение «хао [3] жэнь [2]».

Второй путь, «упрощения» заключается в том, что все отжившие слова, существовавшие как пережитки отдаленного прошлого, совершенно отбрасывались. В классическом языке сохранилось много различных названий для свиньи, коровы, барана, лошади и т. д. Так для свиньи имеется название «си», «цзун», «ба», «ши», «муши», «пинши»; для лошади — «ма», «цзюй», «тяо», «ба», «лай», «лун», «мума», «пинма»; для барана — «ян», «муян», «пинян», «юй», «сяянпин»; для коровы — «эрр», «цан», «сы», «му» и т. д. Все эти названия диференцируются в зависимости от возраста животного, пола, времени года и т. д. При новых условиях надобности в подобных словах абсолютно не было и они без всякого ущерба для языка были отброшены. Суммируя изложенное, мы можем сказать, что развитие «бай [2] хуа [4]» в общих чертах шло путем:

1) замены слов и выражений, которые в разговорном языке не употреблялись;

2) развитие специфического полисиллабизма при сохранении значения за каждым слогом и уменьшения полиссемантизма;

3) конкретизации смысла предложений использованием «суффиксов» «служебных частиц» и т. д.;

4) сокращения количества слов, которые в основном обозначают одно и то же понятие;

5) введение терминов, «варваризмов», «диалектизмов» и т. д. (Следует отметить, что в «бай [2] хуа [4]» также встречаются выражения и слова классического литературного языка, но это обстоятельство не нарушает общей тенденции его развития.)

Говоря о «бай [2] хуа [4]», мы не можем не коснуться его взаимоотношения с «гуань [1] хуа [4]», или, как его называют, «мандаринское наречие», которое делится на «южное» и «северное». Разница между ними заключалась в некоторых фонетических особенностях и некоторых грамматических формах. Социальная сущность «гуань [1] хуа [4]» выражается в том, что он является официальным языком чиновничества и бюрократии. Время его образования относится к периоду монгольской Юаньской династии. И-гу-сы-тун говорит,

что: «гуань[1] хуа[4]» возник из Пекинского говора периода Юаньской династии. Он, опираясь на политическую силу и влияние литературы, постепенно распространился повсеместно. Куда бы он ни проникал, он впитывал в себя местные диалекты»[1]. Но так как пекинский «говор» есть не что иное, как «бай[2] хуа[4]», то отсюда ясно, что «гуань[1] хуа[4]» образовался на базе «бай[2] хуа[4]». Китайцы из разных провинций, говорящие на разных диалектах (языках), объяснялись друг с другом на «гуань[1] хуа[4]». И-Гу-сы-тун, будучи сторонником «чистой» науки, т. е. сторонником и апологетом господствующего класса, ни в какой мере не выясняет политической ситуации зарождения «гуань[1] хуа[4]».

Говоря о «вень[2] янь[2]» и «бай[2] хуа[4]», «гуань[1] хуа[4]», мы не можем не коснуться вопроса «го[2] юй[2]», что значит «национальный язык». Но прежде чем говорить о национальном языке, позволим указать на то, что фальсификаторы яфетической теории и в данном вопросе искажают учение Н. Я. Марра, говоря, что он отрицает существование национальных языков. Факты говорят совсем другое. «Ни в Армении, ни на Аппенинском полуострове, ни вообще где-либо в Европе, не было и не могло быть иного национального языка, как социального, классового, словом, подход к тому или иному языку так называемой национальной культуры, как массовый родной речи всего населения, ненаучен и ирреален, пока есть фикция» (Н. Я. Марр «По этапам развития яфетич. теории»).

Как видим Н. Я. Марр не отрицает наличия национальных языков, о которых он писал чрезвычайно много, а совершенно правильно отмечает, что национальный язык как внеклассовый есть фикция и обычно буржуазия предподносит свой язык как «общенародный», «общенациональный». То же мы должны сказать и о «го[2] юй[2]», который не является массово-народной речью, т. е. языком трудящихся масс рабочих и крестьян. В статьях о национальном вопросе Ленин, говоря о единстве языка вместе с тем подчеркивал его классовую сущность «...язык, — писал он, — есть важнейшее средство человеческого общения, единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму торгового оборота, свободной и широкой группировке населения по всем отдельным классам, — наконец, условия тесной связи с каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом или покупателем»[2]. Вопрос о «го[2] юй[2]» по существу был поставлен на рубеже XIX и XX вв., в связи с ростом национального движения, экономическая основа которого «состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплении его в литературе»[3]. Как раз в самом начале

[1] И-Гу-сы-тун «У гэ цзя цзи».
[2] Ленин, «О праве наций на самоопределение».
[3] Там же.

нашего века и был поставлен вопрос о «едином» китайском языке «го [2] юй [2]» и закреплении его в литературе. В действительности ныне существующий в Китае национальный язык вместе с тем является литературным языком, но процесс его создания, длящийся несколько десятков лет, еще не завершен.

Строителем этого языка была интеллигенция, выражавшая чаяния нарождавшейся буржуазии, которая свои интересы преподносила, как «общенациональные», «общенародные». Тов. Сталин говорит: «Иногда буржуазии удается вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба по внешности принимает «общенародный» характер, но это только по внешности» [1]. Но так как отсталый Китай мог обновить только «героизм революционных народных масс» [2], то отсюда и поворот к ним. Так китайский ученый Люфу писал: «Среди учащихся были и такие, которые думали о народе. Сделать что-нибудь для нашего народа, мы ничто сами по себе» [3]. К этому же периоду относятся и «заботы» об «образовании», «процветании» и «этике», словом, начинает формироваться новая идеология. И не случайно Лаонайсюань пишет, что «в Европе и Америке пользуются 26 буквами, в Японии 50 знаками кана, которые обнимают собой все существующие письменные знаки. Зная эти несколько десятков знаков, понимая их слоговые законы, можно взять кисть и самостоятельно изложить то, что желаешь знать, можно читать книги, газеты, знать долг и принципы, понимать то, что происходит на свете». История «го [2] юй [2]» есть история классовой борьбы. Экономическое развитие, ведшее к иным формам хозяйства, требовало иного языка, более приспособленного к новому социально-экономическому укладу. Классический язык считался чем-то священным и раз навсегда данным. Знание его давало возможность занять привилегированное положение. Классический язык тормозил и тормозит общественное развитие Китая. Но так или иначе ныне существующий национальный язык идет ему на смену. В настоящее время на «го [2] юй [2]» издаются политико-экономические, научные книги, романы и повести, газеты, периодика и издаются во все увеличивающемся количестве.

Прежде чем китайские ученые подошли к проблеме «го [2] юй [2]» на повестке дня китайской лингвистической мысли стоял вопрос о «цзянь [3] цзы [4]» (сокращенные знаки). Так, например, были выработаны для «гуань [1] хуа [4]» («мандаринское наречие») 50 знаков «бэй [3] цзин [1] пин [2] инь [1] гуань [1] хуа [4] шу [1]». Идея обучения «цзянь [3] цзы [4]», имевшая одно время некоторое распространение, особенно в районе Тяньцзин—Баодинфу, не исключала изучения иероглифов, а наоборот, предполагала. Существо их заключалось в том, что изучение «цзянь [3] цзы [4]», должно быть предварительным этапом для лучшего усвоения иероглифов. Кроме того «цзянь [3] цзы [4]» имели прикладной характер. Разница между «цзянь [3] цзы [4]» и «чжу [1] инь [1] цзы [4] му [3]» (фонетический алфавит), за-

[1] И. Сталин, сб. «Марксизм и национально-колон. вопрос», стр. 13.
[2] В. И. Ленин, «Демократизм и народничество в Китае».
[3] Люфу, «Le mouvement de la langue nationale en Chine».

ключалось в том, что «цзянь[3] цзы[4]» являлось письмом для малограмотных людей, главным образом, для крестьянских масс в их повседневных сношениях, и в конечном счете не получило официального признания, а «чжу[4] инь[1] цзы[4] му[3]» ставило другие цели, а именно: главным образом, выработку «всекитайского» стандартного произношения. Одновременно с пропагандой идеи «цзянь[3] цзы[4]» был поставлен вопрос о принудительном обучении неграмотного населения, о методе преподавания и реорганизации школы. Сторонники распространения «цзянь[3] цзы[4]» говорят, что практика обучения сокращенным знакам дала положительный результат, что многие, окончив школу, где преподавались «цзянь[3] цзы[4]» стали грамотными. Однако, надо сказать, что до настоящего времени идея «цзянь[3] цзы[4]» — этот паллиатив, в Китае не привился и большинство населения до сих пор неграмотно, несмотря на деятельность общества для исследования сокращенных знаков «цзянь[3] цзы[4] янь[2] цзю[1] хуй[4]», основанного в Пекине (ныне Бейпин) Лаонайсюанем, Чжаобинлином и Ванжуном, несмотря на изданные по этому предмету учебные пособия. Пропагандисты «цзянь[3] цзы[4]» настаивали на том, чтобы установить самый легкий и самый простой метод и чтобы при обучении «цзянь[3] цзы[4]» исходить из того языка, на котором говорили обучающиеся, т. е. из фонетической системы «местного языка», а затем переходить к обучению иероглифов, к их установленному чтению. Они работали над выявлением фонематического состояния китайского языка, составляли таблицы фонем, в основу которых клали «пекинский диалект». Тот же Лаонайсюань, составлявший сокращенные значки для «пекинского диалекта» на основе азбуки Ван-Чжао, написавшего ее для «гуань[1] хуа[4]», одновременно составил общую таблицу сокращенных знаков, разделив ее на четыре части:

1) цзин инь	(фонемы Пекина),	имеющие	50 знаков	и 4 тона;
2) нин инь	(„ Нанкина),	„	56 „	5 тонов;
3) у-инь	(Цзянсу и Джецзян),	„	63 знака	8 „
4) Мин гуан инь	(Фуцзянь и Гуандун)	„	83 „	8 „

Как и следовало ожидать, министерство просвещения отнеслось к «цзянь[3] цзы[4]», к этому половинчатому мероприятию, отрицательно, считая, что они нанесут удар китайской иероглифике и «раздробят язык». Наряду с этим зарождалась и укреплялась идея «национального языка», приведшая позднее к большому движению, известному в печати, как «культурная» или «литературная» революция. Был поставлен вопрос о языке и письме. Проблема национального языка стала рассматриваться с точки зрения выработки «единого» языка «го[2] юй[2]», «единого» письма «го[2] вэнь[2]», «единого» произношения «го[2] инь[1]», а отсюда как одно из конкретных мероприятий, вытекала выработка «чжу[4] инь[1] цзы[4] му[3]» (фонетический алфавит).

Профессор Лицзинси считает, что внешним толчком к составлению «чжу[4] инь[1] цзы[4] му[3]» послужило то обстоятельство, что иностранцы, изучая «гуань[1] хуа[4]», стали записывать китай-

ские слова латиницей, что дало основание китайцам заняться изучением и установлением фонем языка. Наиболее известны по этой работе Ванчжао, написавший «цзин [1] инь [1] цзы [4] му [1]», Лаонайсюань, выпустивший «цзянь [3] цзы [4]», и другие. Но каждый ученый изучал фонемы «местного языка» и на основе их строил свои выводы. Вследствие отсутствия общего метода в работе и единого взгляда в вопросе фонетических записей, китайские ученые бесконечно спорили и никак не могли притти к единому заключению. Да и спор этот шел в пределах буржуазного понимания вопросов развития языка.

Наконец в 1913 г. министерство просвещения созвало совещание «ду [2] инь [1] тун [3] и [1] хуй [4]», на котором были представители всех провинций Китая и китайских резидентов, проживавших в Монголии и Тибете. Специалисты обсуждали слова и утверждали их произношение для всего Китая. На этом совещании было формально установлено 39 фонетических знаков для «фонетического алфавита» и выработано для 8000 иероглифов единое чтение. На основе этих работ позднее был выпущен словарь «го [2] инь [1] цзянь [3] цзы [4]». При выработке «единого всекитайского языка» за основу был взят «пекинский диалект», в связи с чем возникла бесконечная дискуссия. Так, например, следует отметить взгляд Чжантайяна, который требовал взять хубейский говор (язык) за основу, мотивируя свой взгляд тем, что с давних пор Китай подвергался различным завоеваниям и что в результате этого «доподлинный» китайский язык следует искать в районе Янцзыцзяна, т. е. в провинции Хубей. Но так как Хубей говорит на южном «гуань [1] хуа [4]», то отсюда, по его мнению, следовало, что он должен стать основным.

По трудности фонетического состояния языков Лицзинси делит Китай на четыре части:

1) Фуцзянь и Гуан Дун;
2) Сучжоу, Чжецзянь и юго-восточная Ань-Хуй;
3) Цзяньси и большая часть Ань-Хуй и Ху-Нань;
4) Шесть провинций бассейна Хуан-хэ, «Манчжурия», северная часть Цзянь-Су и Ань-Хуй бассейна Хуай-хе, в данных районах распространен северный «гуань [1] хуа [4]».

Что касается провинций Ху-Бей, Сы-Чуань, Гуй-Чжоу, Юнь-Нань, запада Ху-Нани, Нанкина и Ханчжоу, то там южное «гуань [1] хуа [4]». По мнению Лицзинси, юго-восточная приморская часть Китая, весьма удобная для путей сообщения, в отношении языка представляет наибольшую трудность, в то время как в юго-западной части, далекой от культурных районов, дело обстоит значительно проще.

Лицзинси — известный китайский ученый, написавший ряд работ по вопросам «го [2] юй [2]», по своим воззрениям типичный индоевропеист, т. е. представитель реакционного направления в науке о языке. С «го [2] юй [2]» неразрывно связана также проблема «диалектологического» изучения языка. Нельзя сказать, что в Китае ранее не занимались «диалектологией». Известен ряд «диалектологических» работ, хотя бы таких как словарь Эрря [1]; работа Ян-

сюня «Фанянь», относящаяся к периоду Ханьской династии; менее древней давности книга, написанная Ханем и Ченем «Сюйфанянь»; Цюй-ин «Тунсупянь»; Цян-сяо-вэй «Хэньяньлу» и т. д. Надо отметить, что до настоящего времени все же нет систематических исследований по «диалектологии» китайского языка основными источниками служили книги Чжантайяня «Синфанянь» и «Линвай-сан-чжоу-юй», Шен-Цзян и Чен-ци син «Гуансинфанянь», «Юэ янь»—Фань-инь; Сунцзинбяо «Наньтунфанянсьсучжен» и т. д.[2] Вопросы «диалектологии» китайские ученые рассматривают примерно с трех точек зрения: 1) слова, присущие только данной местности и неимеющие никакой аналогии в других местах; 2) слова, имеющие равный по семантике эквивалент, но графически и фонетически представленные иначе, например слово «я» в Бэйпине говорят «во», в Баодинфу — «ань», Чже-цзяне—«ала», Хэнани—«у», Цзян-су — «нун» и т. д., или, например, в Бэйпине говорят «доктор» — «дайфу», «ишэнь», а в Шаньдуне—«яо-баоцза», в Шанхае же — «ланчжун»; 3) условия быта, создающие особый тип выражения — «цича», «паоча». Одно выражение обозначает сначала положить чай, а потом залить кипятком, а другое — сначала налить кипяток, а потом положить чай. То и другое выражение соответствует нашему «заварить чай», разница только в том, что китайцы отличают способ заварки чая, вследсвие чего в некоторых местностях употребляют только одно из этих выражений.

Общая линия развития «го[2] юй[2]» сводится примерно:

1) к сохранению прежнего иероглифического письма;

2) к установлению единого чтения иероглифов;

3) к приведению иероглифического письма в соответствие с живой разговорной речью;

4) к ограничению введения «диалектизмов»;

5) к заимствованию слов и форм;

6) к выработке терминологии на основе своего языка и письменности;

7) к заимствованию иностранной терминологии путем перевода ее на свой язык, а также транскрибирования иероглифами и латиницией иностранных слов;

8) к рационализации словаря, выбрасыванию отживших слов, выработке новых и т. п.;

9) к разработке «грамматики» — строя языка.

Разумеется, мы не можем в небольшой по размерам работе дать полное исследование всей совокупности вопросов развития языка, ибо каждый из указанных пунктов требует специального подробного изложения. Отметим только, что «бай[2] хуа[4]», «гуань[1] хуа[4]», «го[2] юй[2]» являются звеньями одной цепи в развитии китайского языка, причем каждое звено отличается друг

---

[1] Эрря — самый древний китайский словарь. Составление его приписывают Чжао-гун-у, жившему в XII в. до нашей эры.

[2] Конечно, проблематика «диалектологии» этим не ограничивается и круг вопросов становится постепенно все шире и шире.

от друга своей закономерностью и специфичностью. Все они являются продуктами различных социально-экономических отношений и вместе с тем генетически связаны. Существовал «бай[2] хуа[4]», на его основе выработался «гуань[1] хуа[4]», а затем «го[2] юй[2]». Так, если при выработке языка мандарината — «гуань[1] хуа[4]» основой послужил «бай[2] хуа[4]», то при выработке «го[2] юй[2]» китайские ученые исходили из наличия южного и северного «гуань[1] хуа[4]». Но ни «бай[2] хуа[4]», ни «гуань[1] хуа[4]» несмотря на их специфическое «обращение к массам», никогда не были массовыми народными языками, никогда не были языками крестьян, а тем более рабочих. Это были языки господствующих классов, которые рассматривали язык рабочих и крестьян, как «простонародную», «вульгарную» речь, как речь «простолюдина», закрепив за их языком термин «су[2] хуа[4]».

Что касается «пу[3] тун[1] хуа[4]» — «общий язык», то он есть не что иное, как литературный разговорный язык.

Однако надо иметь в виду, что в языке нет «чистых» явлений, как нет их ни в природе, ни в обществе.

Ленин говорил, что «чистых» явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может—об этом учит, именно, диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. Когда говорят, что «бай[2] хуа[4]» = «пу[3] тун[1] хуа[4]»; «гуань[1] хуа[4] = пу[3] тун[1] хуа[4]»; «го[2] юй[2]» = «пу[3] тун[1] хуа[4]», то надо учитывать специфичность каждого из этих языков.

Когда речь идет о «туа[3] хуа[4]» — «местный язык», собственно слова, употребляющиеся в данной местности, «местное слово», то в китайской литературе они рассматриваются как противоположность литературному языку, как местные «диалектизмы», вне связи с общим процессом речетворчества, вне связи с классовым содержанием языка.

Надо сказать, что национальнай язык «го[2] юй[2]», он же новый литературный язык, несмотря на то, что имеет уже за собой относительно большую историю и большую печатную научную и беллетристическую литературу, до настоящего времени все еще находится в процессе формирования. В «го[2] юй[2]» есть и реакционная сторона, поскольку он выступает не только как национальный язык, но и как государственный, употребляемый бюрократией. Само слово «го[2] юй[2]», значит «национальный язык», «государственный язык». Он преподносится как «общенародный», «всекитайский» язык, в то время как многоязычие Китая свидетельствует о его неоднородности, не говоря уже о классовом делении каждой народности, населяющей Китай и имеющей отличительные признаки своего языка. Если отбросить иероглифическую письменность, то это многоязычие будет выступать чрезвычайно рельефно, мы увидим, что люди из разных местностей Китая абсолютно не поймут друг друга, поскольку они являются носителями иного языка. Профессор Лицзинси в своей книге «Гоюй-сюэ цзяньи», говоря о «го[2] юй[2]» пишет, что словарный

материал и строй этого языка находятся еще в стадии разработки.

Следует отметить, что китайский язык лингвистически разработан самими китайцами очень слабо. Европейские ученые, главным образом, занимались филологическим, а нелингвистическим исследованием китайского языка. Не приходится говорить о «диалектологии», которая в европейской литературе почти совершенно не освещена, а в китайской освещена очень слабо. Лингвистическая наука в Китае только за последнее время стала развиваться. Издаваемые учебники языковедения построены на основе индоевропейского учения о языке, с ясно выраженным традиционным делением на фонетику, морфологию, синтаксис. Китайская лингвистическая наука развивается под сильным влиянием распространившегося по всей Европе буржуазного индоевропейского учения о языке. Сильно влияние английской лингвистической мысли, о чем свидетельствуют особенно учебники по китайскому языку, «грамматики», копирующие английские грамматики. Содержание и формы языковедной работы, частично нами приведенные в предшествующем изложении, как и следовало ожидать, базируются на этом учении. Короче говоря, вопросы языка китайскими учеными не рассматриваются с точки зрения единого исторического процесса речетворчества, с его материальной обусловленности, в связи языка с мышлением. Язык не рассматривается ими с точки зрения классового содержания.

В основе литературного языка китайцев СССР, живущих на Дальнем Востоке, лежит формирующийся новый литературный язык, ныне существующий в Китае. Однако, где есть тождество, там есть и противоположность и борьба их. Поскольку у нас носителем и строителем этого языка является китайский пролетариат, язык естественно изменился.

В связи с ростом языкового строительства китайцев в СССР, вопросы научного исследования литературного языка приобретают большое значение.

ШУЛЬМАН М.

О СОВЕТИЗМАХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНАХ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

Расцвет культур, национальных по форме и социалистических по содержанию, неразрывно связан с развитием важнейшего их элемента — национальных литературных языков. Вопрос о путях развития национальных языков, об источниках словообразования и методах разработки новой терминологии предоставляет собой не вопрос только формы, а имеет прямое отношение к вопросу о содержании национальной культуры, так как форма и содержание языка диалектически связаны между собою, развитие формы неотделимо от развития содержания.

Отсюда понятно, почему классовая борьба на идеологическом фронте, на фронте культурного строительства находит свое прямое отражение в языке, в борьбе вокруг вопросов развития того или иного языка.

***

Ленин, отмечая две исторические тенденции в национальном вопросе, свойственные капитализму, указывал, что «зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм» характеризуется второй тенденцией, сущность которой он определяет так: «развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.» [1].

Эта тенденция не могла не найти отражения и в языке.

Процесс интернационализации словарей, как определенная тенденция в развитии языков, бросается в глаза каждому внимательному читателю. Экономические, технические, культурные и прочие связи между государствами и народами способствуют развитию международной терминологии. Удельный вес интернациональной терминологии в языке какой-либо страны растет с ее индустриализацией и поднятием культурного уровня ее населения.

В нашей советской печати часто встречаются теперь такие интернациональные технические термины, как генератор, турби-

[1] Ленин, т. XVII, 3-е изд. стр. 140.

на, монтаж, блюминг, мартен и др. До революции эти термины были известны лишь узкому кругу работников соответствующего производства. Газеты тогда не писали, или очень мало писали, о таких вопросах, потому что уровень индустриализации страны был крайне низок, а промышленное строительство, являвшееся продуктом частной инициативы, мало интересовало массового читателя. Сейчас же вопросы строительства гигантских гидростанций, металлургических заводов и т. п. стоят в центре внимания всей пролетарской общественности, интересуют каждого рабочего, каждого трудящегося, ибо они хозяева своей страны.

Научная терминология также в значительной мере интернациональна. А с поднятием культурного уровня масс их словарь все более обогащается научными терминами. Удельный вес научной терминологии во всех языках растет. А прогресс науки, ее развитие на основе обмена опытом вызывает настоятельную необходимость в интернационализации научной терминологии.

Мировой рынок привел к созданию ряда интернациональных слов, относящихся к биржевым, кредитным, торговым и другим операциям.

Октябрьская революция, установившая диктатуру пролетариата на одной шестой части мира, оказала огромное влияние на язык. С этим влиянием не может сравниться отражение в языке какой-бы то ни было другой революции, даже французской буржуазной революции.

Не останавливаясь здесь на характеристике неологизмов (например коренизация, коллективизация, самокритика, алилуйщина), внесенных в язык Октябрем, на изменении семантики (значения) слов, на сокращенных комбинированных словах и т. д., мы коснемся лишь некоторых новых, наиболее распространенных терминов, уже получивших интернациональное значение.

Возьмем слово с о в е т. Оно существовало в русском языке еще до революции 1905 г., но в совершенно другом смысле. Слово с о в е т употреблялось и для обозначения учреждения— тайный совет. В 1905 г. с возникновением первых советов рабочих депутатов с о в е т обозначал орган революционной борьбы, революционной власти. С 1917 г. с о в е т получает свое теперешнее значение органа пролетарской диктатуры. Наше слово с о в е т обозначает учреждение, которое существует сейчас только в советских республиках, которого не может быть ни в одной капиталистической стране до возникновения там диктатуры пролетариата или борьбы за власть трудящихся. Всякий понимает, что, свергнув власть капитала, пролетариат любой страны будет строить советы, советскую власть как целиком себя оправдавшую форму пролетарской диктатуры. Мы видим, что и в Китае восставшие рабочие и крестьяне в тех районах, где они низвергли власть буржуазии и помещиков, установили советскую власть.

Совет — понятие интернационального значения. Советы впервые возникли в стране пролетарской диктатуры — СССР, поэтому самый термин с о в е т в большинстве иностранных языков

заимствуется ими без перевода (это слово приспосабливается лишь к фонетическим особенностям каждого языка, например sowiet по-немецки, soviet по-французски и английски, по-японски «друг СССР» звучит с о в е т н о т о м о. То же в других языках).

Интернациональное значение получили и приводятся в иностранных языках весьма часто без перевода и такие слова, как б о л ь ш е в и к, п я т и л е т к а, р а б к о р, к о л х о з, у д а р н и к и т. д. Разумеется, что фонетика и морфология этих слов в иностранных языках несколько отличаются от русского. Например б о л ь ш е в и з м по-испански б о л ь ч е в и с м о. Конечно, пятилетка может быть переведена и английским и французским словом. Конечно и буржуазные государства имеют свои п я т и л е т к и, например пятилетки военно-морского строительства. Но пятилетки с тем социально-политическим содержанием всемирно-исторического значения, которое вкладывается в это слово, в капиталистическом государстве быть не может. На нашей пятилетке лежит, если можно так выразиться, печать: «made in USSR». Естественно, что за границей ее называют советским именем. К этой же группе терминов относятся слова: колхоз, ударник и т. д.

Советизмы, проникшие сейчас в иностранные языки, уже заняли видное место среди наиболее распространенных международных слов. С победоносным развитием пролетарской революции, с ростом революционного настроения в трудящихся массах зарубежных стран, с усилением экономической и политической мощи Советского Союза, с увеличением притока иностранных делегаций и туристов количество советизмов в иностранных языках будет расти. Советизмы — символ той новой социалистической культуры, которая создается в советских республиках и влияние которой на трудящиеся массы за границей с каждым годом будет усиливаться.

Теперь языки народов Советского Союза, являющегося самой передовой страной в мире по социально-экономическому и политическому строю, становятся для всех языков источником интернациональной терминологии.

Если во многих иностранных языках ряд советизмов дается без переводов, то тем более естественно позаимствование их языками национальностей СССР. Однако такое позаимствование далеко не во всех языках имеет место.

В СССР слово с о в е т вместе с советской властью проникло во все уголки страны, во все живые языки. Однако в литературной речи некоторых языков СССР с о в е т переводят национальными терминами.

Белорусские нацдемы вместо с о в е т ввели слово р а д а, хотя не только пролетарские, но и крестьянские белорусские массы говорят не р а д а, а с о в е т. Понадобилось вмешательство партийных и советских органов БССР, чтобы в свое время внедрить в литературный язык термин с о в е т (термин р а д а связан с названием контрреволюционной белорусской рады).

В украинском языке слово рада укоренилось, органически вошло в язык (и не только литературный, но и язык масс) за многие годы советской власти в революционном значении органа пролетарской диктатуры, т. е. в значении, противоположному тому, которое в начале Октября вкладывалось в это слово в связи с существованием контрреволюционной рады.

Случай такого коренного изменения значения слов в развитии языков встречается неоднократно. Необязательно поэтому делать вывод о необходимости сейчас отказаться от термина р а д а в украинском языке.

В узбекском литературном языке с о в е т переводят термином «шура», взятым из родового быта. Если бы широкие массы именно так называли совет — орган пролетарской диктатуры, то это явление можно было бы объяснить так: узбеки принадлежат к числу тех восточных национальностей, которые вступили на путь строительства социализма, минуя капиталистическую стадию развития, а такому социально-политическому скачку соответствует «скачок» в понятиях и терминологии, приспособление старых слов для обозначения новых понятий. Однако если широкие массы употребляют в живой речи слово с о в е т без перевода его национальным термином, то последний теряет свое право на существование.

Национал-демократы, исходя из курса на отрыв соответствующей национальной республики от СССР в целях восстановления власти капиталистов и помещиков, ориентировались в культурном строительстве на буржуазный Запад (в БССР и на Украине) или на культуру Турции, Персии (в восточных советских республиках). Отсюда и вытекают их установки в языковом строительстве, их вредительство в области языка.

«Идеологическая подготовка отрыва БССР от Советского Союза, теория самобытности, выкорчевывание из белорусского языка всего того, что его сближает с культурой народов СССР, в частности с русской культурой, и насыщение языка польскими и чешскими словами, непонятными широким массам — вот что характеризует методы «культурной работы» национал-демократов [1].

Пуще всего национал-демократы старались не допускать проникновения в национальный язык советизмов и революционно-политических терминов, напоминающих о ненавистной нацдемам советской действительности, терминов интернационального характера, способствующих культурному сближению народов. Зато они усиленно насаждали и реставрировали всяческие архаизмы, зачастую злостно искажая при этом смысл передаваемого понятия. Так у них получились переводы: революция — пярэрынь, коммунизм — грамадзейства [2], баррикада — загородка,

---

[1] Из резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б) Б, газета «Звезда» 16. 1. 1934 г.

[2] Бессодержательный термин, означающий общественную деятельность, неизвестно какую.

пропагандист — пашыршчык, эпоха — дзеячас, демонстрация — спаказ, пролетариат — голота, убоства.

Убогі — это нищий, потерявший к себе уважение. По терминологии национал-демократов, диктатура пролетариата это диктатура нищеты. В этом переводе ярко сказалась ненависть к пролетариату остатков ранее господствовавших классов, идеологов кулачества.

Сремясь к «самобытности» языка и «очищая» его от иностранных интернациональных слов и советизмов, национал-демократы допускали исключение для слов из польского языка. В согласии со своей политической ориентацией они усердно полонизировали белорусский язык, особенно в части военной терминологии. Они переводили: гарнизон—залога, танк—пайзун, патронташ—ладуньнік и т. д.

Аналогичным образом действовали нацдемы Украины. Они переводили: формула — взір, период — наворот, полюс — бігун, фокус — вогнище, призма — граностовп, гипотенуза — засновок и т. д.

Это все интернациональные термины, которые не следовало бы переводить.

До чего доходило усердие национал-демократов в части охраны «самобытности» и «чистоты» языка, показывает следующий пример. Пресс они переводили «гніт», так что, согласно их терминологии выражение «Советский пресс» следовало бы перевести «Рядяньскій гніт», т. е. «советский гнет». Комментарии, как говорится, излишни.

Как известно, Скрыпник поддерживал курс национал-демократов на отгораживание украинского языка от русского, на недопущение в украинский язык интернациональной научной терминологии. Выступая в 1931 г. в Украинском институте марксизма-ленинизма по вопросу об интернациональных терминах, Скрыпник высказался против их внедрения в украинский язык: по его мнению, это «еще не есть интернационализация языка, ибо эти термины не интернационализм, а европеизм, и нам не следует страдать европейской ограниченностью. Существуют же сотни миллионов трудящихся китайского, индусского и др. народов, у которых другие термины, другие звуки» [1].

Прикрывшись Индией и Китаем, маскируясь «левыми» фразами, Скрыпник старался скрыть свой курс на «самобытность», на национальную ограниченность в развитии украинского языка, свое отрицательное отношение к внесению в украинский язык интернациональных терминов.

Вредительство национал-демократов в области языка было разоблачено, и около трех лет назад (с 25/IV 1933 г.) при Украинском Наркомпросе была создана специальная комиссия с заданием повести дело создания украинской научной терминологии подлинно пролетарским путем, исправить украинскую фразеологию и правописание. Комиссия признала необходимым

[1] «Червоний шлях», 1932 г., № 1—2, стр. 92.

«приостановить издание словарей и организовать пересмотр всех словарей для очистки их от националистического мусора». Комиссия дала директиву: «В переводе слов в фразеологию не вносить искусственного отмежевания украинского языка от русского. Ни в коем случае не избегать общих для обоих языков слов» [1].

Перечисленные выше «самобытные» слова и ряд других комиссия постановила заменить терминами интернациональными.

В Узбекистане местные националисты проводили такую же линию, как и белорусские и украинские национал-демократы. Они переводили самобытными словами такие интернациональные термины, как пролетариат, партия, актив. Вот несколько примеров «самобытных» терминов в узбекском языке: пролетарий joqsuł, баррикады — «сьр», революция — ɵzgəriş, inqilab и др.

Совершенно очевидно, что все перечисленные термины как интернациональные не требуют перевода, что перевод или неточно передает смысл понятия или искажает его. Недаром Ф. Энгельс писал: «Такие необходимые иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические выражения, не были бы необходимыми, если бы их можно было перевести. Перевод только искажает их смысл, вместо того, чтобы объяснить, он вносит путаницу» [2].

Для характеристики извращения понятий приведенными выше переводами достаточно сказать, что революция переводится термином, означающим д р а к у, т. е. совершенно выхолощено социально-политическое содержание термина.

Пришлось создать специальную терминологическую комиссию при ЦК КП(б) Узбекистана для борьбы с языковым вредительством местных националистов, наводнивших язык терминами, непонятными ни рабочим, ни колхозникам.

В ингушских словарях, составленных Мальсаговыми Иналуком и Магометом и изданных во Владикавказе в 1929 и 1930 гг., встречаются такие переводы (даем только их смысл):

Класс — группа людей (?), пролетарий — безумно бедный человек, буржуазия — группа богатых, партия — группа (какая?) комсомол — союз молодежи (какой?).

А н т и р е л и г и о з н ы й переводится термином muna—parh, что по с м ы с л у о з н а ч а е т — безбожник, которому грозит ад [3].

Весьма показательно, что в словаре Мальсагова И. не оказалось таких терминов как к о л х о з, с о в х о з, В К П(б), п я т и л е т к а, а в словаре Мальсагова М. терминов: социализм, коммунизм, марксизм, ленинизм, ударник, партия, большевик, революция и т. д.

---

[1] А. Хвиля. Знищити націоналістично коріння на мовному фронті («Коммуніст» № 140 от 3 июня 1933 г., Більшовик України», № 7—8 за 1933 г., стр. 42—56).

[2] Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Соцэкгиз, изд. 4-е, 1931 г., предисловие.

[3] Журн. «Революция и горец» № 6—7 за 1932 г., стр. 128. Партиздат, Ростов-на Дону.

В еврейском языке «идыш» можно отметить в качестве положительного факта широкое внедрение интернационализмов, но плохо обстоит дело с советизмами.

Если взять, например, термин с о в е т, то в еврейской печати он употребляется и без перевода и с переводом. Еврейская газета «Дер Эмес», наряду с термином «рат», употребляет и «совет», особенно в сложных словах, но отказаться от термина «рат» все еще не решается, особенно в выражении «ратнфарбанд» (Советский Союз). Заметим при этом, что в коммунистической американской еврейской газете «Морген Фрайгайт» пишут «советнфарбанд», а не «р а т н ф а р б а н д». В ньюйоркском еврейском журнале «Icor», издаваемом обществом содействия еврейской колонизации в СССР, «Советский Союз» также всегда переводится: «с о в е т ф а р б а н д».

Слово ударник вошло без перевода в иностранные языки. Например в журнале на немецком языке «USSR im Bau» так и пишут: Udarniki. Поскольку еврейские рабочие живут и работают в среде великорусских, украинских и других рабочих, у которых слово у д а р н и к вошло в быт, еврейскому рабочему слово у д а р н и к понятнее искусственно сочиненного пуристами термина ш л о г л е р. А между тем в газете «Дер Эмес» и др. употребляется именно это слово.

Советизмы даются нередко в переводе таким образом: принцип образования комбинированного слова из частей составляющих данный термин слов заимствуется из русского, но каждое из составных слов переводится на национальный язык. Структура одна и та же, но фраза другая. Таким порядком в еврейском литературном языке получились следующие переводы слов: к р а й и с п о л к о м «kantojsfirkom, промфинплан — «indfinplan, колхоз — kolwirt» и т. д. и т. п.

Для советского еврейского рабочего, не читающего регулярно еврейской прессы, эти слова представляются на первых порах непонятными, ибо в живой еврейской речи он слышит обычно — крайисполком, промфинплан, колхоз. Эти слова, особенно последние два, еврейский рабочий или колхозник слышит на каждом шагу на фабрике или в колхозе, где он работает бок-о-бок с товарищами из других национальностей. Он эти слова во всяком случае легче поймет, чем искуственные их переводы на еврейский язык.

Если еврейские массы знают и употребляют без перевода русские термины п р о м ф и н п л а н и к о л х о з, приобретающие интернациональное значение, то замена их искусственными национальными терминами не только никакой пользы еврейским трудящимся массам не дает, но и затрудняет их общение с трудящимися других национальностей.

Сторонники «самобытности», оспаривая целесообразность ориентации на позаимствование советизмов из языка окружающего населения, выдвигают такой аргумент: нельзя, мол, ориентироваться на русский, белорусский или украинский языки, чтобы не

получилось три еврейских языка в СССР, а поэтому еврейскому литературному языку нужны всегда самостоятельные названия сложносокращенных слов.

Так как, например, с о в е т по-украински р а д а, а не с о в е т, то нельзя мол, по-еврейски писать SSSR (СССР), потому что это не соответствует украинскому сокращенному названию и поэтому будет непонятно украинским евреям.

Какой же выход нашли?

Взяли обозначение FSSR [1], не совпадающее ни с украинским, ни с русским термином.

Впрочем, нельзя сказать, что термин FSSR принят во всей советской еврейской печати: так пишут в газетах «Дер Эмес» (московская) и «Октябрь» (минская), в украинской же еврейской газете «Штерн» пишут FSSR. Разница получилась потому, что третья буква в первых двух газетах соответствует слову с о в е т, а в газете «Штерн» слову р а т.

Курьезно получилось с передачей по-еврейски названия стратостата («СССР»), «Дер Эмес» в одном и том же номере от 4 октября 1933 г. называет стратостат и FSSR и SSSR, «Октябрь» — FSSR, «Штерн» — FSSR. Три обозначения для одного предмета! И вдобавок в газете дается фотоснимок стратостата с русскими буквами «СССР»!

В данном случае «СССР» является названием предмета, названия обычно не переводятся, но еврейские журналисты решили все же перевести, чтобы сохранить связь термина с полным названием Советского Союза. В результате нелепый, не нужный разнобой, который должен вызвать недоумение читателя.

Приведенный пример показывает, к чему приводит стремление во что бы то ни стало переводить сложно сокращенные термины, исходя из полного, расшифрованного названия на национальном языке.

Когда мы говорим о советизмах, то имеем в виду слова, относящиеся к явлениям, возникшим после Октября. Употреблялось ли данное слово до Октябрьской революции или же возникло лишь при советской власти, это для нас не существенно. В а ж е н с м ы с л у п о т р е б л е н и я с л о в а, е г о з н а ч е н и е и т. д. Слово с о в е т, как мы уже указали раньше, существовало в русском языке и до Октября, но свое нынешнее значение в смысле органа пролетарской власти с о в е т получил лишь при диктатуре пролетариата. Слово у д а р н и к также было известно до Октября, но в значении, ничего общего не имеющем с современным смыслом этого слова. У д а р н и к, у д а р н и ц а в период империалистической войны — это члены ударных отрядов для борьбы с немцами «до победного конца». При советской власти у д а р н и к и и у д а р н и ц ы — лучшие люди рабочего класса и колхозного крестьянства, активные борцы за социализм, заслужившие всеобщее уважение. Слово

[1] Буква «f» соответствует слову «farband»—союз. Остальные буквы такие же, как в русском названии СССР. В некоторых случаях, как увидим дальше, на 3 месте стоит не «S», а R, что соответствует слову rat.

к у л а к было известно и при царизме, но только при советской власти оно стало таким политически заостренным и классовонасыщенным термином, таким распространенным в массе, в общественно-политической жизни, в печати, каким оно является сейчас.

Эти и ряд других слов неизбежно переходят из русского языка в другие языки на правах интернациональных терминов (до Октябрьской революции они не переходили).

Интересно следующее сообщение в статье члена президиума II Всесоюзного съезда колхозников-ударников т. Короткова («Известия ЦИК СССР» 14/II 1935 г.):

«Товарищ бригадир (речь идет о т. Усеинове из Крымской АССР) говорил на татарском языке. Как будто бы и незнакомый язык, но сколько в нем знакомых слов: бригада, колхоз, животноводство, трудодень».

Неудивительно, что в немецкой газете «DZZ» встречает Kolchos, Artel, kulakishe Elementen, что в живом языке немцев (например на Северном Кавказе) можно услышать наряду со словом Kolchos — Bednjak, Serednjak, несмотря на наличие в немецком языке соответственных синонимов. В бурято-монгольский язык колхоз и колхозник вошли в виде kolkooz, kolkooznig. Эти же слова, наподобие у д а р н и к, б о л ь ш е в и к и с о в е т, проникли и в иностраные языки.

Однако пуристы разных мастей всячески стараются заградить путь стихийному проникновению советизмов в национальные языки.

***

При развитии национальных литературных языков мы должны, конечно, учесть возможности нашего влияния на зарубежные народы. Есть белоруссы и украинцы в СССР, есть белоруссы и украинцы за его пределами. Есть тюрки в Азербайджане и есть тюрки за рубежом. Мы должны по мере возможности развивать терминологию в национальных языках так, чтобы не затруднять понимание советской национальной литературы за рубежом. Было бы, однако, совершенно неправильным делать отсюда вывод, что мы должны в развитии, скажем, украинского или белорусского языков придерживаться того же курса, который проводился в Галиции или Западной Белоруссии, где в силу особых социальных условий в белорусском и украинском языках неизбежно появляются чуждые нам термины.

Нельзя рассматривать как серьезное препятствие взаимному пониманию введение в национальные языки интернациональных терминов и ряда советизмов. Трудность усвоения советизмов для зарубежного читателя вытекает не из формы сложносокращенных слов и способа их расшифровки, а от трудности уяснить себе правильно т о п о н я т и е, которое представлено данным словам. А если говорить о барьере делу взаимного понимания националов советских и зарубежных, то больше всего

он является результатом именно искусственного «самобытного» словотворчества литераторов национал-демократического лагеря.

Обычно борьбу против проникновения советизмов в национальный литературный язык мотивируют тем, что эти слова якобы плохо «звучат», не соответствуют национальному духу языка; «засоряют» его. Но истинная причина не в этом: решающую роль играют не сами слова, а понятия, вещи, явления, обозначаемые этими словами.

В эпоху французской буржуазной революции такие слова, как декрет, экспроприация, революция, вызывали негодование блюстителей чистоты французского языка из среды аристократии, дворянства по той простой причине, что эти слова напоминали им об очень неприятных для них вещах.

Точно так же остатки бывших эксплоататорских классов и их идейные оруженосцы морщатся брезгливо, когда слышат советские сокращения и ряд новых слов, которыми Октябрьская революция обогатила русский язык. Нам совершенно понятно, почему им не нравится ЧЕКА, ГПУ или Наркомвнудел, Наркомфин и т. д.

Создание «самобытных» искусственных слов для замены тех советизмов, которые массы восприняли и употребляют в форме, взятой из русского или другого какого-либо языка (с соответствующими фонетическими и морфологическими изменениями), ничего кроме вреда не приносит: это только затрудняет для трудящихся понимание ими национальной печати.

**
*

Далеко не во всех языках проводится «классически выдержанная», последовательная пуристическая линия в отношении советизмов и интернациональных терминов. В одних случаях пуризм направлен своим острием лишь против русских слов и советизмов, но прочие интернациональные термины беспрепятственно допускаются в словарь. Примером в этом отношении может служить еврейский язык — «идыш». В других случаях наблюдается обратная картина: советизмы и даже обычные русские слова даются без перевода, но интернациональные слова зачастую переводятся национальными терминами без необходимости в этом и в ущерб точности изложения, а иногда с недопустимыми искажениями смысла.

В качестве примера второго случая возьмем бурято-монгольский язык. В русско-бурятском словаре Боржоновой (Бургосиздат, Верхнеудинск, 1932 г.) мы встречаем такие переводы: коллективизация — koligtivizaaca, агитация — agitaaca, аппарат — aparaad, больница — bolniico, большевик bolşoviig и т. д.

Но наряду с этим автор словаря ряд интернациональных слов переводит. Например: генеральная линия партии — namiin golşngam; оппозиция — esergyycel, esergyy angi; энергия — cadol, kyce; революция — kybiskal.

Необходимости в «национальных» терминах для перечисленных интернациональных слов нет. Никак нельзя оправдать упо-

требление например «самобыточного» термина для понятия о п п о з и ц и я. О п п о з и ц и я слово не русское, а иностранное, притом интернационального порядка. Зачем его было переводить?

*
**

Интернациональный фонд (куда относятся и советизмы) должен и будет расти во всех языках вопреки ярому противодействию пуристов всех мастей. В период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, строительство мировой социалистической интернациональной культуры, неизмеримо поднимая культурный уровень широчайших масс, укрепляя братские интернациональные связи между нациями, стирая грани между ними и сливая их в одну нацию, даст новый мощный толчок делу интернационализации словарей, как необходимому пути к слиянию национальных языков в один общий мировой язык.

Человечество идет от множества языков к единому. «В период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык» (Сталин). Мы должны поэтому развивать национальные языки так, чтобы не противодействовать, а способствовать будущему процессу образования единого мирового языка, создать условия, сокращающие в будущем путь к этому единому языку. Нужно строить терминологию для национальных язков так, чтобы она способствовала укреплению братского союза всех национальностей СССР, их воспитанию в духе интернационализма и усилению влияния пролетариата и его идеологии на трудящиеся массы всех наций. Внедрение распространенных в ряде языков интернациональных терминов, взамен придумывания искусственных «самобытных» слов, внедрение советизмов должно поэтому занять видное место в процессе обогащения словарей национальных языков.

Проф. ГРАНДЕ Б.

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРМИНАХ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ [1].

Терминологическое совещание при УМС Наркомпроса ЯАССР (сентябрь 1933 г.) в своем постановлении отметило:

«Крайне неудовлетворительное состояние работы по разработке терминологии якутского языка, как со стороны Комитета Нового Алфавита, так и со стороны Наркомпроса ЯАССР; отсутствие разработанных на основе марксистско-ленинской методологии основных принципов якутской терминологии, отсутствие плановой работы по выпуску терминологических словарей, в результате которого рост культурного строительства ЯАССР (коренизация начальных и средних школ, коренизация делопроизводства советского аппарата и работы национальной печати) встречает огромнейшие трудности, требующие неотложного разрешения».

Развитие терминологии тормозилось отсутствием в Якутске квалифицированных кадров. Создание терминологии и выработка орфографии якутского языка происходили в значительной степени стихийно. Новые термины составлялись в процессе практической работы некоторыми авторами учебников, книг и статей, переводчиками, литераторами и др. Общая координация всей этой работы отсутствовала, вследствие чего нередко имеют место субъективные взгляды того или иного автора.

Одним из основных вопросов якутской терминологии, требующим максимального внимания, является вопрос об иноязычных словах, и в частности о словах, переходящих из русского языка. С этим вопросом тесно связан и вопрос об использовании средств родного языка, так как некоторые работники иногда склонны его игнорировать. Вопрос о русских словах требует особого внимания в связи с большим значением, который русский язык приобретает в развитии якутской терминологии: русский язык преподается в школах, начиная со второго года обучения; на нем происходит в настоящее время преподавание в якутских техникумах, на рабфаках, в совпартшколе; на нем же получаются

[1] Вопросы, затронутые в настоящей статье, мною более подробно изложены в работе «Актуальные вопросы терминологии якутского языка», печатающейся в «Ученых записках» Института национальностей при ЦИК СССР.

и читаются центральные газеты и журналы («Известия», «Правда» и др.). Таким образом русский язык является воротами, через которые проникают в якутский язык не только русские, но и международные слова. Это необходимо отметить в связи с тем, что в якутском языке имеются многочисленные русские слова, заимствованные и вошедшие в быт еще в дореволюционное время, например suut — «суд» «учреждение», ucuutal — «учитель», ostuol — «стол», kinige — «книга», mььla — «мыло», buoraq — «порох» и т. д.

Совершенно не умаляя роли и значения русского языка для якутского терминологического строительства, необходимо в условиях языковой работы в Якутии особенно внимательно следить за тем, чтобы это явление не привело к игнорированию средств самого якутского языка.

Надо обратить внимание еще на одну сторону вопроса. При установления якутской терминологии требуется не только дифференцированный подход к каждым группам терминов, но также внимательное рассмотрение каждого слова. Если устанавливаются общие правила по той или иной группе слов, то это отнюдь не означает, что эти правила являются непреложными догмами; наоборот, возможны отступления по отношению к тому или иному слову. Терминология не может устанавливаться кабинетным путем; она не может быть надуманной. Критерием здесь должно служить в основном наблюдение над языком масс, насколько термины прививаются, насколько тот или иной термин уже получил распространение. Но и существующие термины подлежат пересмотру: необходимо отбросить те из них, которые искажают классовое содержание понятия и которые не соответствуют требованиям советской действительности. Необходимо также уточнить и разграничить термины хотя и смежные, но выражающие различные по содержанию понятия, например «цена» и «стоимость», «социальный» и «социалистический» и т. д.

*
**

Создание терминологии средствами своего языка происходит:

а) путем расширения значения имеющихся слов, например: русское слово «тело», означающее тело животного или человека, получило значение «физического тела»;

б) путем добавления суффиксов, как это имеет место весьма часто в якутском языке, например: «siteriileeq» (исполнительный) от «siter» (исполняй), «ideleeq» (профессиональный) от «ide» (профессия), «bartьjaaaq» (партийный) от «bartьja»—(«партия») и т. д.

в) путем сложения слов, т. е. в зависимости от строя языка — из двух-трех слов без добавления особых окончаний составляется термин для нового понятия; этот способ весьма распространен в якутском языке и широко может быть использован, так как в якутском языке нет особых окончаний для прилагательных; примеры: aaqar-baaqan — «изба-читальня» (aaq — «читай», baaqan — «изба»); oloror-sir — «местожительство» (oloror — «жить»,

sir «земля»); iteqel-suruk — «доверенность» (iteqel — «доверие», surk — «письмо») и т. д.;

г) наконец возможны случаи составления терминов путем отбрасывания суффиксов из существующих слов.

Что касается международных терминов, то пути их использования в основном те же, что и в других языках, а именно: международные термины политические (социализм, пролетарий, интернационал, революция, буржуазия), научные (физика, химия, геология, астрономия), технические (трактор, комбайн, телеграф, автомобиль), спортивные (футбол, хоккей, волейбол, физкультура) желательно ввести в якутский язык без перевода. В популярной массовой литературе, рассчитанной на более отсталые слои, и в школьных учебниках можно сопровождать эти слова объяснениями или переводом на якутский язык. Если в языке имеется уже распространенное соответственное слово, не искажающее смысла, то можно ввести также международное слово, допуская параллельное существование обоих слов. Такой случай имеет место, например, в русском языке в словах «аэроплан» и «самолет», которые употребляются параллельно.

Остаются в якутском языке широко распространенные и уже укоренившиеся слова русского происхождения, как: qolquos — «колхоз», uopsastьba — «общество», sudaarьstьba — «государство», ьskьlaat — «склад», beressedeetel — «председатель», sebibdissej — «заведующий» и т. д., которые уже широко распространены в якутском языке.

Однако здесь необходимо предостеречь против некритического введения большого количества русских слов, неизвестных массам и понятных лишь для части интеллигенции, которая знает русский язык не хуже, а иногда и лучше, чем родной. Здесь приходится зорко следить за тем, чтобы великодержавные шовинисты не протаскивали ликвидаторские отношения к якутскому языку под предлогом, что русский язык преподается в школах и, значит, все равно знаком каждому учащемуся.

В тех же случаях, когда слова переводятся на родной язык, необходимо опять зорко следить за тем, чтобы не выискивать каких-либо архаических, не употребляющихся уже слов, и не вводить феодальных или церковных терминов под предлогом того, что они являются словами якутского языка.

Необходимо также бороться с попытками пополнять терминологию якутского языка словами, выискиваемыми из других тюркских языков, например из татарского, т. е. из языков, принадлежащих к той же самой системе, но не находящихся ни в каком взаимодействии с якутским языком. Такие попытки с политической точки зрения являются протаскиванием пантюркизма в языковом строительстве, а с точки зрения методологической — проявлением установок буржуазной лингвистики, базирующейся на рассовой нетерпимости.

Подобные попытки были сделаны в 1930 г. Алтан-Сарыном и получили должный отпор со стороны I Терминологической конференции.

*
**

Общественно-политические термины, созданные в процессе строительства социализма, часто составляются из двух слов, причем в русском языке одно из них бывает русское, другое — международное. Сюда относятся такие термины, как «народный комиссар», «исполнительный комитет», «жилищная кооперация», «пятилетний план» и т. д.

В этих случаях в якутском языке наиболее правильно сохранять интернациональную часть термина и переводить его русскую часть. Это и замечается в якутском языке в таких выражениях, как: siteriileeq kemitiet — «исполнительный комитет», ур çahajar qamьssarьjaata — «народный комиссариат финансов» и т. д.

Замечаются случаи и обратного явления, когда переводится как раз международное слово, например: «ideleeq sojuuha» — «профсоюз», «qolbohuktaaq qahaajьstьba»—«коллективное хозяйство», где переведены международные слова «коллективный» (qolbohukttaaq от слова «qolbos» — соединяйся), «профессиональный» (ideleeq). Изгонять эти переводы по одному лишь формальному признаку, конечно, не приходится. Как уже было указано, можно ввести в литературный язык также и международный эквивалент, допуская параллельное существование двух слов, при условии, что перевод не исказит смысла слова.

В тесной связи с этим вопросом находится и вопрос о русских окончаниях. Приведенные примеры терминов, состоящих из двух слов, показывают, что в большинстве этих случаев одним из слов является прилагательное, с окончаниями «ый», «ный», «ский» «ический», «енный» и т. д. При переводе этих терминов на якутский язык сплошь и рядом эти окончания механически вводятся, хотя они совершенно не нужны.

Что представляют собой эти окончания, какую роль они выполняют в р у с с к о м языке и способны ли они выполнять ту же роль в я к у т с к о м языке?

Русский язык является флективным; прилагательные имеют в нем определенное оформление, отличающееся от оформления существительных. Кроме того, в окончаниях прилагательных оформляется также грамматический род. Следовательно, эти окончания занимают определенное место не только в придаче словам различных значений, но и в их оформлении.

В якутском языке нет ни грамматического рода, ни специального оформления прилагательных. Одно и то же слово в зависимости от его связи с другими словами весьма часто получает значение либо существительного, либо прилагательного, а иногда и глагола. Например «qara» равносильно русским «черный» и «чернота», «ьraas» — «чистый» и «чистота», «kiin» — «центр» и «центральный», «kotor» — птица» и «летает» и т. д. Конечно, в якутском языке имеется много слов, которые являются только прилагательными, часто они имеют даже словообразовательные окончания, например, taaq, laaq, tьь, dьь и т. д. Но весьма расп-

ространен способ передачи смысла прилагательных посредством сочетаний слов. Чаще всего это заключается в том, что после данного слова, которое должно получить значение прилагательного, ставится следующее слово с суффиксом 3-го лица, напр., kiin kemitiete — «центральный комитет», qaraq ууце — «глазной белок». В этих примерах значение прилагательного по смыслу получает существительное: kiin — «центр» получил значение «центральный» qaraq — «глаз» получил значение «глазной».

Это однако не означает, что надо вытеснить из якутского языка русские окончания прилагательных, которые уже привились и получили распространение, например: sebieskej — «советский», sessieliiskej — «социалистический», aptьnamnaj — «автономный», aktььbnaj — «активный» и т. д.

Необходимо однако отметить, что русские окончания «ный», «ский», и т. д. употребляются в якутском языке в стандартных выражениях и в терминах, и большого распространения в качестве словообразовательных суффиксов они не получают. Иными словами, они встречаются исключительно в словах, целиком перенесенных из русского; якутами же они не воспринимаются в качестве о к о н ч а н и й.

Наряду с этим стоит вопрос о международных суффиксах, как, например, «ист», «изм» и т. д. Эти окончания весьма распространены в международных терминах и являются такими же международными, как и сами термины. По своей структуре они легко укореняются в большинстве языков и довольно ярко выражают значение слов. Эти суффиксы начинают применяться и к словам, построенным на материале данного языка, например в русском — «большевизм», «икапист» и т. д.

В якутском языке весьма благоприятна почва для усвоения такого рода окончаний, так как в нем имеется ряд окончаний, при помощи которых образуются новые существительные от других имен, например: laaq, taaq, naaq и т. д.; lьь, tьь, dьь и т. д.; sьt, cьt, çьt, hьt и т. д. Каждая такая группа окончаний имеет определенное значение; иными словами, значения слов, в которых участвуют эти окончания, имеют одно общее направление. Так, например, «sьt», «cьt» и т. д. показывают род занятия. Таким образом специфические значения суффиксов «ист», «изм» и т. д. легко будут осознаны и восприняты в якутском языке. Примеры: qomunjuusm «коммунизм», marksььsьm «марксизм», lienjiniisim «ленинизм», baesabььssьm «большевизм», sessijeliisim «социализм», qomunjnjuus «коммунист», sessijeliis «социалист». Замена этих окончаний или перевод их не должен иметь место, так как при этом легко исказить их значение.

Эти суффиксы отличаются от разобранных выше русских окончаний прилагательных, как «ский», «ный» и т. д. Эти последние не воспринимаются в якутском языке в качестве словообразовательных суффиксов, которые могли бы играть до известной степени самостоятельную роль. Таким образом, как уже было сказано выше, русские окончания прилагательных возможно заменить средствами самого якутского языка. В тех же случаях,

когда они уже укрепились в языке, они остаются, являясь составной частью определенных стандартных выражений.

*
**

Следующий весьма актуальный вопрос, на котором необходимо остановиться, это вопрос об орфографии международных терминов.

Каждый данный язык имеет свои исторические выработанные фонетические особенности и свою систему фонем. Международные слова и термины не произносятся во всех языках одинаково. Например, в якутском языке слова по характеру своих гласных звуков распадаются на «твердые» и «мягкие». В «твердом» слове не бывает «мягких» гласных (е, і, у, ө) и наоборот. В русском же языке и в ряде других языков в одном и том же слове могут быть и «твердые», и «мягкие» гласные. Перешедшие в якутский язык русские слова, либо международные (через посредство русского языка) якут будет конечно произносить, подчиняя их фонетике своего языка; иными словами, здесь будут действовать языковые навыки и звуковая система якутского языка. В якутском, например, нет звуков «**ф**», «**в**» и «**ц**»; с другой стороны, якутский язык имеет некоторые фонемы, которых нет в русском, например «**ҕ**», «**һ**», «**ө**», «**у**». Кроме того, и в пределах совпадающих фонем якутский язык имеет свои особенности, например не бывает в начале слов двух согласных подряд, не встречаются в начале слова звуки «**г**» и «**g**», а также звук «**s**» между двумя гласными.

Возникает вопрос, как п и с а т ь международные слова, до какой степени их надо фонетизировать?

Общее указание, которое обычно дается в таких случаях, заключается в том, чтобы изучить способы и пути оформления иноязычных слов в языке трудящихся масс и чтобы ориентироваться на тенденции развития данного языка, на его динамику. Однако это указание само по себе еще ничего не говорит. Его необходимо конкретизировать, расшифровать.

В резолюции Терминологической комиссии Наркомпроса РСФСР имеется следующее указание: «Эти интернациональные термины должны быть по возможности сближены на письме, во избежание того разнобоя, который наблюдается на практике».

В резолюции пленума Научного Совета при Комитете Нового Алфавита имеется указание лишь относительно сохранения формы с о б с т в е н н ы х имен.

В постановлении Всесоюзного комитета по стандартизации от 8 августа 1933 г. этот вопрос также остается неразрешенным. Параграф «37» этого постановления гласит: «Вопрос о заимствовании термина с иностранного языка в его фонетической или транскрипционной форме должен быть подвергнут проработке компетентных организаций».

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, нам придется рассмотреть его различные стороны. Начнем с вопроса о новых

звуках, т. е. можно ли ввести в якутский алфавит буквы «ф», «в», «ж», «ш» и др. для точной передачи таких слов, как «физика», «центр» и т. д. Иногда замечаются попытки разрешить этот вопрос кабинетным путем, т. е. попытки ввести эти буквы и затем начать приучать к их произношению.

Однако искусственным путем при помощи декретирования ввести в язык новые звуки невозможно. Этому не способствует также и школьное изучение другого языка. Ярким примером этого положения является отсутствие звука «h» в литературном русском языке. В массовом произношении этой фонемы также нет; звук «h» сливается в русском языке с фонемой «g». Русские, которые изучали какой-нибудь иностранный язык и умеют произносить звук «h», все равно при разговоре по-русски те же международные либо иноязычные слова произносят со звуком «g», например «гектар» вместо «hektar».

То же применимо и к якутскому языку. Если якуты, знающие хорошо русский язык, умеют произносить звуки «ф», «в», «ж», «ш» и др. при разговоре по-русски, но не употребляют их в соответственных словах при разговоре по-якутски, и если якутская масса, которая не знает русского языка или плохо его знает, совсем не употребляет таких звуков, то вводить эти буквы в алфавит бесполезно, так как они не будут отвечать никакой фонеме якутского языка; больше того, они будут вносить путаницу при преподавании. Однако бывают случаи, когда тот или иной новый звук проникает в массовое произношение какого-нибудь языка, тогда соответственная буква вводится в алфавит. Например в алфавит языка коми внесены буквы «ф» и «ц», которые уже распространены среди передовых рабочих и колхозников.

У якутов вопрос о внесении новых букв для обозначения новых звуков в настоящее время еще не поднимается.

Если исключить проблему внесения новых звуков, то все же остается еще разрешить вопрос об орфографии иноязычных слов в пределах звукового состава якутского языка. Требование, которое здесь выставляется, — это максимальное сближение между собой этих терминов на письме. Но это отнюдь не означает, что эти слова надо механически передавать в той орфографии, в которой они приняты в русском языке или в каком-либо другом. С другой стороны, не должна быть допущена и полная фонетизация всей массы международных и иноязычных слов. Здесь необходимо найти средний путь, чтобы не впасть в обе крайности. Подход к этому вопросу можно диференцировать по отдельным группам иноязычных и международных слов.

Международные и иноязычные термины приходят в язык двумя путями. Громаднейшее большинство общественно-политических терминов и наиболее часто употребляемые технические и научные термины распространяются устным путем, либо через массовую печать. Терминологии же, специально созданные в какой-нибудь научной дисциплине, обычно получают одно общее начертание во всех языках и распространяются в кругах специалистов данной научной дисциплины через университеты,

лаборатории, специальную литературу. Трудно, конечно, провести резкую грань между этими двумя путями, но в основном эта разница бросается в глаза. Сравним, например, слова; «делегат», «конференция», «кооперация», «телеграф», «автомобиль», «реконструкция», и т. д., с одной стороны, с другой — «оксалаты», «нитраты», «сульфаты», «сульфиды», «амины», «амиды», «гидроксил» и т. д. и для нас станет ясна разница.

При орфографии слов последней категории можно добиться их максимальной унификации во всех языках, именно в виду того, что они распространяются через специальную литературу, через вузы, и употребляются, главным образом, в кругу работников данной специальности. Максимальная унификация начертания этих слов возможна даже при условии неполного совпадения их произношения в разных языках.

Термины же первой группы, т. е. наиболее распространенные, в основном должны быть оформлены в якутском письме сообразно их якутскому произношению, причем в отдельных случаях возможны кое-какие отступления. Например, в некоторых словах возможно отступление от принципа сингармонизма, где нужно избежать неясности; можно допустить случаи необозначения долготы гласных или удвоения согласных; можно в ряде случаев допустить в начале буквы «р», «g» и т. д.

Для собственных имен (имен деятелей, географических и т. д.) желательна орфография, которая передавала бы наиболее близко их основе произношение.

Возникает вопрос, на какой язык ориентироваться при передаче международных терминов, поскольку они не во всех языках одинаково произносятся и часто не одинаково пишутся. В этих случаях надо ориентироваться на язык, через который эти термины приходят. Для якутского языка, как и для ряда других, этим языком является русский. Таким образом международные термины якутского языка в ряде пунктов будут сближаться с формой, которую они имеют в русском языке. Во всяком случае не должно иметь место ориентирование на какой-либо один европейский язык.

При этом следует отметить, что русская орфография международных терминов более близка к их основной форме, чем русское устное произношение, и следовательно, должна быть больше принята во внимание русская орфография.

Отдельно приходится затронуть вопрос о букве «h». Так как в русском литературном языке нет фонемы «h» и нет соответствующей буквы в русском алфавите, то все интернациональные термины и иноязычные собственные имена имеют в русском языке букву «г». Примеры: «гектар» (hektar) «гидроплан» (hydroplan), «гимн» (hymnos), «гипотеза» (hypothesis), «Гегель» (Hegel), «Гейне» (Heine), «Гомер» (Homerus) и т. д.

Так как в якутском языке звук «h» имеется, то во всех случаях можно бы писать «h»[1].

[1] Терминологическое совещание однако высказалось за букву «g» во всех случаях, где по-русски пишется «г».

Как было указано выше, критерием при разрешении ряда вопросов терминологии является практика языка трудящихся масс и тенденции развития этого языка. Однако, это ни в коем случае не означает, что литературный язык должен ориентироваться лишь на понимаемость его самыми отсталыми слоями крестьянства и должен использоваться лишь тем недостаточным количеством слов, которое у них имеется. Это было бы недопустимым упрощенчеством.

С другой стороны, необходимо бороться со стремлением обособить литературный язык от разговорного языка трудящихся масс, с попытками сделать его непонятным для широких слоев трудящихся.

В резенции «Шаг вперед в развитии якутского языка», помещенной в настоящем сборнике, указано, что за время, прошедшее с момента Терминологического совещания 1933 г., уже имеются определенные достижения в области терминотворчества на якутском языке. Но это лишь один из первых шагов. Для разработки общественно-политической и научно-технической терминологии якутского языка предстоит еще значительная работа, как в области выяснения общих принципиальных установок, так и в области создания самих терминов. Летом 1935 г. в Якутске происходила языковая конференция. Однако мы еще не получили постановлений этой конференции и поэтому не можем судить о том новом, что она дала.

*
**

Не имея возможности вследствие ограниченности размеров статьи более подробно остановиться на остальных вопросах терминологии, мы приводим в виде тезисов выводы из доклада пишущего эти строки, читанного им в Институте национальностей.

1. Международные термины, научно-технические и общественно-политические произносятся якутами по законам фонетики якутского языка.

2. Эти термины на письме в настоящее время орфографируются также с полным подчинением законам фонетики якутского языка. В этом отношении наблюдается часто слишком усиленное фонетирование, чрезмерно механическое перенесение правил фонетики якутского языка на эти термины, а также на собственные имена (фамилию деятелей, географические названия и т. д.), вследствие чего имена и термины часто искажаются по своей форме.

3. Якутский язык постоянно обогащается массой новых слов и терминов, связанных с ростом промышленности Якутии, с успехами коллективизации, с советским строительством. Термины эти проникают в якутский язык, главным образом, через посредство русской литературы и русского языка, который в условиях Якутии имеет важное значение в качестве языка, преподающегося в школах, начиная со второго года обучения, и в качестве языка преподавания на данном этапе в техникумах и в совпартшколах.

4. Этот процесс и этот путь проникновения международных терминов подготовляет почву для дальнейшего развития структуры якутской фонетики и для возможности в дальнейшем отступлений от строгих законов якутской фонетики при произношении международных слов (терминов).

5. Однако на данном этапе процесс этот еще не выявился вследствие отдаленности якутских районов от центра, вследствие разбросанности якутских селений, вследствие отсталости путей сообщения, что вызывает в глухих и отдаленных районах весьма редкие встречи якутов с трудящимися центральных и ушедших вперед в культурном отношении районов, а также весьма незначительное распространение двуязычности среди якутов этих районов.

6. При орфографировании международных терминов все эти обстоятельства должны быть приняты во внимание, дабы, с одной стороны, не внести затруднения в овладевание грамотой, а с другой стороны, не закрывать пути к дальнейшему развитию якутского языка.

7. На данном этапе нецелесообразно вводить новые буквы в якутский алфавит для передачи международных слов, в которых встречаются звуки, не имеющиеся в якутском языке (напр. «ц», «ф», «з», «ш», «ж»). Эти звуки не произносились бы якутами в данных терминах при их разговоре по-якутски, и введенные новые буквы приходилось бы учащимся запоминать в соответствующих словах. Эти буквы играли бы роль русских «ять» и «фита» в старой русской орфографии. На данном этапе проникновения этих звуков в язык широких слоев трудящихся якутов еще не замечается.

8. При орфографировании международных слов, получивших уже массовое распространение среди якутских трудящихся, необходимо их писать в том виде, как они произносятся, например, слово «sebiet» («совет») писать по-якутски в этом виде, так как данное слово стало уже массовым якутским словом независимо от того, что оно восходит к русскому слову. Якут воспринимает это слово в качестве якутского в том же значении, в каком русские воспринимают слово «совет».

9. При орфографировании слов, не являющихся еще массовыми, но проникающих массово в язык через посредство печати, школ и культпросветительных учреждений, необходимо в основном ориентируя их на якутское произношение, делать отступления от строгих законов якутской фонетики в сторону приближения их к международной форме (некоторые отступления от законов сингармонизма и т. д.).

10. Наконец при передаче терминов, употребляющихся в узкой области какой-нибудь отдельной науки, знакомых лишь узким кругам работников лабораторий и т. д. и распространяющихся через посредство специальной литературы и вузов, писать эти термины в их международной форме.

11. При передаче слов, перешедших из русского языка либо через посредство руского языка, писать их с ориентацией на рус-

скую орфографию, но не на русское произношение («колхоз», а не «калхоз»).

12. Ввиду того, что в основу якутского литературного языка положен говор южных частей центральных районов ЯАССР, орфографировать слова согласно произношению этих районов, вместе с тем не отказываясь в отдельных случаях от использования произношения говоров других районов при их определенных языковых и культурных достоинствах.

Проф. ПОППЕ Н.

ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Одним из важнейших вопросов развития нового литературного языка бурят-монголов на данном этапе является вопрос о создании терминологии и о дальнейшем обогащении словарного запаса бурят-монгольского языка. Если вопросы орфографии и грамматики бурят-монгольского литературного языка в настоящее время уже могут считаться в основном решенными, то одним из больных вопросов продолжает оставаться терминология. Создание бурят-монгольской терминологии идет двумя путями: с одной стороны, создаются новые термины на национальном материале, а с другой — используются международные и в особенности советские термины. Говоря о терминах, имеющих международное происхождение, следует заметить, что большую трудность представляет собой вопрос о внешнем оформлении их: в одних случаях они берутся в их русских формах, в других же наблюдается тенденция их как-то приспособить к фонетическим нормам бурят-монгольского языка. В этой области наблюдается еще много недочетов, из которых главный, отсутствие единой системы. Другим недостатком является некритическое механическое заимствование русских слов со стороны переводчиков, не всегда дающих себе труд вспомнить соответствующее бурят-монгольское слово. Отсюда — громадный разнобой в языке разных статей даже одного и того же номера газеты, не говоря уже о лексическом разнобое в книгах разных авторов.

Сказанное не должно быть понято как протест против заимствования слов из других языков и в частности и в особенности из русского языка. Бурят-монгольский язык, безусловно, только выиграет от того, что в него войдет значительное количество слов как интернациональных, так и русских. Но процесс заимствования не должен быть стихийным. В частности бурят-монгольские авторы не должны злоупотреблять иноязычными словами, если уже существуют соответствующие бурят-монгольские слова.

Что же касается слов международного происхождения, в частности и в особенности, советской терминологии, то необходимо больше внимания уделять и вопросу оформления таких терминов, ибо сохранение, например, русской формы данного термина не всегда целесообразно.

Наряду с использованием терминов интернациональных, наблюдается создание новых терминов на национальном материале. В этой области тоже не все обстоит благополучно и наблюдаются недостатки, часть которых объясняется недоучетом особенностей словообразования бурят-монгольского языка. Поскольку настоящая статья имеет своей темой как раз вопросы словообразования, мы здесь не можем более подробно касаться например международной терминологии и путей рационального использования богатств ее для нужд бурят-монгольского языка и займемся непосредственно словообразованием.

Бурят-монгольский язык по своему морфологическому строю относится к так называемым агглютинирующим языкам, особенностью которых является образования форм (например, склонение, спряжение) путем присоединения к основе особых окончаний, например, gar «рука», gar-iin «руки», gar-ta «руке», gar-aar «рукой» и т. д. В отличие от некоторых других агглютинирующих языков, как, например, некоторых языков тюркской группы, бурят-монгольский язык характеризуется во многих случаях не механически присоединенными окончаниями-суффиксами, но сопровождаемыми некоторыми фонетическими изменениями в конечном слоге основы. Так, например, некоторые конечные согласные основы в ряде говоров бурят-монгольского языка в положении перед гласным суффикса обнаруживают замену их другими согласными. Например, в монгольском говоре *d* в таких условиях чередуются с s ср. buriaad «бурят», buriaas-iin «бурята», buriaad-aar «бурятом», buriaad-ta «буряту» и т. д.

Некоторые явления бурят-монгольского языка противоречат безоговорочному определению его как агглютинирующего, но они малочисленны и являются, повидимому, либо пережитками иных морфологических систем или зародышами новой системы. В своем нынешнем состоянии бурят-монгольский язык является агглютинирующим и в большинстве случаев образование форм происходит по агглютинативному принципу. Агглютинативный принцип является также господствующим в словообразовании, в образовании от одних слов других. Примеры:

modo — „дерево“	*modo-ço* — „плотник“
kazaar — „узда“	*kazaar-la* — „взнуздай“
kara — „черный“	*kara-star* — „черноватый“
ondor — „высокий“	*ondor-kon* — „высокенький“ и т. д.

Большое богатство словообразовательных суффиксов — суффиксов образования имен от имен и от глаголов, а также глаголов от имен и от глаголов, предоставляет чрезвычайно большие возможности создания множества слов от уже имеющихся. Многие из таких суффиксов принадлежат к так называемым «живым» суффиксам, т. е. таким, которые встречаются в составе значительного количества слов, по типу которых возможны многочисленные новые образования.

Наряду со значительным количеством суффиксов, унаследованных бурят-монгольским языком от прошлого, в современном

языке встречаются уже также суффиксы интернационального происхождения. Таков, например, суффикс iizm (= изм) в materialiizm, kapitaliizm и т. д., при помощи которого образуются термины даже от бурят-монгольских слов, а не только от слов, имеющих интернациональное происхождение, как, напр., baruniizm «правизм», от baruun «правый».

Таким образом можно установить наличие в современном бурят-монгольском языке суффиксов как бурят-монгольских, так и интернациональных, при помощи которых образуются слова от основ как бурят-монгольских, так и интернациональных. В современном языке наблюдаются следующие случаи:

1) основа бурят-монгольская + суффикс бурят-монгольский, напр. tömör-çö «кузнец» от tömör «железо»;

2) основа бурят-монгольская + суффикс интернациональный, напр. baruuniizm «правизм» от baruun «правый»;

3) основа интернациональная + суффикс бурят-монгольский, напр. byrzyi-lig «буржуазный»;

4) Основа интернациональная + суффикс интернациональный в целиком взятых из интернационального лексикона терминах.

Следующий тоже «живой» способ словообразования это синтаксический способ. Способ этот заключается в механическом соединении двух слов, в результате чего получается нечто вроде составного слова типа немецких Komposita. Эти бурят-монгольские составные слова или сочетание двух слов так называемые «парные слова» характеризуются с морфологической стороны тем, что комбинации таких слов представляют собой механические сочетания, члены которых никакого особого оформления не требуют. Со стороны семантики «парные слова» характеризуются тем, что значение такой пары совершенно иное, чем значение данных слов, взятых в отдельности. Такие парные слова формально являются двумя словами, поскольку они представляют собой механические соединения таковых, но семантически каждая пара представляет собой одно целое, ибо выражает одно нерасчленимое на составные части понятие.

Примерами «парных слов» являются eb kamta «коммунизм» из eb «согласие» и kamta «совокупность»; teek nebteryylke «транспорт» из teeke «перевозить» и nebteryylke «внедрять»; emeel kazaar «упряжь» из emeel «седло» и kazaar «узда», kyiten kaluun «температура» из kyiten «холод» и kaluun «жара» и т. д.

Этот тип словообразования является чрезвычайно распространенным и значительная часть современной терминологии построена именно по этому принципу. Принцип этот является характерным и для современного халха-монгольского языка, а также для языка старо-феодальной монгольской письменности. Полную аналогию представляют собой китайские биномы, вследствие чего можно было бы заподозрить в данном случае влияние китайского языка. Более внимательное изучение вопроса показывает, однако, что китайский язык здесь не при чем, ибо этой особенностью отличается во-первых язык монгольской письменности очень старых периодов, а во-вторых, эта особенность характеризует собой

такие говоры бурят-монгольского языка, на которые влияние языка старой монгольской письменности и тем более китайского языка не распространялось. Так, например, в говорах бурят-монгольского языка мы находим такие слова, как aka dyy «братья» из aka «старший брат и dyy «младший брат»; oki kөbyyd «дети» из өkin «дочь» и kөbyyn «сын» и т. д.

Третий принцип словообразования, ныне уже не живой, по которому теперь новые слова уже более не образуются, является принцип словоскрещения. По этому принципу образованные слова путем анализа могут быть расчленены на два составных элемента, из которых каждый представляет собой по своему происхождению самостоятельное слово, иногда и ныне бытующее в языке как самостоятельное. Примерами такого типа словообразования является ökibyyd «дети» из ökin «дочь» и kөbyyn «сын»; өrөbdөkө «сожалеть» из өrө «нутро» и өbөdkө «болеть»; gunikaraka «тужить» из gunig «грусть» и karaka «смотреть» и т. д. Многие из таких образований теперь являются уже совершенно окаменелыми, составной характер которых уже не является столь ясным. Этого рода образования не расчленяются с легкостью и происхождение их может быть установлено лишь путем лингвистического анализа.

Следующий, тоже не живой, принцип образования слов наблюдающийся в сравнительно ограниченном количестве случаев, резко противоречит общему агглютинативному характеру бурят-монгольского языка. Исследуя многие слова, можно установить, что они представляют собой фонетические варианты одного и того же, например, kairсag «ларец» и kuurсag «гроб».

Другими примерами являются в эхритском говоре adal «хозяйство» и azal «работа», в аларском haa «доить» и huu lga «ведро», «подойник» и т. д. Являясь рефлексами какой-то иной стадии развития, этот принцип может быть вскрыт только путем лингвистического анализа.

Таким образом можно установить, что ныне действующими принципами словообразования в бурят-монгольском языке являются агглютинативный и синтаксический. Кроме того, можно путем соответствующего анализа обнаружить, что многие слова представляют собой сокращенные слова, возникшие путем скрещения двух слов или, что те или иные слова представляют собой фонетические варианты других с отличной от них семантикой. Этот последний принцип можно условно назвать флективным в противоположность агглютинативному и аморфносинтетическому, обнаруживающему себя в парных словах.

Вопрос о словообразовании является одним из интереснейших не только с точки зрения практической, но и как один из вопросов, тесно связанных с изучением стадиальности бурят-монгольского языка.

Г. Б.

ШАГ ВПЕРЕД В РАЗВИТИИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

(По поводу «Русско-якутского термино-орфографического словаря», составленного П. А. Ойунским при участии С. П. Харитонова и Г. С. Тарского, Москва, Учпедгиз. 1935).

I

Якутская письменность и якутский литературный язык являются в полном смысле слова детищем Октября. До революции якуты фактически были бесписьменным народом. Количество грамотных едва ли превышало 1%. Якутский язык, как и многочисленные другие языки, был в царской России запрещен для школ. То незначительное количество школ, которое существовало в Якутии, находилось в руках попов: это были церковно-приходские школы. Преподавание в них велось на русском языке. По данным 1910 г. во всех школах обучалось всего около 3 тыс. детей, из которых якутов было не больше половины. При этом детям бедняков обучение было почти недоступно.

Первая книга на якутском языке вышла в 1821 г. Это был катехизис, напечатанный церковно-славянскими буквами. Позже в 60-х годах попом Хитровым был составлен для якутов алфавит на основе русской азбуки, на котором изредка печатались церковные книги («священная история» и др.).

Почти одновременно академик Бетлинг составил научную транскрипцию для академических изданий. По этой транскрипции Академией наук издавались образцы якутского народного творчества. Но это были исключительно научные академические издания, рассчитанные лишь на узкий круг специалистов. На этом же алфавите издавались и церковные книги и др.

В годы революции 1905 г. якутская интеллигенция начала издавать журнал, в котором помещались главным образом переводные сочинения. Журнал некоторое время влачил жалкое существование, из-за отсутствия массового читателя: подавляющая масса якутов была неграмотна. Переменив раза три свое название, журнал, под давлением реакции, был вынужден закрыться.

Лишь после Октябрьской революции и после ликвидации контрреволюционного восстания генерала Пепеляева начинает развиваться якутская национальная письменность, как один из

могущественных рычагов приобщения якутских трудящихся масс к социалистической культуре.

Первый букварь вышел в 1922 г. на алфавите, вырабатанном молодым якутом лингвистом С. А. Новгородовым (ныне покойным). «Новгородовская» транскрипция была составлена на латинской основе Международной Фонетической транскрипции и оказалась весьма неудобной для практических целей — для школ, массовой литературы и т. д. После некоторых переделок и улучшений этой транскрипции якутское правительство постановило в 1929 г. унифицировать свой алфавит с новым латинизированным алфавитом народов Востока СССР.

Для того, чтобы судить о тех успехах, которые достигнуты в области создания якутской письменности и развития якутского литературного языка, необходимо принять в соображение те трудные условия, в которых протекает работа в Якутии: крайняя отдаленность от крупных центров и от железных дорог (от Иркутска до Якутска около 3 тыс. *км*); почти полное отсутствие дорог в самой Якутии; значительные затруднения в доставке туда всяких грузов, в том числе бумаги для типографии, учебников, письменных принадлежностей для школ; разбросанность трудящегося населения по огромной тайге и тундре и т. д.

Нельзя поэтому не удивляться тем успехам, которые, несмотря на все трудности, достигнуты Якутской республикой на участке культурного строительства. Количество грамотных достигает 65—70%, а в центральных районах Якутии значительно выше. Детей школьного возраста было охвачено школой в 1929/30 г. — 30%, в 1930/31 г. — 62%, а в настоящее время — почти 100%. Преподавание на родном языке ведется в 6 классах. Изданы стабильные учебники. На очереди стоит вопрос о переводе на якутский язык преподавания в техникумах. Открыт и работает педвуз. В 1935 году открылся Научно-исследовательский институт.

Растет количество издаваемой литературы. Если в 1922 г. было издано всего 2 названия, а в 1923 г. 7, то в 1927 г. было издано 31 название, в 1930 г. — 60, а в 1932 г. — 119, не считая той литературы, которая издается в Москве якутским отделением Учпедгиза.

На якутском языке выходит 6 газет, в том числе 4 районных. Растут кадры писателей, поэтов, газетных и журнальных работников.

*
**

Социалистическое строительство в Якутии, развитие земледелия в тех районах, где раньше было одно лишь скотоводство, строительство промышленности, рост школьного дела,—все это вызывает потребность в многочисленных новых словах для выражения новых понятий.

Речь идет в данном случае не только о терминах в узком смысле этого слова, о терминологиях различных областей науки

и техники, но также о многих новых словах, которые к терминам не относятся, но которых раньше не было в якутском языке. Новые слова возникают в якутском языке массовым путем одновременно с проникновением и распространением новых понятий и новых предметов, которые должны быть обозначаемы. Особенно велика в этом отношении роль массовой печати и школы, которые являются наиболее важными каналами распространения новых слов.

Новые слова и термины не должны создаваться самотеком. Необходимо, чтобы в терминах не было разнобоя; термины должны быть единые и выдержанные в каждом языке. То же относится к фонетическому и морфологическому оформлению терминов и к их орфографии.

Над созданием и оформлением новых терминов и слов в Якутии главным образом работают в процессе своей практики редакции газет, а также Учебно-методический сектор Наркомпроса (при составлении учебников и учебных программ). Однако до настоящего времени в Якутске не было научного органа, который разрабатывал бы эти вопросы научно. Нет также установленных и официально утвержденных терминологических словарей и орфографических справочников, которые были бы обязательны для всех. Между редакциями отдельных газет и даже между отдельными авторами иногда существует несогласованность в употреблении и оформлении тех или иных новых слов.

В прежние годы имели место также серьезные извращения в области терминологии. Воинствующий националист Алтан-Сарын требовал «очищения» якутского языка от всяких заимствованных и международных слов. Он требовал создания всех терминов исключительно из якутских корней; он выдумывал новые окончания слов и новые слова. Он стремился вводить никому непонятные архаические слова. В тех случаях, когда якутских корней нехватало, он рекомендовал брать слова из других турецких языков. Дело доходило даже до курьезов: для обозначения аэроплана он рекомендовал слово «таяра» в качестве «исконно-турецкого», не зная даже, что это слово арабское. Таким образом Алтан-Сарын соединял узкий национализм с пантюркизмом. Он стремился отгородить якутский язык от советизмов и от международного влияния.

С другой стороны, были и тенденции великодержавного шовинизма, выразившиеся в игнорировании средств якутского языка. Раздавались голоса о необходимости вводить без разбора слова из русского языка и о возможно большей замене ими якутских слов. В этом нельзя не усматривать вредную ставку на «отмирание» якутского языка, а также игнорирование интересов читающей массы.

Не лишне здесь добавить, что один молодой поэт рекомендовал отбросить все старое наследство в области языка и создать новый «большевистский язык» через бригады, кабинеты и т. д.

Все эти уклоны и опасности были отмечены на терминологи-

ческом совещании, состоявшемся в Якутске при Наркомпросе в ноябре 1932 г. Совещание дало этим уклонам решительный отпор и наметило меры для развития терминологического строительства. Однако принципиальные вопросы терминологии и оформления терминов на этом совещании еще не получили разрешения.

В августе 1933 г. в Якутске было созвано второе широкое совещание о вопросах терминологии. По докладу автора настоящих строк было принято постановление, которым установлены основные принципы терминологического строительства в якутском языке и разграничены источники пополнения языка новыми словами. Было также уточнено, на основе какого якутского диалекта надо орфографировать слова. Это последнее необходимо отметить ввиду того, что в Якутии имеются «окающие» и «акающие» говоры, и у разных авторов иногда получается разнобой. Было постановлено также начать серийное издание терминологических словарей по крайней мере в объеме, достаточном для чтения периодической печати и для учебной литературы средней школы.

Из имеющихся словарей ни один не удовлетворяет этим требованиям.

Начиная с 1911 г. по 1930 г. Академией наук был издан в количестве 13 выпусков большой словарь, составленный известным якутоведом Э. К. Пекарским. Словарь представляет собой капитальный труд; он включает все словарное богатство всех якутских говоров. Однако, собранный и составленный еще задолго до революции, он, понятно, содержит лишь старый запас слов, запас, правда, весьма богатый, но не могущий удовлетворить современные потребности. В 1916 г. был издан «Краткий русско-якутский словарь» Э. К. Пекарского, составленный им на основе его же большого якутско-русского словаря.

Что касается послереволюционных словарей, то в 1927 г. был составлен небольшой якутско-русский словарь И. Поповым, но без учета новых слов. В 1931 г. этот словарь был издан, причем в конце, в виде добавления, был напечатан небольшой словарик новых терминов. В том же 1931 г. был издан русско-якутский небольшой словарь С. Н. Донского, в котором включены также новые термины и новые слова, но в весьма недостаточном количестве.

Над специально терминологическим словарем работал недавно скончавшийся якутский поэт Кюндэ-Иванов. Словарь этот (русско-якутский) дает не только термины, но и краткое их толкование. Работа т. Кюндэ была предметом многих обсуждений, так как некоторые работники Учебно-методического сектора не соглашались с тем способом орфографической передачи слов, который был применен автором. Словарь этот до сих пор не издан, несмотря на то, что еще на совещании 1933 г. говорилось о желательности его издания.

Таким образом фактически нет ни одного словаря якутского языка, который мог бы служить справочником для авторов, пе-

реводчиков, газетных работников и составителей учебников в их повседневной работе.

***

При таком положении шагом вперед в развитии якутского литературного языка является «Русско-якутский термино-орфографический словарь», составленный т. Ойунским П. А.

Словарь этот, составленный согласно производственному плану Института национальностей по заказу ВЦК НА и изданный якутским сектором Учпедгиза, содержит свыше 13 тыс. слов и обширное введение на 101 странице.

С первого взгляда может показаться, что подбор слов в словаре носит до известной степени случайный характер. Но в действительности дело обстоит не так. Оно заключается в следующем. Согласно договоренности, предполагалось выпустить серию небольших словариков по всем предметам в объеме средней школы: по физике, химии, математике, истории и т. д., а также небольшой словарь общеупотребительных общественно-политических терминов, рассчитанный главным образом на язык периодической печати. В процессе работы однако выяснилось, что во многих случаях одни и те же слова повторялись в разных словариках. Пришлось поэтому все их объединить в один словарь.

В этом словаре весьма широко использованы международные термины и советизмы на основе русского языка. С другой стороны, автор широко использовал возможности якутского языка и не вводил механически русские слова там, где в этом не было необходимости; автор стремился сделать язык максимально понятным для масс, не впадая однако в вульгаризацию и упрощенчество.

Один из вопросов, вокруг которого в Якутске ведутся споры, — это вопрос о передаче в переводах русских прилагательных, в частности о к о н ч а н и й прилагательных: «ный», «ский», «ический» и др.

Тов. Ойунский совершенно правильно поступил, выражая прилагательные в большинстве случаев при помощи употребительных якутских суффиксов «tьь», «laaq» и др. Например: optimiistii — «оптимистический», arajuonnaaq — «районный», parassььttьь — «паразитический» и др.

В некоторых случаях для дифференциации им использован международный суффикс, например: qommunaI qahajььstьba — «коммунальное хозяйство», но qommuna qahajььstьba — «хозяйство коммуны», elementeer giemetirije — «элементарная геометрия» и т. д.

Такое использование якутских суффиксов для образования новых прилагательных открывает новые возможности развития языка.

В связи с этим следует еще упомянуть об имевших место попытках передавать без перевода входящие в состав географи-

ческих названий слова: «белый», «черный», «восточный», «западный», «большой», «малый» и т. д. Тов. Ойунский на наш взгляд правильно поступает, когда переводит эти слова на якутский язык. Например: Jlni Sibir kьraaja — «Восточно-Сибирский край», Arqaanь uoblas — «Западная область», Ulaqqan Enjissiej — «Большой Енисей»,—Qara muora—«Черное море», ytun muora—«Белое море», Sana Orlujaan — «Новый Орлеан» и т. д.

Другой вопрос, вокруг которого возникли большие споры и значительные разногласия, — это так называемая «фонетизация».

В якутской письменности было принято заимствованные слова полностью фонетизировать, т. е. писать без всяких отступлений от точного обозначения якутского произношения. С другой стороны, раздавались голоса о необходимости писать все термины в той форме, какую они имеют в русском языке, без всякого учета их якутского произношения (за исключением звуков «в», «ф», «ж», «з», «ш», «ц», которых нет в якутском языке).

Безусловно, необходимо предвидеть что фонетический состав якутского языка может претерпевать изменения под влиянием встреч с русским языком. Вместе с многочисленными новыми международными терминами, входящими в якутский язык главным образом через посредство русского языка, могут возникнуть определенные отступления от строгих законов якутской фонетики, в частности, могут возникнуть отступления от закона сингармонизма; могут появиться в начале слова те согласные, которых теперь не бывает и т. д. Закрывать дорогу будущим этим изменениям было бы неправильно.

Но, с другой стороны, совершенно неправильно было бы изменять эту фонетику декретным путем. Если на данном этапе писать все международные и заимствованные из русского языка слова в их международной (русской) форме без учета их якутского произношения, то получится значительный разрыв между написанием и произношением. Это сильно затруднило бы усвоение грамоты, так как написание весьма отличалось бы от произношения. Якутское письмо превратилось бы в немассовре.

Тов. Ойунский в своем словаре правильно поступает, когда, сохранив в основном орфографию по законам якутской фонетики, делает некоторые отступления, которые уже возможны на данном этапе развития якутского языка. Так, например, он допускает в начале слова звуки «п» и «г»: parasььt а не barasььt («паразит»), pasassььr а не basassььr («пассажир»), paartьja а не baartьja («партия»), giemietrije («геометрия»), giejser («гейзер»), guluobus («глобус») и т. д. Двух согласных подряд в начале слова он еще не допускает, но уже пишет Staalin а не Sstaalin (Сталин). То же самое и в конце слова он допускает исключение для слова Maanks (Маркс), а не Maarkьs, и некоторых других.

Также в отношении гласных автор находит возможным в ряде случаев допустить отступления от сингармонизма и чередования. Так, он пишет arajuon, а не orojuon («район»), apsalyyt, а не opselyyt («абсолютный»), Batuum, а не Botuum («Батум»),

Biljsuon, а не Buljsuon (Вильсон), instituut, а не ynstytyyt («институт») и др.

Таким образом, этим уже открывается возможность для приближения якутской орфографии терминов к их международной форме, принятой в русской литературе.

*
**

В словаре имеются также некоторые спорные пункты. На наш взгляд можно было в таких словах как «Гегель» (Hegel), Гейне (Heine), «гипотеза», «гипербола» писать букву «h», так как эта фонема имеется в якутском языке. Автор однако везде пишет букву «g». Необходимо при этом указать, что терминологическое совещание 1933 г. также высказалось за букву «g». Однако, вопрос этот можно было бы поставить на обсуждение хотя бы на якутской языковой конференции.

Еще один вопрос можно было бы считать спорным. В иностранных собственных именах автор часто старается изобразить палатализацию согласных перед «е», заменяя «е» дифтонгом «ie». Между тем в данном случае это излишне: палатализация есть здесь особенность русского произношения; по-якутски никакой мягкости обозначать перед «е» не нужно. Можно было бы писать, например, kemeliisim а не kiemeliisim («кемализм»), meseseebir а не mieseseebir («мезозавр») и т. д. В ряде случаев автор сам пишет «е», а не «ie», например: medisiine («медицина»), meridijeen («меридиан»), melijereessije («мелиорация»). Но тут же рядом: miemereendum («меморандум»). Miesepeteemije (Месопотамия) и др. Последовательности повидимому здесь нет.

Несмотря однако на некоторые мелкие недочеты, словарь т. Ойунского является, как сказано выше, шагом вперед в развитии якутского литературного языка. В нем имеется уже свыше 13 тыс. терминов и новых слов, зафиксированных в якутском языке. Словарь может служить не только справочником для газетно-журнального работника, переводчика, школьного учителя, научной работы в области словаря якутского литературного языка.

*
**

Словарю предпослано введение «Якутский язык и пути его развития» (101 страница). Здесь даны краткие сведения из истории якутов, о якутском языке и языковом строительстве. Приведены некоторые данные о стихотворном размере якутских частушек.

Эти замечания, написанные т. Ойунским, который является видным поэтом и знатоком якутского фольклора, весьма ценны, но, к сожалению, слишком кратки.

В введении даны более подробные сведения о якутской фо-

нетике, в частности о чередовании гласных, о грамматических формах, поскольку это необходимо для изложения орфографии.

Более подробно развернуты принципы терминологии и орфографии. В этой своей части введение составляет одно целое со словарем, так как здесь дано обоснование тех принципов, которые положены в основу самого словаря. Подробно разработано также употребление знаков препинания.

Что касается исторической части, то автор считает, что приведенные им материалы «достаточны для освещения и разрешения проблем языка, но они недостаточны для разрешения проблем истории якутов» (стр. 101).

Так как связь якутского языка с остальными языками тюркской системы достаточно ясна, то автор для выяснения, повидимому, происхождения якутского языка, ищет место, откуда якуты пришли. Приведя мнения Миддендорфа, Радлова и других, а также некоторые народные легенды, большим знатоком которых он является, автор приходит «к твердому и обязывающему выводу: южное и турецкое происхождение якутов не подлежит сомнению» (стр. 20). На страницах 43—50 автор опять возвращается к этому вопросу и в противовес мнению тех исследователей, которые считают якутский язык отуреченным монгольским, сам приходит к заключению «об обогащении древне-турецкого языка словарным материалом многих языков — бурятского, монгольского, тунгусского и других» (стр. 45). Правда, он оговаривается, что он не считает якутов «чистокровными турками», а «новым народом, впитавшим в себя древних тюрков, частично монголов, бурятов и тунгусов» (стр. 46). Но через несколько страниц, сопоставив кое-какие термины якутского и турецкого языков, а также некоторые знаки орхонских и ленских надписей, автор заключает, «что одно из воинственных тюркских племен, жившее в Монголии на территории родины древних огузов, впервые принявшее на себя удары кытаев во времена их борьбы с киргизами могло быть в X веке вытеснено на север» (стр. 50).

Мы должны указать, что сама постановка вопроса здесь неверна. Когда ставится вопрос о происхождении якутского или любого иного языка, не должно быть речи ни о «прародине», ни о «праязыке», ни о туркизации монголов, ни о монголизации турков. Теория миграций готовых этносов с достаточной убедительностью опровергнута академиком Н. Я. Марром. Расселения и передвижения человеческих масс, конечно, происходили, но не в этом суть вопроса. Для выяснения происхождения того или иного языка надо исследовать общественные условия его возникновения, но не приходится искать географического пункта, откуда пришли его носители. Если одни данные приведут к Забайкалью, другие — к степям вокруг Аральского моря, третьи — куда-либо на север или на запад, — то этим ничего не будет сказано о происхождении якутов или якутского языка. Мы здесь имели бы дело лишь с тем или иным племенем или — возможно — межплеменной группой, которая отчасти участвовала в формировании якутского народа и его языка.

Близость якутского языка с тюркскими ясна; общность многих якутских основ с монгольскими, повидимому, также доказана исследователями, на которых ссылается т. Ойунский (стр. 45); можно еще указать на общность ряда явлений якутского языка с тунгусским, хотя бы из области фонетики; можно еще обратить внимание на «партитив» или «частный падеж», который распространен в финских языках и существует в якутском языке, хотя не встречается в других тюркских языках.[1] Все это с большой убедительностью устраняет самый вопрос о прародине якутов. Якутский язык мог возникнуть из многочисленных языков-примитивов, которые еще не были ни турецкими, ни монгольскими, ни тунгусскими, так как формирование языковых систем было более поздним явлением.

Автор на стр. 19 ссылается на мнение Н. Я. Марра, который пишет: «И если говорить о прародине турок всерьез, то она не в Средней Азии или Северной Якутии, а в Средиземноморье». Но это еще более говорит п р о т и в выводов самого автора, так как Н. Я. Марр здесь пишет о турках (анатолийских) и отвергает теорию миграций также по отношению к ним. Здесь т. Ойунский, повидимому, смешал название «турки», как определенного народа, и то же название, употребляемое многими авторами для обозначения всех вообще тюрко-татарских народов и племен.

Что касается совпадения знаков орхонских и ленских надписей, на которые ссылается автор, то здесь надо исследовать, кто был носителем этого письма: возможно, что мы имеем дело с междуплеменным верхушечным господствующим слоем, который повсюду брал дань, угонял рабов, строил города, но не принадлежал ни к одному определенному племени. Этот вопрос еще требует исследований в свете нового учения о языке.

На более мелких недочетах останавливаться не будем. Упомянем лишь, что сопоставление якутских числительных с турецкими (анатолийскими) и сравнение якутского звукового состава с тем же турецким носят в данной работе отрывочный, случайный характер.

Необходимо указать, что разобранные нами недочеты касаются вопросов для рецензируемой работы несущественных, второстепенных. Они нисколько не умаляют ценности словаря, как значительного достижения и определенного шага вперед в развитии якутского языка.

---

[1] Тов. Ойунский называет этот падеж, оканчивающийся на «та», родительным, повидимому, находясь под впечатлением русского родительного падежа, который в некоторых случаях имеет значение партитива, например, в выражениях: «принеси воды», «отрежь хлеба», «наруби дров». В якутском же языке падеж этот имеет функцию лишь партитива.

БОРОВКОВ А.

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В ЯЗЫКАХ ТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ

Отдельные теоретические проблемы лингвистической науки у нас приобретают большое практическое значение. Особенно это относится к области изучения национальных языков СССР. В Союзе ССР с каждым днем возрастает культурное и образовательное значение национальных языков, жизнь повелительно требует разрешения огромного количества вопросов большего теоретического и практического значения.

К числу таких вопросов необходимо отнести вопрос о «частях речи» в языках тюркской системы. Ни в западноевропейской ни в русской литературе этот вопрос не обсуждался в достаточной мере. В описательных грамматиках общие категории слов рассматривались применительно к соответствующему западноевропейскому или русскому языку. В основном же, в тех случаях, когда мы находим известные декларации по этому вопросу, существующие точки зрения распадаются на две группы. Ряд авторов исходит из учения о словах склоняемых и спрягаемых и словах неизменяемых и, соответственно, классифицирует группы слов на т р и части: имя, глагол, частицы[1].

С другой стороны, некоторые авторы грамматик различают в языках тюркской системы в о с е м ь частей речи. Утверждения и того и другого порядка можно встретить и в старых грамматиках и в позднейших[2].

В современной нам учебной литературе вопрос о «частях речи» подвергся, несомненно, критическому пересмотру, но положительного решения все же не найдено.

В грамматике т а т а р с к о г о языка, например, мы находим «восьмиричную» классификацию: «В нашем татарском языке в о с е м ь частей речи: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) числительное, 4) местоимение, 5) глагол, 6) наречие,

[1] Из общеизвестных у нас описательных грамматик можно сослаться на «Алтайскую грамматику», (Грамм. Алт. яз., Казань, 1869 г. стр. 19), из новейших: А. Н. Самойлович, опыт кратк. грамм. крым.-тат. языка. Петроград 1916, А. Н. Самойлович, Кратк. учебн. грамм. осм.-тур. яз. Л. 1928, Умар Алиев, Карач.-балк. грамм. Кисловодск, 1926 г. и др.

[2] Укажем на грамм. тат. яз. Иосифа Гиганова, который в тат. яз. «как и в русском» насчитывал восемь частей речи. И. Гиганов, Грамм, тат. яз... и т. д. СПБ, 1801 г. Из позднейших см. П. М. Мелиоранский, кратк. грамм. Казак-кирг. яз., ч. I, СПБ, 1894... «частей речи в киргизском языке можно различать восемь...» и т. д. стр. 29

7) служебные слова, 8) междометия»[1]. В школьной грамматике узбекского языка различаются семь частей речи» ...в узбекском языке группы слов возможно подразделить в основном на семь: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) числительное, 4) местоимение, 5) глагол, 6) служебные слова (послеслоги, союзы наречия) и 7) междометия и звукоподражания»[2], В грамматике карачаево-балкарского языка речь идет о шести частях речи: «...слов шесть категорий: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) числительное, 4) местоимение, 5) глагол и 6) служебные слова — суффиксы, союзы, междометия и наречия»[3].

Проблема частей речи является по сути дела «общелингвистической» проблемой и самая классификация частей речи, как говорится, стара как мир. Учение о трех частях речи и соответственное деление слов на имена, глаголы и частицы сформулировано Аристотелем, а учение о восьми частях речи разработано александрийской школой. Эти две традиции и поныне живут в грамматической литературе.

Центр тяжести в решении вопроса находится, следовательно, в самих принципах классификации частей речи. Возможные признаки классификации частей речи могут быть различны, решающим условием остается видимо то обстоятельство, как правильно было замечено, что «...в вопросе о частях речи исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым признакам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой... какие общие категории различаются в данной языковой системе»[4].

Самые общие категории в языке отнюдь не являются чем-то извечным, они являются продуктом исторического развития. Академик Н. Я. Марр много раз и настойчиво подчеркивал это обстоятельство. «Частей речи еще не было. Постепенно из частей предложения выделяются имена, которые служат основою для образования действия, т. е. глаголов переходных и впоследствии непереходных, имена существительные по функции становятся, служа определениями, прилагательными, которые так же выделяются; имена же (определенный круг имен существительных) становятся местоимениями, затем имена становятся союзами, и остальные части речи уже лишь производные от той или иной категории из перечисленных частей речи»[5].

Таким образом становится очевидным, что отдельные общие категории слов не разделены в языке китайской стеной, их происхождение и развитие обусловливает взаимообусловленность и

---

[1] X. Bədiqof, gramm., berence kisek. Morfologiə. Qazan, 1933, стр. 33.
[2] X. Qajjumьь, S, Dalimof. gramm. 1 bolym, asuf Taşkent, 1934, стр. 32.
[3] Bajramqullanь Umar, Qaracaj tilni gramm. Кисловодск, 1931, стр. 41 и 121.
[4] Л. В. Щерба, о частях речи в русск. яз. Сб. «Русск. речь нов. серия, П. Л. 1928, стр. 6.
[5] Н. Я. Марр, Почему так трудно стать лингв.-теоретиком, Сб. «Языков и материализм», Л. 1929, стр. 37.

целый ряд переходов, тем более в агглютинирующих языках тюркской системы.

Попытаемся в самых кратких чертах выяснить наше отношение к вопросу о частях речи в языках тюркской системы. Не касаясь подробностей, можно остановиться в определении общих категорий слов на следующих основных признаках: во-первых, надо выделить понятие лексического значения слов, ибо формальные признаки без внимания к смыслу ничего не говорят; во-вторых, надо иметь в виду известную сумму внешних признаков, присущих именно данной общей категории слов, в отличие от других и, наконец, в-третьих, порядок отношения данной общей категории слов ко всем другим в предложении, в речи, «сочетаемость» с другими частями речи. Последнее обстоятельство тем более существенно, что порядок слов, синтетизм в языках тюркской системы является грамматической категорией.

Предлагаемый порядок вещей совершенно исключает деление общих категорий слов на склоняемые (имя), спрягаемые (глагол) и неизменяемые (частица). Вводя понятие известных определяющих признаков частей речи мы можем в то же время перейти к обозрению их в языках тюркской системы.

Прежде всего категория существительных. По значению существительные характеризуются понятием предметности, в широком смысле этого слова, понятием субстанциональности. Дальнейшее деление существительных по их значению возможно по многообразнейшим признакам: собственные и нарицательные, отвлеченные и не отвлеченные, действующего лица или предмета действия и действия-процесса, собирательные и вещественные и т. д. Наблюдения в этой области обнаруживают чрезвычайно любопытные факты по связи с категорией числа существительных, словообразованием и семантикой существительных вообще. Решающими морфологическими признаками существительных являются: категория числа, падежа и, наконец, категория принадлежности лицу, предмету.

Категория числа (аффикс lar и его фонетические разновидности) обнимает существительные, местоимения и глаголы, но все же различие значения числа существительных и лиц глагола не вызывает сомнений.

В языках тюркской системы категория числа существительных чрезвычайно своеобразна с точки зрения семантики «счетных» существительных и согласования. Вместе с тем, категория числа является одним из отчетливых субстантивирующих моментов; прилагательные, причастия и даже наречия, не говоря о числительных и местоимениях с аффиксом множественного числа, превращаются по значению в существительные, напр.: в татарском — aq — «белый», qьzьl «красный», но aqlar «белые, белогвардейцы», qьzьllar — «красные, красногвардейцы», в кар.-балк. по связи с категорией числа перешли в разряд существительных: прилагательные типа tavlu собственно «горный», qanatlь «крылатый» и tavlula «горные», «горцы», «карачаевцы», qanatlьla «крылатые птицы» и т. д. узб. alqan «взявший, взятый», но alqanlar

bersin belak uzugim «пусть взявшие (они) отдадут мой браслет» и т. д., каз. пеçе «сколько», неçеler «некоторые» и т. д.

Таким же субстантивирующим элементом является категория падежа, да и категория принадлежности лицу.

Категория падежа в языках тюркской системы обнимает собой очень широкий синтаксический круг явлений, но вместе с тем основным для категории падежа остается момент субстантирующий. В этой связи особо выделяются падежи отглагольных существительных — инфинитивов. Форма причастия будущего отглагольного существительного в дательном падеже образует тип супинума (целевого наклонения глагола), т а т. bilergə — «знать» (чтобы), kytərgə «поднять» (чтобы), к а р.-б а л к. çaşarqa «жить» (чтобы), у й г. barmaqqa «пойти» (чтобы), kyłyşkə «смеяться» и т. д. Формы эти в некоторых грамматиках часто неверно трактуются как отглагольные существительные. Это не верно потому, что употребительны эти формы только в составе «сказуемого с инфинитивом», т. е. представляют собой скорее категорию инфинитива, а не не отглагольного существительного. С большим основанием к разряду предикативных имен можно отнести формы отглагольного существительного в локативе типа узб. kelmakda и т. д.

Границу между именем и глаголом мы можем провести здесь, подходя к решению вопроса исторически, как, впрочем, и во всех других подобного рода переходных случаях.

Третий внешний признак существительных категория принадлежности лицу, предмету, типа bala-m «мое дитя» ata-sь «его отец» и т. д. также характеризует природу существительных и является также моментом субстантивирующим; напр: к а р.-б а л к. kəb «много» kəbysy «большинство», к а з. kerek «нужно» keregi «необходимость» (в чем), keregi çoq «нет необходимости» (в чем), çaqsь «хороший» çaqsisi «(нечто) лучшее», ең çaqsьsь çumьscь bolip istev—«самое лучшее работать рабочим», ycevi «трое» (они), ycevi de qiz edi «все трое (они) были девушки» и т. д. В узбекском в ряде идиоматических выражений «субстантивированы» причастия: kongim keldi (идет мое видение) — «хочется видеть, bargim kelmajdi (не приходит мое хождение) — «мне не хочется итти» и т. д.

Система словообразования существительных дополняет характеристику их внешних признаков. «Сочетаемость» с прилагательными и определениями вообще, в порядке следования за ними, независимость или, напротив, переключение в сферу влияния глагола, отличает существительные синтаксически.

Наиболее спорной общей категорией в языках тюркской системы является, несомненно, категория прилагательных. Отсутствие достаточно определенных внешних выразителей прилагательных служит обычно основанием для отрицания самой категории прилагательных в языках тюркской системы. Одновременно достаточно стойкие семантические признаки заставляют многих говорить о категории прилагательных как о категории потен-

циально, идеологически существующей, но не выраженной никакими внешними признаками.

Все же более правы, видимо, наши советские школьные грамматики, утверждающие категорию прилагательных в языках тюркской системы. Отказывать прилагательным в существовании как общей категории на основании того, что напр. «...на одну и ту же букву может оканчиваться, по значению, и существительное и прилагательное...»[1], или только потому, что «имена существительные и прилагательные... по значению... весьма часто совпадают, кроме того, и падежные окончания, и окончания множественного числа, и притяжательные местоименные аффиксы принимают одинаково как существительные, так и прилагательные...»[2] и т. д., очевидно еще нельзя.

Вернемся к нашей характеристике прилагательных. По своему значению прилагательные выражают свойство, признаки, заложенные в природе предметов, формально это находит выражение в «сочетаемости» прилагательных только с существительными, без отношения к существительным невозможны прилагательные. Это отношение закрепляется синтаксическим способом согласования.

С точки зрения внешних признаков прилагательные характеризуются изменяемостью по степеням сравнения: т а т. aŋlь — aŋlьraq «понятливый — понятливее», к а р.-б а л к. ullu — ullurаq — «большой — больше», у з б. jaxşi — jaxşiraq, — in. jaxşi «хороший — лучше — самый хороший» и т. д., формами словообразования: у з б. qajrat — qajratli — «мужественно — мужественный», т а т. sөt — sөtle — «молоко — молочный», kic — kicke — «вечер — вечерний», qunaq — qunaqcil — «гость — гостеприимный», у з б. iş — işcan «труд» (дело) — трудолюбивый» и т. д.

Прилагательные отмечает с этой точки зрения, наконец, и особая форма интенсификации признаков, типа к а р.-б а л к. kөp — kөpti, tup-tur «совершенно-справедливый, совершенно правильный» и т. д.

К этим признакам необходимо присоединить заимствованные, арабо-персидские и др. по происхождению прилагательные и новообразования, ныне широко распространенные в ряде языков, типа: kommunist-ik, sosialist-ik — «коммунистический, социалистический» и т. д.

Но все же все эти признаки малочисленны и не столь может быть ярки и синтаксическая сторона в определении прилагательных остается довлеющей над внешними признаками. Больше того, можно сказать, что в языках тюркской системы прилагательные относятся к категории н е и з м е н я е м ы х слов, изменяемость их ограничивается степенями сравнения, изменения же в числе, падеже влекут за собой превращение прилагательных в существительные.

Здесь возникает новая группа вопросов в связи с превращением, в известных условиях существительных в прилагательные

[1] Грасс. алт. яз., Казань, 1869, стр. 19.
[2] Н. Ф. Катинов, Опыт исследов. яз. и т. д. Казань, 1903 г.

по значению и превращением прилагательных в наречия по значению, когда они перед глаголом выражают глагольные признаки, типа узб. jaxşi bala jaxşi oqujdi — «хороший мальчик хорошо учится» и т. д.

Критерием различения прилагательного является, следовательно, отнесение прилагательного или к существительному, или к глаголу, т. е. на известного рода семантико-семантический момент. Это обстоятельство заставляет нас в определение прилагательных внести элемент адъективации существительных и, с другой стороны, момент адвербиализации прилагательных включить в понятие новой общей категории — наречия.

Категория наречия является вообще чрезвычайно формальной по связи с прилагательными и существительными. Если бы не известное количество наречий, которые не являются производными от прилагательных, можно было бы ограничиться только ссылкой на особую функцию прилагательных.

По значению наречие характеризуется как категория неизменяемых слов, выражающих признаки действия, состояния или признаки других признаков, типа узб. çuda jaxşi «очень хороший» и т. д.

Внешние признаки наречий малочисленны. Устойчивые признаки характеризуют только некоторые группы наречий типа тат. orus-orusca, sin-sinençə — «русский — по-русский», «ты — по-твоему», bөten-bөtenlaj — «целый-целиком» и т. д.

Критерий неизменяемости наречий и различение их, особенно по связи с существительными, чрезвычайно условны. Понятие неизменяемости мы устанавливаем из сопоставления наречия с соответственными формами существительного и их реального значения, т. е. устанавливаем предметно-ли значение в каждом данном случае или не предметно, поскольку в форме наречий мы находим преимущественно косвенные падежи существительных с послелогами или без них типа кар.-балк. alqь «вперед», ertden bla — «утром, по-утру», çil sajin «ежегодно», узб. anda — «там», zur bilan «сильно» и т. д. или распространенные формы сложных слов — сочетаний типа кар.-балк. tamьla (tan bla) — «завтра» alqьburun (alqь-burun) — «прежде», тат. berjulь (berjulь) «однажды», «сразу», кар. балк. — tinc-tinc «спокойно», az-az «немного, понемногу», arь-beri «туда-сюда», anda-monda «там и сям», «всюду», çer-çende «кое-где» и т. д.

Таким образом наречия отличаются в массе не особыми внешними признаками, а скорее, характером словообразования, точнее «омертвелостью» форм, начиная с наречий типа узб. taşqari «наруже» ickari «внутри», тат. qişьn «зимою» и т. д., кончая позднейшими формами типа кар.-балк. busaqat «сейчас, ныне», osaqat «тогда» и т. п.

То обстоятельство, что наречие характеризуется в сильной степени известными «отрицательными» признаками (не изменяются, не существительные и т. д.) делают эту категорию неустойчивой, условной, что находит свое отражение и в школьных грамматиках и ставится под сомнение вообще сама категория

наречий. Наречия легко снабдить синтаксической характеристикой по принадлежности к соответствующему ряду. Назвав их обстоятельствами существительными и обстоятельствами прилагательными, мы без особых затруднений лишили бы наречие «категорийной» самостоятельности. Но последнее решение окажется, возможно, ограниченным, почему было бы правильнее наряду с собственно наречиями в массе «дополняющими», выражающими пространственные и временные «обстоятельства», выделить в особую группу категорию «синтаксических» наречий (прилагательные в значении наречий).

Категория глагола в языках тюркской системы своей определенностью не вызывает обычно никаких сомнений. И значение глагола и внешние признаки, изменяемость по лицам, числам, временам, наклонениям, и словообразование и синтаксическая определенность достаточно убедительны.

Другое дело такие глагольные формы как инфинитив, причастие и деепричастие. Некоторые злоупотребление понятием о т г л а г о л ь н о г о и м е н и превращает известную контаминацию двух функций инфинитива в отрицание самой категории инфинитива в языках тюркской системы. Это ставит в ложное положение наших грамматистов, в татарской грамматике, напр. инфинитив с «супинальным» значением типа beterergə — «закончить», напр. в jaxşь səcu kampaniəsen vaqtьnda beterergə — «закончить в срок весеннюю посевную кампанию» и т. д. относится к категории отглагольного имени [1].

Причастие может рассматриваться с точки зрения контаминации двух функций — прилагательного и существительного, деепричастие же как наречие глагольного происхождения, но это далеко не исчерпывает синтаксических функций этих глагольных форм, и рассматриваться они должны, следовательно, как глагольные категории в системе глагола.

Если значение было для нас одним из убедительных признаков в определении существительного, прилагательного, глагола, то элемент значения в определении других возможных частей речи, да и внешние признаки теряют свою убедительность, вместе с чем самые категории приобретают характер переходный второстепенный.

В первую очередь категория слов выражающих количество «счетных» существительных. Это категория числительных. По значению числительные характеризуются понятием к о л и ч е с т в а предметов и связаны синтаксически только с существительными. В той мере в какой числительные здесь не могут быть подведены под понятие предмета или его свойства они отличаются и от существительных и от прилагательных. Такое выключение числительных приближает их синтаксически к наречию, напр.: у з б. beş adam keldi, kob adam keldi «п р и ш л и п я т ь человек» и «пришлю м н о г о человек (людей)» и т. д. Во всех прочих случаях числительное по значению клонит к существи-

[1] X. Badiqof, gramm. 1 kisek..., Qazan, 1933, 74.

тельным (изменяясь вместе с ним в падеже и числе) или к прилагательным (порядковые числительные).

Морфологически числительные выделяются формой порядковых числительных, что до некоторой степени характеризует их со стороны внешних признаков как общую категорию.

Отвлеченная категория местоимений. Если признать, что категория «части речи» в первую очередь понятие синтаксическое, то в первую очередь местоимение надо признать абсолютно неустойчивой, ибо по своей природе местоимение или особой породы существительные или особой породы прилагательные, как бы семантические заместители тех и других.

Принципиальное значение имеет для нас, с точки зрения значения и синтаксического употребления, противопоставление категории знаменательных слов, обладающих самостоятельным значением, способных распространять свое значение на другое слово или группу слов, словом, обладающим частичным значением, или вовсе «незначащим», выражающим лишь о т н о ш е н и я между знаменательными словами и группами их.

Такое противопоставление законно исторически и логически и обязывает нас выделить в особую общую категорию с л у ж е б н ы х с л о в группу послелогов, частиц и союзов.

По своему происхождению служебные слова в языках тюркской системы общего происхождения, и диференциация их по функциям чрезвычайно условна. Послелоги возможны в значении союза (bilan, bla menen и пр.) частицы усилительные и вопросительные также замещают союзы, что, в свою очередь, имеет огромное значение в смысле универсальности функций служебных слов в бессоюзных по своей природе языках тюркской системы.

Наряду с этим выделяются по своей природе слова, играющие особую роль в сигнально-эмоциональной сфере речи, сопровождающие как бы нашу «разумную» речь — это категория м е ж д о м е т и й. К междометиям можно присоединить и так называемые звукоподражания, по происхождению, правда, связанные со словами знаменательными.

Такова в общих чертах картина частей речи в языках тюркской системы. Картина эта не будет полна, если мы не включим сюда массу переходных случаев типа «ложных деепричастий» т а т. juz-lab — «сотнями», jaxşilab «хорошенько» и т. п. или типа к а з. nelik в nelikten «вследствие чего», sonduqtan «поэтому», bastap-qь «начальный», orta-n-cь «средний» и т. д.

Картина эта не будет полной и верной, если мы не учтем и всех особенностей каждого из языков тюркской системы. В области частей речи различия в языках тюркской системы весьма и весьма значительны и по степени «отработанности» общих категорий и по их функции в отдельных случаях.

Картина, повторяем, общая. Правильность ее должна быть подтверждена исследованиями более подробными в каждом отдельном случае.

Проф. БУБРИХ Д.

О РАБОТЕ ПО МОРДОВСКОМУ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ АТЛАСУ

Не так давно изучение значительного большинства национальностей СССР велось преимущественно в крупнейших центрах СССР, особенно в Москве и Ленинграде. Связь с национальностями была слабая. Изучение их осуществлялось почти исключительно путем организации экспедиций — лингвистических, этнографических и др. И это вполне понятно: многие национальности СССР тогда еще не успели создать свои научно-исследовательские кадры, свои научно-исследовательские учреждения; развернуть свою научную работу.

Теперь положение в корне изменилось, во всех республиках созданы свои научно-исследовательские институты, выросли кадры научных работников из коренных народностей, которые самостоятельно, а иногда при известной поддержке центральных руководящих научно-исследовательских учреждений развивают работу огромной научной ценности и огромного политического значения.

Задачей этой статьи и является осветить отдельный участок такой работы в Мордовии — составление большого диалектологического атласа мордовских (мокша и эрзя) языков.

Лингвистическая наука в настоящее время вступила в период, когда знание языков «вообще» является абсолютно недостаточным. Это ощущает и буржуазная лингвистика. В буржуазных странах с некоторых пор начались работы в области составления больших диалектологических атласов, обширных диалектологических словарей и т. д. Впереди идут такие страны, как Франция, Германия (догитлеровская), Италия. Некоторые страны только приступают к этому делу, некоторые только собираются приступить. Потребность в изучении языков во всем их многообразии наша лингвистика ощущает в еще большей мере. Перед нашей лингвистикой стоят не только задачи, обусловленные строительством целого ряда национальных литературных языков, но и задачи перестройки методов лингвистической работы, а вместе с тем задачи разрешения некоторых кардинальных проблем. Нам необходим новый, полный, по важным для нас признакам собранный, лингвистический материал.

Работники Мордовской АССР одними из первых приступают к детальному лингвистическому изучению, составляют большой

диалектологический атлас. Культурные работники Мордовии — страны, которая при царизме была одной из самых отсталых в Европе, теперь, при советской власти, развертывают такую работу, которая не по-плечу хотя бы такой «культурной» стране, как Финляндия. Один только этот факт со всей яркостью свидетельствует об огромных успехах национальной политики нашей партии и советской власти.

Первая цель, которую преследует мордовский диалектологический атлас, — это предоставление обширного местного материала тем инстанциям, которые организуют дальнейшее строительство литературных мордовских языков. В этом деле обширный местный материал настоятельно необходим. На каждом шагу приходится наталкиваться на неизбежность выбора между различными возможностями. А при таком выборе недостаточно взвешивать ценность языковых явлений «самих по себе»: надо еще прослеживать степень и характер их распространенности среди трудящихся масс. В прошлом бывали случаи, когда выбор между возможностями производился в угоду тем или иным «системам». Случалось и так, что останавливались на «возможностях», которым не суждено было осуществиться решительно нигде. Например, в свое время было выдвинуто положение писать и говорить по-мордовски — «л о м а н ь т ь» — люди и т. п., тогда как диалекты знают только «л о м а т ь т ь» или л о м а т ь и т. п. (мотив данного пожелания: в единственном числе говорят л о м а н ь — «человек» и т. п. следовательно, хорошо ввести н ь и во множественное число, исправив таким образом происшедшую примерно тысячу лет назад «ошибку»). Разумеется, жизнь не приняла этого пожелания.

Вторая цель диалектологического атласа — это предоставление материала для развивающихся в настоящее время исследований теоретического характера. Одним из больших достижений советского языкознания, достижений, связанных с именем академика Н. Я. Марра, является новая трактовка исторического существа связей между языками одной и той же системы. Буржуазное языкознание стояло и стоит на точке зрения происхождения языков одной и той же системы («семьи») от одного общего языка-предка, праязыка. Эта точка зрения, приводящая к умозаключению о необходимости «воссоединения» потомства «пранарода», говорившего на данном праязыке, обслуживает всякие пантюркизмы, панфиннизмы, и вообще панизмы. Советское языкознание в данном вопросе стало на совершенно иную точку зрения. Не отрицая того, что разделение одного и того же языка на два или больше при определенных обстоятельствах вполне возможно, советское языкознание однако доказывает, что ни одна обширная система языков, уходящая в глубины доклассового общества, не могла создаться путем только разделения: значительно большую, чем разделение, роль в таких системах языков играло схождение.

Эта точка зрения усвоена и советским изучением финно-угорских языков. Оно исследовало прошлое финно-угорских языков

до периода первосформирования словоизменения, связавшего крепким узлом синтаксис и морфологию. При этом оказалось следующее. Выработав в обстановке относящегося к разным эпохам, местам и обстоятельствам непосредственного и опосредственного взаимодействия значительные сходства в словаре, а потом и в словообразовании, а равным образом в синтаксисе, — эти языки оказались обладателями сходных предпосылок развития словоизменения. Естественно, что словоизменение в них стало развиваться не без сходств. По отношению к небольшой части сходств в словоизменении можно допустить участие продолжающегося или возобновляющегося языкового взаимодействия. Но по отношению к остальной их части такое допущение наталкивается на противопоказания. В этой остальной их части приходится иметь дело с параллельным развитием: сходные основания — сходные следствия. Общее количество сходств в словоизменении в период первосформирования последнего было невелико — оно значительно уступало общему количеству несходств. Во всем этом нет ни малейшего намека на праязык [1].

В определенной работе огромную роль сыграло изучение финно-угорских языков не только «вообще», но и в диалектах. Тут не лишне привести пример. Было теоретически умозаключено, что так называемый транслатив («в качестве кого, чего?» или «для кого, чего?»), встречающийся в западной половине финно-угорских языков и в буржуазной науке используемый для праязыковых построений, сложился в разных группах западной половины финно-угорских языков параллельно. Некоторые эрзя-мордовские диалекты самым неожиданным образом подтвердили это. Оказалось, что в них транслатив слагается только теперь, на наших глазах, тем самым путем, который утверждали для других диалектов и языков, и притом, очевидно, вне всякого праязыка. Трудно даже представить, какой богатый подтверждающий материал дадут диалекты мордовских и других финно-угорских языков, если они будут изучены каждый не в нескольких десятках, а во многих сотнях диалектологических точек.

Составление мордовского диалектологического атласа ведет Научно-исследовательский институт мордовской культуры (Саранск) при участии Мордовского педагогического института (Саранск), в тесном контакте с Институтом языка и мышления имени акад. Н. Я. Марра (Академия Наук СССР, Ленинград). Для работы мобилизованы все саранские и ленинградские лингвистические мордововедческие силы. Работа уже прошла первый этап: тщательно разработана при участии различных инстанций довольно обширная «Программа» и соответственная подробная «Инструкция», которая рассылается на места с таким расчетом, чтобы получить информацию от 2 до 3 тыс. диалектических точек, т. е., в среднем, о каждой полутысяче человек (всего мордвы насчитывается несколько менее полутора миллионов). «Программа» и

[1] См. книгу «К вопросу о взаимоотношениях финно-угорских языков», выходящую в издании ИЯМ.

«Инструкция» составлены достаточно популярно, таким образом от информатора требуется лишь грамотность (пусть даже несовершенная) и добросовестность. Контроль над информацией будет достигаться различными средствами. Прежде всего текст «Программы» содержит в себе контролирующие вопросы. Затем, «Программа» будет рассылаться большему числу информаторов, чем взято диалектологических точек, таким образом о каждом крупном мордовском селении будет несколько информаций, которые в некоторой мере будут друг друга контролировать. Наконец с разработкой информаций будут связаны контрольные (и уточняющие) поездки научных работников на места. Вся эта работа будет протекать в обстановке предварительного ориентирования составителей атласа в вопросах мордовской диалектологии.

Обработка уже имеющихся данных, как и ожидающихся информации с мест, будет закончена (в лучшем случае) к началу 1937 г. Самое составление атласа будет закончено (примерно) к началу 1938 г. Еще до выхода атласа в свет, который ожидается к началу 1939 г., содержание атласа будет всемерно использовано для ряда крупных научных работ. Приблизительно одновременно с атласом выйдут в свет и эти работы.

Атлас будет содержать значительное число прозрачных одноцветных карт, 30—40 многоцветных сводных карт и 1 многоцветную главную сводную карту, причем тираж первых, предназначенных преимущественно для научной работы, будет меньше тиража вторых, а тираж вторых будет меньше тиража главной сводной карты. Главную сводную карту желательно отпечатать и в увеличенном виде.

Лексика в атласе будет на второстепенном плане, так как с начала 1936 г. начинается самостоятельная работа над составлением словаря мордовских языков, который, наряду с лексикой литературных языков, включит в себя и лексику диалектов. В части лексики атлас учтет лишь слова, характеризующие переживаемую эпоху, слова, показательные для расхождения между диалектами, и слова, относящиеся в область весьма важной с исторической точки зрения терминологии родства,—всего около 500 слов. Не будет в атласе на первом плане и фонетика. В части фонетики будет учтено лишь самое существенное — всего около 100 моментов. Главное внимание в атласе будет обращено на синтактико-морфологическую систему мордовских языков. Ей будет посвящена приблизительно половина атласа. Это объясняется двумя соображениями. Во-первых, в строительстве литературных мордовских языков на данном этапе выдвигаются на первый план, кроме вопросов лексики, вопросы синтактико-морфологические. Во-вторых, в борьбе против враждебных лингвистических концепций, касающихся финно-угорских языков, на данном этапе приходится опираться преимущественно на материалы синтактико-морфологических систем финно-угорских языков. Работа в области составления атласа и в связи с ним явится для подрастающих мордовских лингвистов не плохой школой, тем более, что она (работа) будет содержать в себе

множество точек приложения социалистического соревнования на основе стахановских методов.

Главное условие успеха работы — широкая поддержка советской общественности. Без такой поддержки общественности, которая выделит из своей среды тысячи информаторов, работа будет невыполнима. Она ориентирована именно на широкую поддержку общественности. В этом ее специфическое отличие с организационной стороны от аналогичных работ, осуществляемых в буржуазных странах.

Нельзя отрицать того, что работа над составлением мордовского диалектологического атласа имеет в некоторой степени характер опыта. Это своего рода первая работа по финно-угорским языкам, а во многих отношениях и первая вообще. Несомненно, она встретит на своем пути большие трудности. Несомненно, здесь будут ошибки и промахи. Без этого не обойтись.

Опыт работы над мордовским диалектологическим атласом будет в дальнейшем использован в первую очередь для составления карельского диалектологического атласа, в который будет внесен и момент сопоставления с финскими диалектами Ленинградской области, а равным образом с литературным финским языком. Этот атлас будет включать в себя меньшее число диалектологических точек (несколько менее 1 тыс.), так как в данном случае придется иметь дело с языком народности меньшей численности, чем мордва. Однако объем его вероятно будет несколько больше, так как в нем, по некоторым специальным обстоятельствам, будет особенно широко представлена лексика. Ввиду определившихся в последнее время в Карелии сдвигов, обеспечивающих усиление темпов ее развития, составление карельского диалектологического атласа представляется совершенно своевременным.

Проф. АРТЕМОВ В

ПСИХОЛОГИЯ И НОВЫЙ ЛАТИНИЗИРОВАННЫЙ АЛФАВИТ

(К итогам работы Госуд. Научно-исследовательского института психологии по заданиям ВЦК Нового Алфавита).

Новый латинизированный алфавит не является простой пересадкой основного латинского алфавита на нашу советскую почву. Он построен на базе последнего, однако, по целому ряду обстоятельств новый алфавит многообразнее и шире основного латинского. Главная причина этого заключается в том, что многие языки национальностей нашего Союза несравненно богаче в фонетическом отношении, так называемых, европейских языков.

Основной латинский алфавит — алфавит древнего Рима. Романские народности, германцы и англо-саксы в своем культурном развитии были тесно связаны с Римом. В частности, они заимствовали и латинский алфавит, или же построили свои национальные алфавиты по его образцу. Поскольку фонетический состав «гальских» языков не соответствовал фонетическому составу латинского языка, постольку с самого начала потребовались специальные приемы приспособления основного латинского алфавита к новым условиям. Уже романские алфавиты дают все основные приемы такого приспособления, — диакритику (ê, é), седиль (ç), сдвоенные буквы (sh) и лигатуры (œ). В очень редких случаях прибегали к построению новых буквенных знаков, графически близких к буквам латинского алфавита.

С течением времени латинский алфавит был принят и рядом других народностей, фонетический состав языка которых в еще большей степени отличался от фонетического состава латинского языка. Мы имеем ввиду языки хотя бы западных и южных славян. Однако принципиально приемы приспособления латинского алфавита и к этим национальным языкам остались одними и теми же, возросло лишь количество отдельных случаев.

Использование латинского алфавита в научной транскрипции, которая более детально фиксирует фонетический характер языка, ввело новый прием, — прием перевернутости знака, хотя по существу этот прием был уже и в древне-латинском алфавите: латинское n является перевернутым латинским u.

Таким образом к тому моменту, когда начали создаваться на основе латинского алфавита алфавиты различных национальностей нашего Союза в практике аналогичного использования

основного латинского алфавита существовали следующие приемы: диакритика, седиль, сдвоенные буквы, лигатуры и перевернутые (зеркальные) буквы.

В начале непосредственно после Октябрьской революции строительство алфавитов отдельных национальностей Союза в известной мере было стихийным, в результате чего переход от архаических форм письма (арабского, монгольского и др.) на технически более совершенный, легко доступный массам латинизированный алфавит был сопряжен с некоторыми недостатками и ошибками. Например, оказалось, что одни и те же звуки в различных алфавитах изображались различными графическими знаками, использовались неоднообразные приемы образования графических дериват и вариантов, диакритические знаки были неоднообразными и часто не соответствовали графическому характеру основного латинского алфавита и т. д. Однако с течением времени партия и правительство начали работу в области унификации и научного обоснования этих алфавитов, в области создания нового унифицированного латинизированного алфавита.

Эта работа выполнялась и выпоняется Всесоюзным Центральным Комитетом Нового Латинизированного Алфавита при Совете Национальностей ЦИК СССР. Комитет связан со многими научно-исследовательскими институтами и учреждениями в выполнении столь ответственной и сложной работы. К участию в ней был привлечен и Московский Государственный Институт Психологии Наркомпроса. В 1932 г. при нем была организована под руководством автора настоящей статьи специальная лаборатория по оформлению книги, в задачи которой входило, помимо обслуживания ОГИЗ, исследование вопросов удобочитаемости нового латинизированного алфавита. В 1934 г. лаборатория была расформирована.

Основная задача, которую комитет поставил перед институтом, состояла в исследовании удобочитаемости новых вводимых буквенных знаков и знаков, уже имеющихся в практике, но конкурирующих по каким-либо соображениям между собой.

Мы начали нашу работу с выяснения места психологии среди других дисциплин в области строительства нового латинизированного алфавита, в частности, в вопросе унификации буквенных знаков этого алфавита.

Нам казалось [1], что адэкватный научный анализ нового алфавита в целях наиболее совершенного его графического построения и выражения, может быть осуществлен лишь при условии совместной работы языковеда, психолога, педагога, графика и полиграфиста. Это объясняется природой нового алфавита, образующейся из пяти тесно между собой связанных моментов.

1. Прежде всего новый алфавит, как и всякий другой, выражает и организует фонетический состав того или другого национального языка. Следовательно, не представляется возможным

[1] См. В. А. Артемов, Технографический анализ суммарных букв нового алфавита. В сборнике «Письменность и революция» 1933. Стр. 58—72.

строить принципы и формы нового алфавита, не зная принципов и форм фонетического состава национальных языков. Эта работа может быть выполнена только языковедом.

2. Буквы нового алфавита являются объектами восприятия при чтении печатного и рукописного текста. Следовательно, если вводятся новые буквы или сравнивается удобочитаемость конкурирующих, их удобочитаемость должна быть исследована психологом.

3. Новый алфавит, как и любой другой, является не только объектом чтения, но и средством письма. Задача педагога определить, насколько та или другая форма буквенного знака удобна и целесообразна для письма. Здесь психолог, разумеется, может и должен сказать свое слово и произвести соответственное исследование совместно с педагогом по вопросу удобо-написуемости буквенных знаков нового алфавита.

4. Совершенно очевидно, что всякий новый вводимый знак нового алфавита должен не выходить из рамок графического стиля основного латинского алфавита, а из двух конкурирующих знаков должен быть выбран тот, который, при прочих равных условиях, в наибольшей степени удовлетворяет данному требованию. Определить это — задача графика и искусствоведа.

5. Наконец новый алфавит должен быть экономичен и удобен с производственной точки зрения. Определить это свойство нового алфавита и каждого его отдельного знака — задача полиграфиста.

Исходя из указанных положений, мы произвели вначале нашей работы совместно с А. А. Реформатским, так называемый, технографический анализ суммарных букв нового алфавита с точки зрения их технографического оформления и удобочитаемости, предположенной на основании данных современной экспериментальной психологии восприятий и аналогических исследований зарубежных авторов на материале, преимущественно, английского и немецкого языков.

Были указаны четыре группы как среди строчных, так и среди прописных букв нового алфавита. К первой группе относились буквы основного латинского алфавита, являвшегося образцом, по которому должны были строиться новые вводимые знаки. Ко второй группе были отнесены новые введенные буквы, удовлетворительные по своему технографическому оформлению. К третьей группе были отнесены буквы, технографическое оформление которых требовало улучшения, но которые при улучшении могли остаться в новом алфавите. Наконец к четвертой группе были отнесены те из новых введенных букв, которые оказались явно неудовлетворительными и требовали замены новыми, более совершенными. Среди строчных к ним относились:

є ə g ɖ ɑ 5° ı ɻ ж ȷ

Среди прописных букв к четвертой группе была отнесена только буква Ё. Кроме того, мы рекомендовали исключить также) (.

. Наши предложения были приняты соответственными органами ВЦК НА.

Технографический анализ касался также и рукописных букв нового алфавита. На основании современной специальной литературы мы предположили, что наибольшее значение при обучении письму и пользовании имеет связанность и безотрывность письма, которые определяются:

1) числом штрихов в букве,

2) числом отрывов от бумаги в букве и в связном письме.

3) направлением штрихов,

4) выходом штрихов за строку,

5) удобством штриха для установления связи с соседними буквами.

В результате тщательного анализа, произведенного М. П. Феофановым, мы пришли к заключению, что новый алфавит в его суммарном виде менее благоприятен для беглого, плавного письма, чем основной латинский, почти что в отношении всех указанных выше критериев. Это обстоятельство в значительной мере объясняется наличием в новом алфавите большого количества диакритических знаков, которые (кроме седиля), как правило, вызывают большое число отрывов, увеличивают число штрихов, затрудняет переход к следующим знакам.

Практические выводы технографического анализа обладали некоторой надежностью. Однако лишь в том случае, если они совпадали с мнениями практиков графики и полиграфического дела, только при таком условии они могли быть рекомендованы к их практической реализации. Технографический анализ показал необходимость тщательных и специально-организованных лабораторных экспериментов и исследований для того, чтобы, найдя свойства и их причины того или другого знака, иметь возможность на достаточном основании делать практические выводы. На долю Института психологии выпала работа в области изучения удобочитаемости и удобонаписуемости буквенных знаков нового алфавита.

Одной из самых существенных задач Комитета Нового Алфавита была и остается унификация существующих национальных алфавитов в графическом отношении. Один и тот же звук в различных национальных алфавитах передавался по-разному. Возник ряд конкурирующих между собой буквенных знаков, которые мы называли в нашей лаборатории графемами, аналогично понятию фонемы. Необходимо было исследовать их удобочитаемость и удобонаписуемость. Возникло исследование об удобочитаемости графем нового алфавита, произведенное Ф. Ш. Тагировым. Это исследование имело центральное значение. Однако мы нуждались и в некоторых других дополнительных и весьма важных экспериментальных изысканиях.

Так как около 20% суммарных букв Н. А. имеют в качестве диакритического знака, в качестве знака различителя седиль, а

последний имел весьма много конкурирующих форм, то было совершенно необходимым произвести специальное исследование об относительной удобочитаемости конкурирующих форм седиля. Это исследование было произведено при участии В. А. Головина, А. Ф. Евсеева и Ф. Ш. Тагирова.

Далее, встал вопрос о позиции диакритики, где она лучше читается — сверху или снизу буквенного знака. Это исследование было произведено Ф. Ш. Тагировым.

Особым оказался также вопрос и о мягком знаке — это исследование было произведено нами[1].

Наконец последним среди графемных вопросов был вопрос о различных приемах образования дериват и вариантов буквенных знаков нового алфавита, как путем диакритирования знака, так и путем его графической модификации — исследование автора настоящей работы.

С течением времени оказалось необходимым исследовать влияние на удобочитаемость буквенных знаков нового алфавита и стилевых наслоений их графической выраженности. Возникла работа об удобочитаемости гарнитур нового алфавита. Эта работа была выполнена В. А. Головиным[2].

Нами был поставлен вопрос и о зависимости удобочитаемости букв нового алфавита от их величины. Данное исследование было выполнено автором настоящей работы на основании литературных материалов об удобочитаемости основного латинского алфавита и исследований автора (и его сотрудников) на русском тексте.

Исследование удобонаписуемости рукописных букв нового алфавита было начато М. П. Феофановым, давшим теоретический анализ вопроса. В 1934—1935 гг. было произведено экспериментальное исследование удобонаписуемости и удобочитаемости рукописных знаков Е. В. Гурьяновым.

Наконец удобочитаемость машинописных букв нового алфавита, сравнительно с лучшими шрифтами зарубежных машинок, была исследована в прошлом году и исследуется в текущем году В. А. Головиным.

Одним из первых перед нами встал вопрос о методике экспериментальных исследований. При исследовании удобочитаемости отдельных букв и слов обычно пользуются следующими методиками: 1) тахистоскопической, 2) дистанционной, 3) периметрической (восприятие букв в боковом поле зрения) и 4) методикой связного чтения.

По целому ряду соображений, мы не считали и не считаем ни одной из этих методик вполне адэкватной задачам нашего исследования. Мы не были бы удовлетворены, поскольку нашу работу над новым латинизированным алфавитом мы начали после двугодичной работы по заданиям ОГИЗ над удобочитаемостью

---

[1] См. Сборник «Ощущения и восприятия» Соцэкгиз, 1935.

[2] Н. А. Головин, К вопросу о сравнительной удобочитаемости гарнитур в Новом Алфавите, ч. I и II (рукопись).

русского алфавита, ни эмпирическими методиками вроде методики связного чтения, ни каким-либо узким лабораторным исследованием в стиле тахистоскопического исследования или исследования удобочитаемости в непрямом видении. Поэтому уже первую по времени нашу работу о седиле, мы вели комбинированным методом — нами был использован тахистоскоп и методика, так называемого, связного чтения.

Мы стремились к тому, чтобы наши исследования приближались к лабораторным опытам, позволяющим не только констатировать факты удобочитаемости, но и описывать и вскрывать причины этой удобочитаемости в результате лабораторного анализа процесса восприятия буквенных знаков. Мы стремились к тому, чтобы на основании такого анализа было бы возможно делать непосредственные указания практике национальной полиграфии.

Счастливый выход был найден в сочетании методики фото-клина с методикой чтения связного текста. Сам по себе фото-клин в оптических исследованиях известен давно. Однако к вопросам удобочитаемости он применен впервые нами. Фото-клин позволяет проследить процесс становления буквенного знака знаком, чего не дает в столь совершенной форме никакая другая методика.

Дистанционная методика также позволяет проследить процесс становления буквенного знака знаком. И при дистанционной методике испытуемый сначала почти ничего не видит, затем видит вместо буквы какое-то пятно, далее какую-то фигуру буквы, затем как-то расчлененную фигуру буквы, далее «кажется» опознает букву и, наконец, опознает ее вполне адэкватно, правильно. Однако дистанционная методика не создает одинаковости оптических условий при предъявлении сравниваемых знаков, не дает возможности точной фиксации времени предъявления и, наконец, связана с неестественным отстоянием буквы от глаза. Все эти недостатки отсутствуют в нашем использовании фото-клина.

Чтобы иметь возможность проверить вскрываемые нами правила удобочитаемости в условиях обычного чтения и чтобы наши практические предложения были убедительны и для практиков национальной полиграфии, мы прибегли также и к чтению специально составленных связных текстов.

Мы всегда стремились наши тексты сделать максимально равнотрудными, причем учли достижения в этом направлении всех других авторов. Нам кажется, что наши тексты выгодно отличаются от текстов других авторов тем, что при их составлении были учтены самые разнообразные требования, которые возможно предъявить к равнотрудному тексту — психологические, литературоведческие и полиграфические. Мы все же не считаем, чтобы наши тексты были в этом отношении вполне совершенными. Здесь предстоит еще длительная и серьезная работа.

Когда мы перешли к исследованию удобочитаемости сочетаний графем, мы естественно должны были поставить вопрос и о чтении в непрямом видении. Здесь мы воспользовались обычной периметрической установкой, которую мы, однако, постарались

сделать максимально совершенной в отношении оптических и экспозиционных условий (работа Ф. Ш. Тагирова).

Другая трудность наших исследований состояла в нахождении адэкватного задачам исследования экспериментального материала. Зарубежные авторы, все без исключения, пользовались для опытов какой-либо гарнитурой шрифта. Мы же в нашей лаборатории стали говорить о графемах буквенных знаков. Нашим экспериментальным материалом в лабораторных опытах служили графемы. Под графемой мы понимаем структурно-графический костяк буквенного знака вне его гарнитурных наслоений. Например, буква «а» или «в» во всех гарнитурах имеет некоторый графический костяк, каркас, некоторую графическую схему, которая облекается в стилевую плоть той или другой гарнитуры. Графем в полиграфической практике не существует. Ближе всего к графемам букв стоит их гарнитурное оформление в гротесковом семействе — без волосных линий, без серифов и без какой бы то ни было графически-стилевой вычурности.

Исследования зарубежных авторов в силу только одного этого обстоятельства обречены на эмпиризм. Если исследована одна гарнитура, то у исследователя по существу, нет права переносить выводы данного исследования на другую гарнитуру. Если же мы имеем дело с графемами, и знаем графические особенности различных гарнитур, то выводы нашего исследования пригодны для любой гарнитуры, так как каждая гарнитура построена на графемной основе.

Далее, буржуазные авторы в качестве материала исследования удобочитаемости использовали преимущественно изолированные буквы, отчасти их бессмысленные сочетания, в незначительной мере осмысленные слова и связные осмысленные тексты. Как показывают исследования этих же авторов, должно быть категорически противопоказано исследование удобочитаемости изолированных, не приведенных ни в какую систему знаков, во-первых, потому что чтение слова не есть простая сумма чтений отдельных букв, во-вторых, в таких условиях чтение каждого изолированного знака в сильной степени определяется свойством других знаков, взятых в исследование. Например, Тинкер [1] в одном и том же экспериментальном ряду имел буквы, цифры, геометрические фигурки и математические знаки. Однако, если в исследуемом ряду имеются, например, цифры, то 1 понижает читаемость 1 и l, ноль понижает читаемость буквы о и т. д.

Слова со смыслом чрезвычайно опасны (в качестве экспериментального материала) тем, что их равнотрудность всегда относительна культурному развитию, кругу знаний и интересов испытуемого, поэтому, по существу, равнотрудных слов создать почти что невозможно. Самая серьезная опасность состоит в том, что различия в равнотрудности могут оказаться более значительными, чем различия в исследуемых полиграфических показателях.

[1] Tinker, M. A. The relative legibility of the letter, of digits and of certain mathematical signs Journal of Experimente Psychology, 1928, I. 472—496.

Уход в бессмысленные сочетания букв также мало рационален. Такие сочетания преследуют обычно лишь одну цель — избавиться от смысла, будто это обстоятельство может придать им подлинную равнотрудность. Различия в графической структуре таких сочетаний весьма существенны.

Поэтому мы выдвинули идею слов-моделей и сочетаний-моделей[1]. Слова-модели звучат как обычные слова, они только не имеют смысла. Их возможно также отнести к какой-нибудь части речи. Мы брали существительные. Они имеют падеж и число. Вместе с тем структурно-графически они совершенно однотипны, так как строятся по произволу; оптически, акустически и артикуляционно они совершенно подобны. Словами-моделями мы пользовались преимущественно в наших исследованиях над русским шрифтом. В работах же над новым алфавитом мы чаще всего прибегали к сочетаниям-моделям. Дело в том, что все буквы нового алфавита, несмотря на их большое графическое разнообразие, вообще имеют не так много форм своего соотношения к соседним буквам. Мы брали или некоторое чисто графическое соотношение (работа о знаке мягкости) или же следовали типическим случаям сочетаний реальных графем (работа о конкурирующих графемах и гарнитурах). Сочетания — модели избавляли нас, следовательно, от опасности различных в смысле и в то же время давали возможность исследовать не изолированные буквенные знаки, а их типические сочетания.

Мы пользовались и осмысленными словами (работа о седиле), но, во-первых, это было на первой стадии нашей работы, во-вторых, и их мы строили по типу слов-моделей, для чего мы самым тщательным образом знакомились со всем словарем изучаемого языка, имея своим помощником специалиста в данном языке.

Связными текстами мы пользовались, всегда отдавая себе отчет в их принципиальном несовершенстве и в специфическом значении, как материале контрольных, но не решающих исследований.

Переходя к проблемам наших исследований, следует отметить, что одним из наиболее существенных вопросов для нового алфавита является вопрос о позиции диакритических знаков в графемах. Выше указывалось, что применение диакритики, а теперь скажем и диакритико-подобных знаков, — один из приемов образования вариантов и дериват от основных буквенных знаков нового алфавита. Среди работников национальной полиграфии, как, впрочем, и среди других полиграфистов, было распространено мнение, что диакритика сверху, например, б читается лучше, чем диакритика снизу ọ. Еще Жаваль (Javal)[2] и Кон (Kohn)[3] указы-

[1] В какой то мере эта идея намечалась и у некоторых из зарубежных авторов, например, у Торнера (Thorner, H. Experimentelle Untersuchungen für Psychologie des Lesens. I und II Teil. Archiv für die gesamte Psychologie 1929, Hd. 71., 127—164; 164—184.), однако она не была ими систематически реализована.

[2] Javal, E., Essai sur la phystologie de la lecture. Annales d'oculistique. 1878—1879.

[3] Cohn, H., Die Hiigiène das Auges in der Schulen. 1883.

вали на худшую читаемость низа букв на том основании, что можно прочесть строку, напечатанную латинскими буквами, если даже закрыть ее нижнюю половину. Некоторые из зарубежных исследований последнего времени доказывают то же. Однако, едва ли этот вопрос должен решаться таким именно образом. Нам казалось, что верх букв в латинском алфавите читается лучше не потому, что он верх, а потому, что верхняя часть букв латинского алфавита содержит большее число признаков — различителей, или, как их называет Ф. Ш. Тагиров, функциональных элементов — различителей.

Построение и расположение этих диакритик и диакритико-подобных знаков имеет определенное влияние на удобочитаемость текста, отдельных слов и буквенных знаков. В национальных латинизированных алфавитах встречаются следующие позиции диакритических знаков: седиль снизу, точка сверху, двоеточие сверху, черта сверху, черта в центре, черта в середине буквы, то же справа, черта снизу и кружок сверху. Диакритико-подобными элементами, как и в основном латинском алфавите, являются: вертикальная черточка сверху справа, — d, сверху слева — b, снизу справа — q, и снизу слева — p. В связи с этим вопросами исследования, произведенного Ф. Ш. Тагировым, служили:

1) влияние на удобочитаемость графем верхней и нижней диакритики;

2) то же в отношении правой и левой позиции диакритики и

3) изменение читаемости диакритических и диакритико-подобных знаков в связи с формами основного корпуса графем.

Исследование было произведено на прямолинейных и овальных графемах с использованием методики фото-клина. В экспериментальном материале были даны все возможные позиции диакритических и диакритико-подобных знаков.

В исследовании Ф. Ш. Тагирова было найдено, что в графемах с одинаковой графической нагрузкой верха и низа во всех случаях нижняя диакритика читается лучше верхней. Следовательно, его предположение о том, что верх латинских букв читается лучше не потому, что он верх, а потому, что в нем больше признаков — различителей, это предположение в исследовании полностью подтвердилось. По мнению Ф. Ш. Тагирова, причиной лучшей удобовоспринимаемости графем с нижней диакритикой надо считать то, что нижняя (от оптической или геометрической середины) половина фигуры может оптически выдержать бóльшую нагрузку, чем верхняя половина. Иначе говоря, фактическая равномерность графической нагрузки верхней и нижней половины вертикальных фигур не равняется оптической равномерности этой нагрузки. Оптическая равномерность графической нагрузки вертикальных фигур предполагает большую нагруженность нижней половины.

Как показали результаты исследования, правая или левая позиция диакритики не может получить абсолютной оценки.

Благоприятнее та из двух позиций, которая в наибольшей степени увеличивает динамичность графем в направлении чтения. Это положение подтверждается также и тем, что для овальных графем правая или левая позиция имеет большее значение, чем для прямолинейных. Сама же по себе овальная графема более динамична, чем статичная прямолинейная.

Здесь наше исследование соприкасается с двумя чрезвычайно интересными вопросами удобочитаемости буквенных знаков — с вопросом об общем характере рисунка букв и с вопросом об ее направленности в сторону или против направления чтения по строке. В других работах лаборатории мы также нашли, что овальные знаки читаются лучше прямолинейных. У большинства зарубежных исследователей мы находим обратное утверждение. Нам кажется, что в силу целого ряда обстоятельств, в первую очередь, вследствие психо-физиологических закономерностей деятельности глаза округлые фигуры должны различаться лучше прямолинейных. Мало того, прямолинейные фигуры, т. е. фигуры с углами должны несколько скругляться. Мы охотно, однако, допускаем, что в сравнительной удобочитаемости в с е х букв латинского алфавита округлые знаки читаются хуже прямолинейных. Однако это объясняется не их овальностью, а тем, что овальные буквы имеют весьма слабую индивидуальную выраженность, — они легко смешиваются между собою, так как все они образованы из одной и той же формы овала, а прямолинейные буквы имеют несколько различных между собой моделей, из которых и образуются. Поэтому они более особенны, менее путаются одна с другой. Если было бы столько же образцов-моделей и для округлых фигур, то они читались бы несравненно лучше прямолинейных фигур и в реальных алфавитах.

Другой весьма существенный вопрос, вскрытый исследованием о позиции диакритических знаков — это вопрос об общей направленности динамики буквенного знака, вопрос, который в своем объеме был разрешен не в данном исследовании, а в работе о конкурирующих графемах. Киршман (Kirschmann) [1] и некоторые другие авторы нашли, что в боковом поле зрения буквы, имеющие выступы налево от глаза, в обратную сторону направления процесса чтения, при предъявлении справа, читаются лучше, чем буквы, имеющие эту направленность по течению процесса чтения, — J, T, читаются лучше, чем E, F, P. Вполне понятно, что это объясняется тем, что такие буквы как бы посылают вперед свои выступающие части. Однако, встает большой вопрос, как будут вести себя эти же буквы при прямом видении. Это вопрос последующего исследования. В данной же работе в известной мере обнаружилось, что в прямом видении лучше читаются буквы типа F, E, P, так как они динамически направлены не против, а по

[1] Kirschmann, F. Über die Erkennbarkeit geometrischer Figuren und schriftzeichnen im indirekten Sehen. Archiv f. d. ges. Psychologie, 1908, Bd. 13, 352—388.

течению процесса чтения. Однако, этот вопрос составляет особую задачу исследования.

Он был решен в исследовании, произведенном также Ф. Ш. Тагировым, о сравнительной удобочитаемости конкурирующих графем нового алфавита. Однако, прежде чем излагать этот вопрос, следует рассмотреть некоторые другие.

Найдя, что нижняя диакритика читается лучше верхней, мы еще не решили вопроса о диакритике полностью. Нужно было указать наиболее удобочитаемую форму нижней диакритики.

Около 20% суммарных букв нового алфавита имеют в качестве диакритики знак, расположенный снизу буквы, так называемый, седиль. В различных национальных алфавитах имеются различные формы седиля. К 1932 г. наиболее распространенными и конкурирующими между собой оказались седили в форме перевернутой запятой, треугольника и черты. Необходимо было указать наиболее удобочитаемый из них. Комбинируя тахистоскопическую методику с методикой связного чтения, мы произвели при участии В. А. Головина, А. В. Евсеева и Ф. Ш. Тагирова, исследование на языках кабардинском, коми и узбекском.

Произведя исследование, мы пришли к заключению, что седиль в форме перевернутой запятой с соединительным штрихом справа во всех случаях читается лучше, чем седиль треугольник или черта.

Исследование о форме седиля позволило нам сделать также и некоторое общее заключение об удобочитаемости знаков — различителей. Знак — различитель, диакритика, наилучшим образом исполняет свое назначение тогда, когда он:

1) будучи связан с фигурой буквы, наиболее отдален от нее оптически,

2) имеет наиболее выраженный контур,

3) наиболее гармонирует с графической структурой и стилем фигуры буквы,

4) создает наилучшие условия для различения буквы при ее нахождении среди других букв в условиях их последовательного вступления в зрительное поле при чтении.

При этом интересно отметить, что лучшая читаемость седиля в виде перевернутой запятой не может быть объяснена большей физической величиной этого седиля. По общей площади он занимает последнее место среди всех трех.

Таким образом, исследование о седиле указало с полной убедительностью, что причины удобочитаемости буквенного знака надо искать не только в нем самом, но и в его отклонении к другим знакам.

В еще большей степени это правило обнаружилось при исследовании сравнительной удобочитаемости конкурирующих знаков мягкости. Этот вопрос также был одним из наиболее существенных для Комитета Нового Алфавита. В его экспериментальном разрешении мы были особенно тесно связаны с графиками и полиграфистами. Здесь мы решили создать несколько проектов мягких знаков на основании существующей практики националь-

ной полиграфии и на основании теоретических предположений А. А. Реформатский дал проект: ⌡, в дальнейшем обозначаемый буквой «Р»; Ф. Ш. Тагиров выдвинул проект: ⌊, обозначаемый далее буквой «Т». Наконец художник-график Н. И. Пискарев рекомендовал следующую форму мягкого знака: ʔ («П»).

Исследование было осуществлено нами методикой фото-клина, т. е. давался анализ восприятия знака при вариации светлого контраста между фигурой знака и фоном бумаги. Материалом экспериментов служили типичные сочетания моделей знаков мягкости с округлыми и прямолинейными знаками-моделями.

Мы нашли, что наилучшим с психологической точки зрения является проект «Т», так как мягкий знак в форме: ⌊

1) оптически и физически тяготеет к левому, т. е. смягчаемому знаку,

2) адэкватно опознаваем лучше, чем пламеневидный знак «П», занимая одинаковое положение в этом отношении со знаком «Р».

Знаки «П» и «Р» должны быть отвергнуты оба, так как они оптически устремлены не к смягчаемому ими знаку, а от него, иначе говоря, графика этих знаков не репрезентирует выражаемого ими фонематического свойства.

К тому же пламеневидный знак «П»: ʔ

1) трудно адэкватно опознаваем,

2) требует большого внимания и хорошего зрения для вполне правильного восприятия и

3) не соответствует общему графическому стилю основного латинского алфавита, в котором аналогичные знаки означают или акцент (ударение) или пропуск.

Оба знака не вызывают адэкватного названия в сознании читателя, особенно если последний знаком с одним из европейских языков.

Исследование знака мягкости показало, насколько важно заботиться не только о лучшем оформлении каждого буквенного знака самого по себе, но и том, как он графически может соотноситься к другим знакам. Индивидуальная выраженность, особенность буквенного знака — основное условие его удобочитаемости. Однако, удобочитаемость всего алфавита определяется и тем, какие позиции занимает каждый знак среди других. Буржуазные исследователи этого вопроса почти что еще и не поставили. Здесь нам особенно помог наш прием использования в качестве экспериментального материала сочетаний — моделей буквенных знаков.

С другой стороны, исследование мягкого знака показало, насколько восприятие буквы определяется уменьем ее назвать, насколько оно зависит от умозаключения, при различении одного знака от другого. Каждый новый вводимый знак в этом отношении каким-то образом соотносится к уже существующим знакам алфавита. В таком смысле стиль алфавита есть не только его графическая модельность, но и однозначность выражения фонетического состава языка, которое определяется наличным в сознании читателя опытом владения другими алфавитами.

Это последнее обстоятельство было вскрыто с наибольшей

выпуклостью при исследовании вопроса о влиянии на удобочитаемость буквенных знаков нового алфавита различных приемов образования дериват и вариантов.

В алфавитах, построенных на латинской основе, существуют различные приемы графической вариативности буквенных знаков в целях отражения фонематической вариативности звукового состава различных языков. Наиболее распространенными приемами являются:

1) лигатуры — æ, œ и т. д., и близкие к ним буквы — aa, ee и т. д.;

2) точечная, линейная и иная верхняя диакритика — ä, ā, â /, á, å и т. д.;

3) различные виды нижней диакритики — ç ę ą и т. д.;

4) срединная диакритика — с о и т. д.;

5) перевернутость знака — ə ч и т. д. и

6) так называемые составные буквы — ch, ph, sh, dz и т. д.

Новый латинизированный алфавит лигатур, как правило, не имеет. В нем применяются лишь, так называемые, сдвоенные буквы.

Вопрос о точечной и линейной диакритике был разрешен в упомянутом выше исследовании Ф. Ш. Тагирова. В его же работе указано преимущество нижней диакритики перед срединной и верхней. Вопрос о седиле и мягком знаке, как приемах диакритирования, разрешен в наших экспериментальных работах. Перевернутость знаков, как прием образования их дериват и как прием создания новых знаков, был рассмотрен Ф. Ш. Тагировым при анализе вопроса об удобочитаемости конкурирующих графем.

Таким образом, в данной проблеме к 1934 г. оказались не исследованными лишь два вопроса:

1) вопрос об удобочитаемости сдвоенных знаков и

2) вопрос об удобочитаемости составных знаков сравнительно с одинарными диакритированными знаками.

После экспериментальной проверки этих вопросов методикой фото-клина мы нашли следующее.

Как при чтении отдельных знаков, так и в графемо-сочетаниях — моделях в целом составные графемы читаются лучше одинарных диакритированных. Это становится вполне понятным, если иметь ввиду, что всякая диакритика, как правило, ведет к измельчанию знака и к его сходству с тем знаком, от которого он образован. Если при этом конкурирующие составные графемы образуют хорошо расчлененную группу, тогда данное правило выступает с особой отчетливостью. Таковы все сочетания с буквой h.

Причина этого явления лежит вовсе не в том, что сдвоенные графемы занимают больше пространства, что они более броски, чем одинарные диакритированные. Если с составной графемой конкурирует одинарная, но не диакритированная, то она читается или одинаково, или иногда даже и лучше составной графемы, особенно если последняя оптически не выразительна или легко смешивается с другими, или распадается.

Исследование показало также, что некоторые из новых введенных графем нового алфавита, например, з ŋ ɣ, конкурирующие с составными, читаются лучше последних. Здесь, видимо, лежал бы путь к более рациональному заполнению отсутствующих в латинском алфавите буквенных знаков, но необходимых для некоторых богатых в фонетическом отношении национальных языков. Видимо, путь изобретения новых графем в стиле основного латинского алфавита в новом алфавите использован недостаточно.

Знак-различитель успешно выполняет свою функцию, если он один. Если же буква диакритирована дважды, то при всех условиях она читается хуже всякого другого конкурента, если бы последний и был даже составным, причем одна из его букв диакритирована.

Вопрос об общей графической форме и структуре буквенного знака, как об условии его удобочитаемости, был нами поставлен при исследовании удобочитаемости конкурирующих графем, произведенном Ф. Ш. Тагировым.

Конкурирующие графемы явились в результате стремления унифицировать отдельные национальные алфавиты. В новом алфавите имелось 33 пары конкурирующих графем. Кроме того некоторые графемы, выражающие различные фонемы, настолько графически близки друг к другу, что требовалось каким-то образом их усовершенствовать, придать им больший индивидуальный характер. Требовалось также изменить ѣ и ѳ.

В отличие от буржуазных авторов, мы не считали возможным исследовать вопрос на материале букв какой-либо гарнитуры. Любой стиль гарнитур мог заслонить зависимость удобочитаемости буквы от ее свободного от гарнитурных наслоений графического костяка. Другим недостатком буржуазных авторов был чисто эмпирический характер исследований, в которых причины явлений указывались после теоретических манипуляций, а не в результате анализа процесса чтения. В методиках буржуазных авторов не было возможности проследить процесс становления буквы буквой. Однако, это особенно важный процесс. В нем вырисовываются все особенности графической структуры данного знака. Для этих именно целей мы и применили, собственно говоря, методику фото-клина. Мы всегда стремились к тому, чтобы наши работы указывали не только эмпирические результирующие факты удобочитаемости, но и вскрывали бы изучаемый процесс, позволяли бы производить описание его течения и указывать особенности и причины его совершения.

Получив задание от ВЦК Нового Алфавита, мы стремились в конкурирующих графемах найти какую-нибудь систему, как нибудь их классифицировать. Если в этой классификации, по нашему мнению, было то, что мы привыкли называть пустым местом, то мы его заполняли теоретически предполагаемой формой графемы, или добавляли из существующих, хотя бы последние и не конкурировали ни с какими другими. Это делалось для того, чтобы в искомой закономерности можно было определить все ее точки,

уловить ее тенденцию и тем самым иметь возможность расширить полученные данные за пределы непосредственно бывшего в опыте материала. Например, в исследовании Ф. Ш. Тагирова мы говорили вообще об h-образных, об p-и f-образных, о g-образных, об x-и φ-образных и, наконец, об e-образных графемах, считая, что они дают исчерпывающую классификацию конкурирующих графем.

В согласии с зарубежными авторами в исследовании было найдено, что удобочитаемость графем определяется прежде всего их графической конструкцией.

В отличие от зарубежных авторов было указано, что здесь весьма существенное значение имеет динамическая направленность графемы и форма и позиция диакритического знака. Например, графема o статична, графема b имеет положительную динамичность, графема d — отрицательную. Графема b построена по течению процесса чтения, графема d — против. В данном исследовании была внесена весьма существенная поправка по вопросу о чтении диакритики в зависимости от ее верхней или нижней позиции. В этом исследовании общее положение о лучшей читаемости внизу расположенной диакритики дополнилось указанием на то, что это правило относится только к равномерно в отношении верха и низа нагруженным графемам. Если же верхняя и нижняя нагрузка графемы не одинакова, то диакритический знак читается лучше тогда, когда он расположен в менее загруженной части графемы, независимо от того, верхняя или нижняя это часть. Например, диакритированная буква a читается лучше тогда, когда диакритика помещается сверху, а не снизу.

Одним из весьма существенных выводов исследования явилось положение, что читаемость графемы не носит абсолютного характера, — она зависит от общего графематического состава алфавита. Это положение не ясно, даже такому крупному исследователю в нашей области, каким является Тинкер, который в одном ряду исследует удобочитаемость и букв, и математических знаков и символов. Однако, как показало данное исследование, например, присутствие или отсутствие в алфавите графемы o коренным образом изменяет удобочитаемость графемы e, графема ə сама зависит и определяется в то же время удобочитаемостью графемы. e. Дальнейшие пути рационализации алфавитов, повышения их удобочитаемости должны итти по пути выработки графического ансамбля букв данного алфавита, причем необходимо принять во внимание не только все позиции данного знака среди других знаков, но и частоту его встречаемости.

В 1935 г. данное исследование было продолжено. Был поставлен вопрос об удобочитаемости сочетаний-моделей, чтобы определить относительную удобочитаемость графем, а также вопрос о читаемости графем в боковом поле зрения. Совершенно очевидно, что без определения читаемости графемы в боковом поле зрения, мы делаем нашу работу неполноценной и суженной. При чтении обычного текста мы имеем дело и с прямым и с непрямым зрением. Одним из существенных недостатков буржуазных авто-

ров является то положение, что почти никто из них не пользовался обоими методиками одновременно, требование чего заложено в самой природе чтения.

Исследование Ф. Ш. Тагирова 1934—1935 гг. с еще большей убедительностью показало нам, что графема опознается тем лучше, чем совершенно она оформлена как графическая система, чем больше она индивидуально выражена и чем в большей степени созвучна с общим ансамблем алфавита.

Дополнительно выяснено, что округлые фигуры лучше воспринимаются потому, что они ярче выступают из фона, стремятся стать по отношению к нему фигурами, прямолинейные же фигуры, не имея, как правило, замкнутых частей, сами стремятся распасться по фону.

В непрямом видении, при прочих равных условиях, нижняя диакритика читается лучше верхней, как и в прямом видении.

Относительно динамичности графем удалось выяснить, что она имеет место не только в отношении отдельной графемы, но и применительно к графемосочетанию. Здесь наибольшее значение имеет динамичность начальной графемы, а не последней или средней. Вообще говоря, чтение графемы определяется также ее местом в слове. В подавляющем числе случаев быстрее и лучше опознаются графемы начальных позиций. Второе место в этом отношении занимают конечные графемы. Средние графемы в отношении опознания находятся в наименее благоприятном положении.

Позиция графемы и ее динамичность взаимодействуют. Лучше всего читаются начальные прямо динамические графемы, особенно, если они еще имеют выступы и находятся среди безвыступных графем.

Одним из наиболее существенных выводов данного исследования являются некоторые указания по вопросу о том, как же из отдельных буквенных знаков вырастает их система. Найдено, что сам по себе буквенный знак в тех или других условиях окружения другими знаками может несколько видоизменять свою выраженность. Знаки прямо динамические, находясь в позиции, усиливающей значение их прямодинамичности, читаются лучше, чем во всех других позициях. То же замечено и в отношении знаков отрицательной динамичности, которая может усиливаться или уменьшаться в зависимости от соседних букв.

Весьма положительна в этом отношении расчлененность слова на отдельные графические группы в их систематическом взаимоотношении. Для расчлененности в условиях нового алфавита наибольшую роль играют диакритические и диакритико-подобные признаки-различители.

Как уже указывалось выше, одной из задач комитета нового алфавита была унификация и стандартизация рукописных знаков новых латинизированных алфавитов. Разработка новых проектов рукописных знаков и выбор из конкурирующих лучших определяется двумя моментами, во-первых, удобством написания буквенного знака, во-вторых, степенью его удобочитаемости. При од-

ной и той же легкости и при одном и том же времени написания буквенные знаки, в зависимости от их рисунка, могут быть более или менее удобочитаемыми. Процесс чтения рукописи и обучения письму будет значительно облегчен тогда, когда между рукописными и печатными буквами будет определенное сходство. Вместе с тем весь рукописный алфавит должен быть выдержанным в определенном графическом стиле на основе латинского алфавита.

Работа о рукописных знаках была выполнена Е. В. Гурьяновым, который поставил перед собой задачу не только определить сравнительную удобочитаемость и легкость написания отдельных знаков и отобрать лучшие из конкурирующих, но и наметить основные методические предпосылки обучения письму на новом алфавите, присоединив к ним проект стандартного рукописного алфавита.

Материалом исследования служили как всевозможные азбуки и альбомы, так и специально проведенные диктанты и корреспондентские письма. Удобство написания знаков определялось в специальном лабораторном эксперименте — измерялось сравнительное время написания отдельного знака и его устойчивость, сопротивляемость деформации. Удобочитаемость определялась обычным для нас методом при помощи фото-клина. Учитывались также затруднения, возникающие у испытуемых при чтении рукописного текста.

В отличие от большинства зарубежных и отечественных авторов, Е. В. Гурьянов дал глубокий и всесторонний анализ рукописных знаков. При анализе рукописных знаков им учитывалось:

1) число и характер элементов, образующих данный знак,

2) отрывы пера,

3) наличие острых углов, легко деформирующихся при быстром письме,

4) легкость соединения знака с предшествующими и последующими буквами и

5) устойчивость или деформация знака.

Каждый буквенный знак представляет собой сложную моторно-графическую систему. Поэтому очень трудно вычленять из буквы ее отдельные части. Условно Е. В. Гурьянов простым графическим элементом считал графическую форму, образуемую плавным изменением направления движения при письме без образования острого угла или заменяющей его петли.

В согласии с нашим анализом печатных знаков, лучшим из рукописных знаков, при прочих равных условиях, считался знак, имеющий меньшее число элементов. Однако, как и в печатных буквах, мы не увлекаемся чрезмерной простотой знака. Чрезмерно простые для написания знаки, как показали опыты Е. В. Гурьянова, при чтении рукописи смешиваются с элементами более сложных букв и тем самым затрудняют чтение рукописи.

В исследованиях удобочитаемости печатных знаков мы нашли, что округлые знаки читаются лучше прямолинейных. В исследовании рукописных знаков нового алфавита мы также получили весьма низкую оценку острых углов. Они труднее и медленнее

пишутся, особенно в сравнении с округлыми линиями и легко деформируются при быстром письме.

Удобство написания знака определяется формой его соединения с предшествующими и последующими знаками. В работе Е. В. Гурьянова дается исчерпывающая классификация этих форм.

В результате исследования Е. В. Гурьянов дал проект стандартного алфавита рукописных знаков с методической запиской обучения ему. С соответственными исправлениями они приняты Комитетом Нового Алфавита.

Из отдельных результатов здесь следует отметить следующие.

Мы нашли, что лучшей формой печатного седиля является перевернутая запятая с соединительным штрихом справа. Однако в исследовании о рукописных знаках найдено, что седиль в виде запятой, поскольку он требует отрыва пера и тем самым нарушает связность письма, замедляя его темп, такой седиль значительно уступает седилям, не требующим отрыва пера при письме. Наилучшим оказывается седиль в виде петли. Однако это и есть рукописная форма печатной запятой, приспособленная к позиции седиля. Поэтому мы не видим расхождения между данными двух исследований, тем более, что и Е. В. Гурьянов рекомендует в некоторых случаях употребление запятой, близкой к печатной форме.

В согласии с исследованием печатных знаков, в отношении рукописных диакритик также противопоказана точечная диакритика, особенно двоеточие.

В согласии с нашим общим мнением, Е. В. Гурьянов рекомендует оставить прописные буквы наряду со строчными. Он не солидаризируется в этом вопросе с некоторыми как зарубежными, так и отечественными увлекающимися реформаторами. По его мнению, при чтении рукописного текста прописные буквы служат ориентировочными вехами. Размеры букв при быстром письме часто нарушаются, поэтому одинаковость графической формы будет затруднять различение прописных и строчных букв, что очень важно для адэкватного понимания текста. Не все строчные буквы по их форме могут быть написаны прописными. К тому же во всех алфавитах, построенных на основном латинском, прописные буквы применяются. К тому же они имеют широкое распространение при научных обозначениях.

Таков круг вопросов, таковы методы экспериментирования и результаты, в их общей систематической форме, наших исследований удобочитаемости буквенных знаков нового алфавита. Подробное их изложение и практическое предложение смотреть в специальном сборнике: «Новый Алфавит и психология», подготовленном к печати.

ТОГЖАНОВ Г.

О ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА НА КАЗАКСКИЙ ЯЗЫК.

Издание на казакском языке произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — является весьма ответственным и трудным делом.

Существует две основные причины трудностей, встречающихся у нас в этом деле.

Первая причина заключается в том, что казаки бывшие в историческом прошлом, в до-советский период одним из наиболее отсталых народов, как в экономическом, так и в общественно-политическом отношении еще в массе своей находятся на сравнительно невысоком культурном уровне. Отсюда—исключительная сложность и трудность задачи правильно довести до сознания этих масс идеи марксизма—ленинизма, созданные носителями самой передовой, самой высшей социалистической культуры.

Вторая неразрывно связанная с первой трудность работы заключается в бедности казакского языка. Бедность казакского языка, понятно, относительна. В недавнем прошлом наш язык был достаточно богат для обозначения всех явлений старой аульной жизни, для выражения понятий, связанных с животноводческим хозяйством, с кочевым и полукочевым образом жизни в степях, пустынях и предгорьях. Но в сравнении с языками промышленно развитых и культурных народностей казакский язык, конечно, беден. Здесь со всей силой сказывается дореволюционное прошлое, когда Казакский край был отсталой колонией царской России. Для всего, что отсутствовало в жизни дореволюционного аула, — науки, техники, общественно-политических организаций — для всего этого в казакском языке, конечно, не могло быть соответствующих установившихся обозначений, способов и знаков выражения. Это зияющее отсутствие необходимых терминов постепенно и с большим трудом заполняется в настоящее время. Процесс формирования новой терминологии усиленно стимулируется огромным культурным ростом казакских масс, в частности — растущим спросом на серьезную научную политическую литературу. Но пока еще для переводов такой литературы на казакский язык — и в первую очередь произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — частенько не хватает терминов. Наша работа по терминотворчеству еще отстает.

Происшедшие после победы Октября изменения в экономике и культуре Казакской социалистической республики самым благотворным образом отразились на развитии казакского языка — он стал значительно богаче. У трудящихся казаков теперь имеется ряд высших учебных заведений — университет и различные институты, преподавание в которых уже частично ведется на казакском языке, а через некоторое время, несомненно, полностью будет переведено на казакский язык; таким образом, казакский язык становится языком науки. Имена Маркса, Энгельса, Ленина Сталина и все основные и наиболее популярные понятия, связанные с деятельностью вождей пролетариата, теперь настолько хорошо известны массам казаков, что речь о них можно слышать даже из уст ребенка. Постепенно казакские трудящиеся получают на родном языке и печатные произведения классиков марксизма-ленинизма.

Без лишних слов ясно то огромное значение, то революционное воздействие, которое переводы классиков марксизма-ленинизма оказывают на ускорение развития новой, социалистической культуры в Казакской АССР.

Казакские трудящиеся, становящиеся сознательными и культурными гражданами социалистической страны, должны усвоить учение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — в подлиннике. Без этого нельзя говорить о доведении социалистической культуры до масс казаков, о том, чтобы поднять их культурность до уровня передовых народов советской страны. Усвоить же марксизм-ленинизм казаки смогут в наискорейший срок в том случае, если будут изучать гениальные произведения основоположников марксизма на своем родном языке.

К настоящему времени на казакском языке напечатаны около 30 книг произведений классиков марксизма-ленинизма. Это составляет лишь небольшую часть их трудов, а поэтому не может нас удовлетворить. На казакском языке должны быть изданы в с е основные произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

**
*

Необходимо, чтобы перевод произведений классиков марксизма-ленинизма был совершенно точен. Из вышедших книг лишь небольшая часть переведена правильно, без искажений смысла и стиля подлинника; в большинстве переводов имеется много недостатков, искажающих подлинник. Вследствие этого ряд изданных на казакском языке переводов, в том числе «Вопросы ленинизма», «Марксизм и национальный вопрос» — Сталина, «Что такое друзья народа» — Ленина и др. оказался непригодным.

Основной недочет в работе по переводам заключается в н е д о с т а т о ч н о с т и п а р т и й н о г о к о н т р о л я, н е д о с т а т о ч н о с т и б о л ь ш е в и с т с к о й б д и т е л ь н о с т и. Произведения вождей пролетариата до последнего времени переводили на казакский язык случайные переводчики, за эту работу брался каждый, кому было не лень. Факт и то, что переводы классиков

марксизма-ленинизма на казакский язык не имели серьезных, ответственных редакторов. Такое отношение к переводам произведений марксизма-ленинизма совершенно недопустимо.

Мы должны брать в пример ту серьезность, то сознание ответственности, с которым относились к переводам их работ на другие языки Маркс и Энгельс. Когда труды Маркса переводились на английский язык, основную работу по организации переводов и их редактированию выполнял лично Энгельс; был и такой период, когда из-за отсутствия хорошего переводчика, Маркс лично хотел взяться за эту работу. Перевод первого тома «Капитала» на французский язык возглавлял и редактировал сам Маркс. Для того, чтобы принять участие в переводах, Маркс и Энгельс иногда откладывали самые важные свои работы. Перевод на каждый новый язык произведений марксизма расширял влияние марксизма на новую страну, вносил социалистическое сознание в рабочее движение еще одной страны, чтобы вывести его на единственный правильный путь — на путь пролетарской революции, путь борьбы за социализм.

Только избранным людям поручала партия первые переводы трудов Маркса и Энгельса на русский язык. И сейчас ЦК ВКП(б) во главе с т. Сталиным исключительное внимание уделяют совершенствованию переводов трудов классиков марксизма. В настоящее время переводы произведений Маркса и Энгельса на русский язык заново просматривает и исправляет один из виднейших большевиков-ученых, директор института Маркса — Энгельса — Ленина, т. Адоратский. Такого отношения к переводам не было в Казакстане. Лишь в последние годы, благодаря т. Мирзояну на это дело обратили серьезное внимание и в нашей республике.

Классовый враг конечно не преминул воспользоваться отсутствием партийного контроля в организации перевода трудов классиков марксизма-ленинизма на казакский язык. Классовый враг проник на этот участок работы и немало здесь навредил. Вопиющим примером такого вредительства служит следующая цитата из переводов Ленина на казакский язык, сделанных известным «вождем» алаш-ордынцев Алиханом Букейхановым. В 1925 г., переводя известную фразу Ленина «каждый принадлежит партии», Букейханов извратил ее так: «В отдельности каждый коммунист является для этой партии рабом с отрезанным ухом, оседланным мерином, дубиной, которой вооружаются при атаке».

Букейханов, прекрасно знающий и казакский и русский язык, конечно, вредил сознательно, умышленно искажая слова Ленина. Примеры подобного вредительского искажения подлинника имеются и в других переводах, сделанных переводчиками-националистами. Не только сами факты искажений произведений классиков марксизма-ленинизма в прежних казакских переводах, но и тот факт, что переводы поручались явным врагам большевизма — казакским буржуазным националистам — ясно говорит о возмутительной беспечности, прямом попустительстве классовым врагам в таком огромного значения политическом деле.

Большим недостатком переводов классиков марксизма-ленинизма на казакский язык является отсутствие единой методики переводов. Каждый переводчик придерживается своего метода, обычно — одного из двух неправильных «методов», распространенных среди казакских переводчиков. Первый из них «казакизация подлинника». Этот метод заключается в том, что переводчик, передавая мысль автора вкладывает ему в уста свои собственные слова. В переводах, сделанных по этому «методу», слов переводчика обычно больше, чем слов автора. По этому «методу» выполнены указанные переводы Букейханова и ряда последующих переводчиков; особенно энергично пользовались этим методом первые переводчики «Вопросов ленинизма» Сталина.

Вот несколько наиболее ярких примеров перевода по этому «методу». В 1928 г. один из переводчиков сочинений Ленина слова Ленина: «Современное общество построено на эксплоатации громадных масс рабочего класса ничтожным меньшинством населения, принадлежащим к классам землевладельцев и капиталистов» — перевел так: «Человеческое общество в современной жизни разделяется на так называемые два слоя: на рабовладельцев и на являющихся рабами. Рабовладельцы — владеющие большими землями (помещики), капиталисты. Являющиеся рабами — трудящиеся». Слова Сталина: «У них, у капиталистов растерянность и перспектива дальнейшего ухудшения положения» один из переводчиков «казакизировал» следующим образом: «У них, у капиталистических государств, во что превратятся будущие дни, неизвестно, есть умопомрачение; всегда мерещатся наклонившиеся черные тучи; предстоит еще большее ухудшение внутреннего состояния». Тут короткое и ясное предложение т. Сталина, состоящее из 10 слов, в результате «казакизации» превратилось в 24 слова, из сочетания которых получается «умопомрачение» у всякого читающего.

Неправилен и второй «метод» нередко встречающийся при переводах классиков марксизма — ленинизма на казакский язык, — метод «руссификации казакского текста», заключающийся в механическом слово в слово переводе с русского языка. За последние 3—4 года — появилось особенно много переводчиков, придерживающихся этого «метода». Одни из них уверены, что перевод будет наиболее точным в том случае, если сделать его совершенно дословным, и при переводе слова ставить в том же порядке, как в русском тексте. Такие горе-переводчики совершенно не желают считаться с тем, что русская речь и русская фраза имеет одни, а казакская — другие своеобразные принципы построения. Игнорируя структурные особенности языков, эти переводчики достигают в своей работе не максимальной точности, а прямо противоположных результатов. Другие из числа сторонников этого «метода» по-просту неграмотны по казакски и думают, что если слова в русском тексте оставить в прежнем порядке и вместо каждого русского слова поставить соответствующее казакское, то это и будет перевод с русского на казакский язык.

Такие переводчики приносят большой вред еще и тем, что способствуют формированию «жаргона переводчиков», который искажает развивающийся казакский литературный язык и отдаляет его от казакских масс. Большая беда заключается еще и в том, что этот безобразный «жаргон переводчиков» за последние годы проникает из переводных книг в наши газеты.

В прошлом году Казпартиздат выпустил на казакском языке брошюру Ленина «Что такое друзья народа» и как они воюют против социал-демократов».Ее переводчиком был т. Кулмурза Утенов, работающий ныне зав. культпропом Восточно-Казакстанского обкома ВКП(б). Тов. Утенов — старый литератор, один из наших литературных критиков. Перевод редактировал т. Айтке Мусин, — второй секретарь Карагандинского обкома ВКП(б), бывший одно время редактором газеты «Социалды Казакстан». Таким образом, и переводчик, и редактор — оба большевики, литераторы; казалось бы для перевода классиков марксизма — ленинизма на казакский язык лучших работников и не найти. Но, к сожалению, сделанный ими дословный перевод во многих местах невозможно понять. Например, имеются в нем такие бессмысленные фразы: «Теория, трактующая о том, что крестьянская жизнь имеет свои специфические особенности, и поддерживает особый подходящий для нашего роста путь, не скрывала того, что господство товарного хозяйства в нашем развитии стало основным, что оно слилось, перешло в капитализм, вместе с этим того, что производственные отношения находятся в форме буржуазных отношений; эта теория превратилась в пустую эклектическую теорию, не видящую необходимости классовой борьбы в таком строе общества. Политическая программа, рассчитанная на подъем крестьянства в социалистическую революцию против основ современного общества, в политике современного общественного строя, превратилась в рассчитанную на улучшение программу штопания крестьянских нужд». Никакой казак этого не поймет, язык этого перевода не казакский.

Некоторые места перевода этой брошюры показывают, что переводчик и редактор слабо знают русский язык. Например, слова Ленина: «Это состояние обеспечило некоторое, сравнительно с теперешним, благосостояние крестьянства, благосостояние крепостного люда, мирно прозябавшего под сенью ста тысяч благородных полицмейстеров и нарождающихся собирателей земли русской — буржуа» — они перевели так: «Это состояние по сравнению с настоящим было хорошее. Состояние живущих благодаря политике ста тысяч полицейских и нарождающейся буржуазии — собирателей земель России крестьянских хозяйств и крепостных рабов было лучше, чем теперь».

Не только тт. Утенов и Мусин переводят на таком языке. Обнаруженные ими «качества» имеются и у других переводчиков, и у других редакторов, даже у некоторых казакских специалистов-языковедов. Казалось бы, переводы, сделанные специалистами-языковедами должны быть безупречными — нельзя и подумать, чтобы специалисты по казакскому языку не знали... казакского

языка. Но, верна казахская поговорка: «Неслыханного много среди людей». Оказывается, существуют и такие «специалисты», которые не знают своей специальности... Этот печальный факт неопровержимо подтверждается следующими цитатами. Тов. Божеев одно место из «Диалектики природы» Энгельса перевел так: «В настоящее время путь промышленности, в большинстве случаев принимая во внимание необходимость усовершенствования природы, сразу заметное глазам, считается как с обществом, так и с природой. Поэтому результаты направившейся в эту сторону откудато работы в большинстве случаев совершенно иные, не приходится удивляться противоположно обще-характерному; это показывает каждое десятилетнее развитие промышленности, это показывает, что Германия, испытав небольшую борьбу в состоянии известного «кризиса» превратилась в это». Другой специалист-языковед т. Аманжалов, перевел высказывания Ленина о диалектике из ленинских «Философских тетрадей», так, что в его переводе буквально ничего нельзя понять.

Такой язык переводов, конечно, не только не обогащает казахский литературный язык, но тормозит его развитие.

Большие трудности создает при переводе классиков марксизма — ленинизма на казахский язык отсутствие выработанной квалифицированной терминологии. До последнего времени у нас не было надлежащего руководства работой по выработке терминов. Каждый писатель, каждый переводчик и газетный работник сам создавал необходимые ему в работе термины. Единой системы терминов у нас не было. В переводах трудов классиков марксизма—ленинизма можно встретить один и тот же термин в нескольких различных значениях. Твердо установившихся научных терминов в казахском языке пока еще мало. Наряду с этим в нашем языке до сих пор применяются даже такие «термины», которые могут быть истолкованы превратно и привести к политическим ошибкам.

Крупный недостаток многих современных переводов с русского на казахский язык, в особенности переводов произведений классиков марксизма — ленинизма заключается в неумении точно передать образность русского языка из-за отсутствия в казахском языке соответствующих средств. Передача образности другого языка является, понятно, очень трудным делом. Этим уменьем может свободно владеть лишь большой знаток истории и литературы, и казахского, и русского языка. Для этого нужно знать также основы истории и культуры ряда других народов — как известно, много образных слов, пословиц, поговорок и т. п. русский язык заимствовал от других народов.

Часть переводчиков, следуя примеру «казакизаторов» стиля беззастенчиво «казакизирует» русские образные слова и предложения. В таких переводах произведений классиков марксизма — ленинизма обычно заставляют говорить образами, связанными с казахским животноводством и кочевой жизнью. Например, русское выражение «плелись в хвосте» переводят «стали привязанными к одной веревке телятами», или «стал годовалым

верблюженком, которому проткнули нос». Слова «человек в футляре» один перевел «запеленеенный человек», другой — «человек, у которого на голове есть шляпа». Некоторые «переводчики» слово «раздул» перевели «имеющее величину с пуговицу превратили в величину с верблюда», слова «аксиома, убедительно, ясно» — перевели — «как будто наложили тавро на стригунка» или «как будто вручили слепому палку».

В ряде мест наши переводчики приписывают Марксу, Ленину и Сталину такие образы: «спутанный скот», «привязанные к одной веревке овцы», «скот, который он пас», «удлинив жердь тоненькой жердью» — и другие подобные образы, очень мало свойственные русскому языку.

Другая группа переводчиков или совершенно пропускает образы русского текста, или передает их как вздумается — и в том, и в другом случае резко снижая силу и выразительность подлинника. Иногда переводят образные выражения дословно, не считаясь с тем, что таких оборотов речи в казакском языке не существует, (например, «вопрос поставлен ребром», «этот номер не пройдет» и т. п.) Чаще всего образные слова и выражения русского текста переводятся так, что ими искажается или смазывается его прямое значение. Например, слова Сталина: «Я вижу улыбку Авгура на лицах...» перевели «лица улыбнулись», или его же слова: «от которых они танцуют всегда, как от печки» перевели: «это они вызубрили наизусть прежде всего они с этого начинают».

Не организована сколько нибудь серьезно научно-исследовательская работа в области переводов трудов классиков марксизма — ленинизма на казакский язык. Почти никто из наших языковедов, переводчиков и редакторов не оценивает переводы как серьезнейшую научную работу — не собирает и не анализирует накапливаемый опыт переводной работы, встречающиеся в ней трудности, большие и малые различия в тексте, вызванные различием структуры казакского и русского языка, и т. п. А между тем все это должно стать предметом углубленного систематического научного исследования. Этим должны заняться товарищи, систематически выполняющие переводную работу, в первую очередь — наши специалисты — языковеды.

В переводах творений классиков марксизма — ленинизма на казакский язык существует еще один совершенно нетерпимый недостаток — опечатки, корректурные ошибки. Часто такие «технические» недочеты вырастают до больших политических ошибок. Между тем у наших издательских работников выработалась привычка относиться к опечаткам, как к неизбежному явлению и они не борятся за качество издательской продукции.

**
*

Таковы главнейшие недостатки переводов произведений классиков марксизма — ленинизма на казакский язык.

Что же нужно делать для устранения всех этих недостатков и для организации правильных переводов трудов классиков марксизма — ленинизма на казакский язык?

Основное — это усиление партийного руководства и партийного контроля, большевистской бдительности в этой работе. Чтобы обеспечить высокое качество переводов произведений классиков марксизма — ленинизма на казакский язык нужно выделить эти переводы из всей остальной массы переводов и уделить этой работе исключительное внимание, соответствующее ее исключительному политическому и научному значению.

Переводы трудов классиков марксизма — ленинизма надо поручать только тем лицам, которые будут рекомендованы на эту работу партийными комитетами. Переводчиками должны быть люди политически проверенные вполне политически грамотные и отлично владеющие русским и казакским литературными языками. Надо освободить переводчиков произведений классиков марксизма — ленинизма от другой работы. Надо решительно изжить довольно распространенный взгляд на переводы, как на заурядную и даже «легкую» работу, а также и пренебрежение к этой работе. Такое отношение отдельных товарищей является показателем их политической невежественности, их неспособности отличить перевод какой-то второстепенной канцелярской бумажки от перевода произведений гениальных классиков марксизма — ленинизма. Переводчики и редакторы переводов произведений классиков марксизма — ленинизма, выполняющие ответственнейшую партийную работу должны быть поставлены в одинаковые условия с людьми, выполняющими наиболее сложную и ценную научную работу.

Необходимо усилить критику переводов произведений классиков марксизма — ленинизма. До последнего времени к изданным переводам относились недостаточно критически, партийные организации не всегда проверяли их с точки зрения правильности перевода, а случаи проверки не доводились до сведения общественности. В целях усиления критики переводов необходимо отдельные произведения тотчас же по выходе их в свет обсуждать не только в кругу критиков, литераторов и переводчиков, но и привлечь к обсуждению широкий партийный актив, всю общественность. Имеется полная возможность организовать массовую проверку качества переводов и критику их недочетов. Все переводы произведений классиков марксизма рассылаются в многочисленные партийные школы, институты, техникумы и т. д. Их руководители и преподаватели в процессе подробной проработки материала с коллективами учащихся имеют полную возможность оценить по достоинству качество перевода, обнаружить недочеты, проверить легкость усвоения текста в данном переводе и т. п. К сожалению, эти работники не привлечены к подобной работе, их мнение не доводится до сведения общественности. Наша печать также не поняла своих задач в отношении переводов произведений Маркса, Энгльса, Ленина, Сталина. На страницах газет и жур-

налов рецензии на переводы появляются чрезвычайно редко. Отныне редакциям наших газет и журналов нужно вплотную взяться за организацию общественной критики переводов произведений классиков марксизма — ленинизма.

В самой критике переводов у нас за последнее время наблюдаются две неправильные тенденции. Одни критики считаются только с тем, насколько понятен казакам язык перевода и отвечает ли построение предложений законам казакского языка,— и не обращают никакого внимания на правильность передачи мысли и стиля автора, на возможность отдельных искажений подлинника и т. д.; другие критики, обычно сами не вполне грамотные по-казакски, вместо серьезной критики придираются к отдельным словам или, по примеру плохих переводчиков, слово в слово переводят обратно с казакского на русский язык, стараясь таким путем обнаружить политические ошибки. Эти товарищи забывают, что если неграмотен и неправилен дословный перевод с русского языка на казакский, то не менее неграмотен и неправилен дословный перевод с казакского языка на русский. Нужно изжить обе эти ошибочные тенденции в критике переводов. Нам нужна правильная и серьезная, подлинно большевистская критика, выполняемая высококвалифицированными работниками, ясно сознающими значение критической работы и свою ответственность за ее качество.

Переводчикам произведений классиков марксизма — ленинизма необходимо установить единые правильные методы переводов, добиваясь того, чтобы мысли и стиль оригиналов без искажений доводились до масс казаков. Расстановка слов, построение предложений в переводах должны быть казакскими, но мысль и стиль подлинного текста должны передаваться без искажений.

Такие русские образные слова и предложения, которые не переводятся на казакский язык могут оказаться непонятными для казаков и исказить смысл текста подлинника — нужно переводить более или менее близкими к ним казакскими образными словами и выражениями, стремясь передать точный смысл русского образа. Наряду с этим нужно искать пути внедрения лучших русских образных слов и выражений в казакский литературный язык. Такое заимствование лучшего образного и терминологического материала из высококультурного русского языка явится правильным методом обогащения казакского литературного языка.

В сочинениях классиков марксизма — ленинизма, особенно у Маркса, нередко встречаются длинные периоды, которые при переводе на казакский язык получаются весьма неуклюжими и слабо передают текст подлинника. В таких случаях длинный период подлинника при переводе целесообразно разбить на 2—3 предложения, при том непременном условии, что не будет искажен смысл подлинного текста и правильно будут переданы его оттенки. Но все же при переводах надо по возможности стараться сохранять авторские длинные периоды. Тем более, что казакскому языку большие предложения и длинные периоды не чужды. За последние годы в казакской литературе вполне понятные, красивые и

большие периоды заняли почетное место, что показывает рост нашего литературного языка.

Иногда переводчики добросовестно передают отдельные предложения автора, не обращая внимания на существующую в подлиннике связь между предложениями, игнорируя построение текста подлинника в целом. Это, понятно, крайне отрицательно отражается на качестве перевода — разрозненные, несвязанные между собой предложения не могут правильно передать текст подлинника. Смысл и стиль подлинника, связь между его предложениями, сила и выразительность образных выражений и слов — все это должно быть возможно полнее передано и сохранено в переводе. Только при этом условии мы доведем до казакских масс подлинное содержание великих творений наших вождей, только при этом условии их переводы смогут на деле выполнить свою исключительную роль.

Нужно выработать и установить научно-политическую терминологию казакского литературного языка. В настоящее время НКПпрос Казакской АССР и казакстанский научно-исследовательский институт марксизма — ленинизма заново пересматривают и устанавливают общественно-политические термины. Эту работу нужно довести до конца и обязать в дальнейшем всех переводчиков и редакторов переводов пользоваться единой, установленной правительственными органами терминологией.

Должны быть изжиты корректурные ошибки — издательской неряшливости должен быть положен конец. И сами переводчики, и редакторы, и корректоры должны нести ответственность за опечатки. А, если несмотря на тщательную корректуру, окажутся опечатки, то нужно практиковать вклеивание в книги специальных листочков с перечнем опечаток и необходимых исправлений.

**
*

Вот те основные замечания, которые можно сделать о переводах произведений классиков марксизма — ленинизма на казакский язык.

Теперь эта работа возложена на Казакстанский научно-исследовательский институт марксизма — ленинизма и явится одной из основных работ института. Институт предполагает в ближайшие 2—3 года перевести и издать первый том «Капитала», первый том двухтомника Маркса — Энгельса, шеститомник Ленина, все сочинения Энгельса и Сталина. Работа предстоит большая и трудная. Под руководством краевого комитета партии, во главе с т. Мирзояном, большевики Казакстана выполнят и перевыполнят этот план и дадут казакским трудящимся переводы произведений классиков марксизма — ленинизма, совершенно правильно и точно передающие мысли и стиль великих гениев человечества.

Открывая казакским трудящимся практическую возможность подняться к теоретическим высотам марксизма — ленинизма, мы решительно ускоряем формирование новой большой, социалистической по содержанию и национальной по форме культуры трудящихся казакского народа.

СЕРДЮЧЕНКО Г.

И. СТАЛИН — ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД XVII С'ЕЗДУ ПАРТИИ О РАБОТЕ ЦК ВКП(б) [1]

(на кабардинском, осетинском, карачаево-балкарском, лакском и лезгинском языках).

Еще в августе 1931 г., в постановлении «Об издательском деле» Центральный комитет партии указал на необходимость «организовать выпуск на национальных языках основных произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина... Поставить издание популярной серии по ленинизму, рассчитанной на малограмотных и на новые слои рабочих и колхозников».

Выполняя это постановление, национальные издательства за последние годы развернули значительную работу, в результате которой на местные языки переведен ряд работ Ленина и Сталина, а также большое количество партийных документов последних лет. Но, как неоднократно уже отмечалось в печати, в ответственной работе по переводу на национальные языки трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина наблюдаются серьезные недочеты, в первую очередь, относящиеся к качеству перевода. Очень часто перевод партийных документов национальными издательствами поручается лицам, не имеющим необходимой политической подготовки и недостаточно квалифицированным в области языковых вопросов. В результате этого в переводе ряда партийных материалов, изданных на национальных языках, имеются грубейшие политические ошибки, извращение основных мыслей и положений классиков марксизма — ленинизма и тех или иных партийных решений (по Сев. Кавказу см. перевод на осетинский яз. доклада т. Сталина — «Об итогах первой пятилетки» и «О работе в деревне»; на карачаево-балкарский и ногайский языки — «Беседы о ленинизме» — В. Карпинского, на лакский яз. ст. Ленина — «Уроки 1905 года», на кумыкский яз. — И. Сталин — «О комсомоле» и др.). Небрежность в оформлении изданий, произвольные пропуски отдельных мест, огромное количество опечаток и т. д., — все это вело и ведет фактически к невозможности использовать в практической работе переведенные на национальные языки материалы.

Национальные издательства к этой большой и весьма ответственной работе подошли недостаточно организованно. Ими не

[1] По материалам Сев. Кав. Крайкома Н. А. и Сев. Кавк. Горского историко-Лингвистического Института.

была организована подготовительная работа ни в области подбора квалифицированных кадров переводчиков и редакторов, ни в области установления политически выдержанной и научно-обоснованной терминологии, а также не учитывался лексический запас того или иного языка. Была забыта и директива ЦК партии о необходимости «организовать сеть различных курсов (в том числе и заочных) для обучения и повышения квалификации авторских кадров в различных областях знания».

В погоне за количеством выпускаемой литературы издательства нередко забывали о борьбе за качество, ослабили партийную бдительность при издании партийных материалов и снизили требования к авторам и переводчикам, нередко допуская обезличку в ответственнейшей партийной работе.

Совершенно бесспорно, что к переводчикам и редакторам переводов произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и других партийных материалов должны предъявляться высокие требования. Они должны в совершенстве владеть не только русским языком и языком перевода, но и иметь серьезную большевистскую марксистско-ленинскую подготовку. А как раз на политическую подготовленность переводчиков в работе национальных издательств далеко не всегда обращалось должное внимание.

Не раз приходилось наблюдать и случаи фальсификации текста под видом работы редактора, комментатора и т. п. На разработке политически выдержанной терминологии не сосредоточили своей работы ни ОблОНО, ни научно-исследовательские институты, ни нацздательства.

Огромное политическое значение терминологической проблемы далеко не всеми из указанных организаций осознано еще и сейчас. А эта проблема имеет непосредственное отношение к борьбе за высококачественный перевод.

***

В нашем распоряжении имеются переводы доклада т. Сталина на XVII партсъезде на осетинский, кабардинский, карачаево-балкарский, лакский и лезгинский языки. Перевод доклада на карачаево-балкарский, лакский и лезгинский языки был поручен отдельным лицам: в Карачае — т. Текееву, лакский перевод — Гаджиеву Гуссейну, лезгинский — т. Вагобаву. Северо-осетинское и Кабардино-балкарское партиздательства поручили перевод специально выделенным бригадам и создали редакционные коллегии для проверки качества перевода. Организация коллективной работы над переводами, не ведущая к обезличке и к потере чувства ответственности за выполняемую работу у каждого из членов коллектива, — шаг несомненно положительный. Но условия, обеспечивающие высокую продуктивность работы коллектива, видимо, учтены не были и во всех переводах доклада т. Сталина на национальные языки края мы находим целый ряд и подчас весьма крупных недочетов.

Недостаточная политическая и языковая квалификация переводчиков и неразработанность терминологических вопросов привели к низкому уровню и качества переводов доклада т. Сталина. При первом же просмотре переводов бросается в глаза произвольное отношение переводчиков и редакторов к докладу. По совершенно непонятным причинам целый ряд мест из доклада переводчиками пропускается и это наблюдается во всех просмотренных нами переводах. Иногда выбрасываются отдельные слова, нередко — целые предложения, иногда даже целые абзацы, в результате чего читатель-националь будет не в состоянии представить себе полностью содержание доклада. Пропуски нередко ведут к искажению основных положений доклада.

Приведем примеры. Так на стр. 3 перевода доклада на лакский язык из фразы т. Сталина: «Выход Японии и Германии из Лиги наций, давший новый толчок росту вооружений и подготовке к империалистической войне» (стр. 538[1]) выпущены слова «и Германии».

В том же переводе на следующей странице фраза оригинала «Если там, в капиталистических странах, идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния, то СССР продолжает систематическую упорную борьбу против угрозы войны и за мир, причем нельзя сказать, чтобы усилия СССР в этой области не имели никакого успеха» (стр. 539) — передана следующим образом: «В капиталистических странах идет лихорадочная подготовка, — в СССР насколько можно стараются преградить войну, не можем сказать, что в этом отношении мы не имеем никаких успехов».

Здесь мы находим уже более значительный, совершенно недопустимый пропуск, ведущий к искажению основных положений доклада.

В этом же переводе на стр. 6 слова т. Сталина: «Понятно также, что эти сопутствующие промышленному кризису разрушительные явления, разыгравшиеся вне сферы производства, не могли в свою очередь не повлиять на ход промышленного кризиса в смысле его усугубления и усложнения» переданы всего лишь одной фразой: — известная вещь, что это дело углубило и усложнило кризис».

Из выражения «опыт первой империалистической войны» при переводе пропущены слова — «первой империалистической войны» (стр. 21). Из выражения «на свою растущую хозяйственно-политическую мощь», выпущено почему-то слово — «растущую».

Фраза оригинала: «Подъем этот был не только простым количественным накоплением сил» (стр. 553) на стр. 17 лакского перевода совершенно пропущена. Подобные пропуски мы наблюдаем на целом ряде страниц этого перевода (стр. 2, 3, 5, 6, 9, 10, 11, 13, 14, 17, 35, 37, 38 и мн. др.)

В осетинском переводе фраза оригинала: «Когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни

---

[1] Доклад т. Сталина цитируется здесь и в дальнейшем по «Вопросам ленинизма», изд. 10-е, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934 г.

в колониях и в зависимых странах той силы и прочности» (стр. 540), передается с пропуском слов: «и не может иметь» (стр. 8).

В результате мало подготовленный читатель может сделать вывод, что если в данный момент капитализм не имеет силы и не организован для выхода из всеобщего капиталистического кризиса, то в будущем он сможет набрать эти силы и выйти из всеобщего кризиса.

Вместо: «первая империалистическая война», переводчик говорит просто: «Об империалистической войне» (стр. 18-я). Подобные пропуски повторяются в ряде мест осетинского перевода.

Нередки пропуски отдельных слов и целых выражений и в переводе доклада т. Сталина на кабардинский язык.

Выражение: «ростом силы и могущества СССР» переводится почему-то без слова «могущества». Выражение: «доведя его (животноводство — Г. С.) до деградации» на стр. 8 перевода совершенно пропущено и т. д.

В карачаевском переводе вопрос т. Сталина: «Чем объяснить этот небывало затяжной характер современного промышленного кризиса?» (стр. 539), передается без слов «небывало затяжной характер» (стр. 6), чем исключается характеристика самой сущности современного промышленного кризиса в отличие от других.

Фраза оригинала: «Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, при чем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города» (стр. 571) переводится с пропуском второй части фразы, начиная от слов «при чем» (стр. 42).

Можно было бы привести еще десятки подобных примеров из переводов доклада на различные языки, но и этих достаточно для иллюстрации произвола переводчиков при переводе речи т. Сталина.

**
*

Неправильное понимание текста подлинника в силу недостаточного усвоения переводчиком русского языка, а отсюда совершенно неверное употребление отдельных слов и выражений, также ведут к искажению текста подлинника.

В переводе на лезгинский язык слова: «привилегия», «привилегированный», передаются термином, обозначающим «доходное место».

Если к этому прибавить механический подход переводчика к системе научного перевода, стремление буквально слово за словом, не учитывая особенностей лезгинского синтаксиса, передать текст русского подлинника на лезгинский язык, то станет вполне ясным, чем объясняется зачастую абсурдный перевод отдельных мест доклада. Место из речи т. Сталина: «Падение цен сделало положение должников (промышленники, ремесленники, крестьяне и т. п.) невыносимым и, наоборот, положение кредиторов — неслыханно привилегированным» (стр.540), переводчик на лезгинский

язык, давая механический, без грамматического осмысления перевод, передал простым набором слов: «падение цен, положение должников невыносимым, совместно напротив положение отдающих деньги в дом вело на неслыханное доходное место» (стр. 13).

Не понимая значения слова «оттеснение», в фразе т. Сталина: «и оттеснение на задний план единоличного крестьянского хозяйства» (стр. 554), лезгинский переводчик пишет: «и это показывает, что хозяйство единоличников положено на задний план» (стр. 44).

В осетинском переводе не уясняется значение слова «третировал». В переводе фразы тов. Сталина: «Рим третировал их «низшей расой» (стр. 546) слово «третировал» передается через «назвал» (стр. 23), чем совершенно искажается смысл фразы.

Не улавливая различия в значении слов «отметить» и «выяснить», те же осетинские переводчики вместо «отметить» нередко ставят «выяснить». В результате фраза оригинала: «Следует отметить, что это левацко-мелко-буржуазная болтовня» (стр.) переводится: «Следует выяснить это и ту левацко-мелко-буржуазную болтовню» (стр. 82).

Большое количество подобных случаев мы наблюдаем в переводе доклада т. Сталина на кабардинский язык.

Здесь слово «бушевал» смешивается в значении со словом: «толкнул». В результате выражение: «Кризис бушевал не только в сфере производства» (стр. 538) переводится: «кризис толкнул не только производство и торговлю» (стр. 5).

Фраза оригинала: «Можно ли выйти из кризиса или нет выхода...» (стр. 538), передается: «Можно ли остановить кризис или нет» (стр. 6).

Слово «обострение» передается через «разлад» (стр. 6). Подобные примеры мы находим также в карачаевском и лакском переводах.

Механическим подходом к переводу и недостаточным знанием грамматической системы своего родного языка и, в частности, законов его синтаксиса объясняются часто совершенно бессмысленные, недопустимые с точки зрения языковых норм стилистико-синтаксические конструкции в переводе.

Примером этого служит приведенное уже нами место из лезгинского перевода.

В результате непонимания основных требований построения научного перевода лакский переводчик фразу оригинала: «В этом итоге — основа прочности внутреннего положения СССР, основа стойкости его передовых и тыловых позиций в обстановке капиталистического окружения» (стр. 555) передает опять же простым набором слов, синтаксически и по значению между собой не связанных: «Этот итог СССР, укрепляющая основа, причина внутри капитализма, его причина стойкости позиций» (стр. 40).

Наибольшее количество подобных случаев мы наблюдаем, именно, в лакском и лезгинском переводах.

Указание т. Сталина на то, что «под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а

уничтожение классов» (стр. 583) — передается так: «равенство марксизма и личные потребности в деле, как уравниловка и что надо уничтожить классы показывают» (стр. 98).

Фраза доклада: ««Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны» (стр. 550), передана механически: «Мы только на это не согласны, чтобы посмотреть этому договору, мир попал под огонь новой войны» (стр. 33).

Подобные примеры в переводах обильны.

***

В терминологии, используемой при переводах, мы наблюдаем то скатывание переводчиков к националистическим установкам, то механическое перенесение в национальные языки самых различных русских слов, иногда не являющихся даже, вообще, терминами. В лезгинском переводе в построении общественно-политической терминологии мы обнаруживаем сильное влияние пантюркизма и панарабизма. Термин «класс» передается здесь через «sinif», термин «катастрофа» переводится через «falaqat», «продукт производства» через «istihsalat», «промышленность», «порядок» и ряд других терминов передаются словами из турецкого и арабского лексикона, известными лишь небольшой группе интеллигенции, воспитывавшейся в старой панисламистской школе, и совершенно нераспространенными и неизвестными в широкой массе трудящегося населения.

В лакском переводе мы наблюдаем стремление, как можно больше терминов, независимо от содержания, заимствовать из русского языка. Здесь мы находим не переведенными на лакский язык такие термины и отдельные слова, как «положение», «основа», «воспитание», «полуаграрный», «вопрос», «связь», «местность», «руководство» и даже «вообще», «уже» и им подобные.

Целиком не переводятся отдельные выражения типа: «вопросы идейно-политического руководства».

Неблагополучно в отношении терминологии и в кабардинском переводе. Отдельные примеры неудачной замены терминов мы уже приводили, дополним некоторыми новыми.

Термин «экономика» передан здесь через «состояние» или «хозяйство». «Под'ем» через — «улучшение», «компас» — «каблямар» и т. д.

Далеко не все благополучно с использованием интернациональной и советской терминологии и в осетинском переводе. Рядом с попытками применения терминов, имеющих интернациональное и обще-советское значение, мы наблюдаем и здесь попытки передавать интернациональные термины и советизмы терминами сугубо национальными и не являющимися эквивалентом советизмам.

Особо необходимо остановиться на терминологии, применяемой в карачаевском переводе. Здесь мы наблюдаем стремления,

получившие широкое распространение среди национального населения, общественно-политические интернациональные и советские термины передавать сугубо «национализированными» терминами.

В результате этого термин «эксплоатация» переводится на карачаевский язык через выражение, обозначающее «съедение чужого труда», термин «продукт» передается через «сокровище», «обострение» в смысле обострения классовой борьбы, передается термином (хьпсь), обозначающим драку животных между собой (бугаев), «призрак» передается через «тень», «нация» и производные отсюда (национал — л и з м — и с т ы и др.) при помощи ««millet», «реконструкция» через «изменение», «уравниловка» через «равенство», «соревнование» через «состязание», «мобилизация» через «сбор», «организация» через «составление», оккупация» через «взятие войной» и др.

Карачаевские работники, видимо, не хотят учитывать того, что искусственные «национальные» термины широкому кругу читателей значительно менее понятны, чем соответствующие им интернациональные термины и советизмы, не говоря уже о неадэкватности, «неуклюжих интеллигентски искусственных терминов» (Ленин), ясности политического содержания, вкладываемого в международную терминологию, созданную пролетарской революцией.

Карачаевские работники, видимо, не учли четкой установки Энгельса: «Необходимые иностранные слова, в большинстве случаев, представляющие научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Значит перевод только искажает их смысл, вместо того чтобы разъяснять он вносит путаницу» («Развитие социализма от утопии к науке»).

Как на недочет в переводческой работе, необходимо указать на использование в переводах большого количества иноязычных терминов без всякого объяснения их и раскрытия содержания хотя бы в подстрочных примечаниях. В лакском переводе на одной странице встречается, например, до 30 терминов, типа: «буржуазные экономисты», «педант», «пакт», «моральный» и др., данных совершенно без каких бы то ни было пояснений.

То же наблюдается в лезгинском переводе, кабардинском и др. Все это несомненно делает перевод недоступным широкой массе трудящихся националов.

**
*

Переводы доклада т. Сталина внешне изданы и технически оформлены значительно лучше, чем обычно выпускаемая национальными партиздатами литература, но и эти переводы не свободны от целого ряда серьезных технических ошибок.

В карачаевском переводе, например, наблюдается полная небрежность в передаче количественных показателей развития народного хозяйства. На стр. 24 в таблице, показывающей удельный вес продукции основных отраслей крупной промышленности

по группе А, вместо 10,2% напечатано 10,5%. На следующей странице вместо 0,6% напечатано 0, 56%. На стр. 26 в таблице в графе «обобществленная промышленность за 1929 г.», вместо 99,4%, дано 9,94%. Подобные опечатки встречаются и на др. страницах: 36, 42, 43 и т. д.

Их мы находим также в лезгинском, осетинском и других переводах.

В результате небрежности не то переводчика, не то технической редакции выражение «миллионные армии» (безработных) в осетинском переводе передано через «миллионная армия» (в единственном числе), чем совершенно искажена мысль т. Сталина (стр. 8).

Большое количество опечаток, помимо указанных, на отдельной странице «опечаток» мы находим в кабардинском переводе. Нередко наблюдается слияние нескольких абзацев в один, (см. например, лезгинский перевод, стр. 92), почему-то не соблюдаются «красные строки» (стр. 20, 92 и т. д.) пропускаются знаки препинания и т. д. Все это значительно снижает качество изданий.

***

Серьезных недочетов в переводческой работе, сказывающихся и на переводе, таких высоко-ответственных материалов, как доклад т. Сталина на XVII партсъезде, мы имеем очень много. Надо забить тревогу. Областные партийные и советские организации должны обратить серьезное внимание на неблагополучное состояние переводческой работы в крае и на недопустимое качество выпускаемой нациздатами печатной продукции.

Необходимо повысить партийную бдительность редакторов и действительно поднять знамя борьбы за качество выпускаемой национальными издательствами литературы, повысить требования к авторам и переводчикам, добив обезличку в работе национальных издательств. Немедленно надо сдвинуть с мертвой точки вопросы подготовки квалифицированных переводчиков, редакторов и авторов.

По примеру Ленинградского Восточного Института, организовавшего 3-годичные курсы подготовки высококвалифицированных переводчиков и редакторов, на Северном Кавказе должны быть созданы 3-годичные курсы подготовки и постоянные курсы для повышения квалификации национальных кадров переводчиков, редакторов и авторов.

Национальные области должны получить действительно безупречный перевод на свои родные языки трудов Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и всех ответственных партийных документов.

СЕРДЮЧЕНКО Г., МИЛЫХ М.

«ПРИМЕРНЫЙ УСТАВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРТЕЛИ»

(на абазинском, кабардинском, осетинском иронском, осетинском дигорском, аварском, карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках) [1].

В текущем году Северо-Кавказским крайкомом Нового Алфавита и Северо-Кавказским историко-лингвистическим институтом проведена проверка переводов «Примерного устава сельхозартели» на ряд языков Северного Кавказа и Дагестана.

В настоящем очерке дается краткий обзор основных недочетов переводов, отмеченных при этой проверке. Просмотренные переводы еще раз указывают на необходимость более вдумчивого и внимательного отношения к ответственнейшей работе — к переводам на национальные языки документов, имеющих большое политическое значение.

Основные недочеты переводов заключаются:

а) в совершенно произвольных пропусках отдельных слов, выражений и даже целых абзацев;

б) в искажении подлинника в результате совершенно неправильного или не совсем точного перевода, что нередко ведет и к извращению политического содержания переводимого текста;

---

[1] «Примерный устав сельхозартели» на абазинском языке, Черкнациздат, гор. Сулимов; переводчики Кужев Х. и Кагов В.

«Примерный устав сельхозартели» на кабардинском языке, Каббалкнациздат, гор. Нальчик; переводчики Афаунов и Срухов.

«Примерный устав сельхозартели» на осетинском иронском языке»; переводчик Дзуцдзати А., ответ. редактор Бадоев Е., Издательство «Растдзинад», гор. Орджоникидзе.

«Примерный устав сельхозартели» на дигорском наречии осетинского языка. Переводчик Дзагуров Т., ответредактор Тинаев.

«Примерный устав сельхозартели» на аварском языке, Даггиз, г. Махач-Кала; переводчик Б. Халидов, редактор Аб. Кадиев.

«Примерный устав сельхозартели» на карачаевском языке, Микоян-Шахар, Издательство газ. «Кызыл Карачай». Переводчики Карабашев Ю, Лайпанов Х. Ответредактор Карабашев Ю.

«Примерный устав сельхозартели» на карачаево-балкарском языке, Каббалкнациздат, г. Нальчик; переводчики Шабаев С. и Ногерев М.

«Примерный устав сельхозартели» на кумыкском языке, Даггиз, Махач-Кала, переводчик Закарияев. Ответредактор Астемиров Б.

«Примерный устав сельхозартели» на ногайском языке, Даг. Гиз, Махач-Кала, переводчик Джанибеков Эн, редактор Шамсутдинов.

Все уставы изданы в 1935 г.

в) в неотработанности терминологии и политически недопустимом использовании арабистской и пантюркистской терминологии;

г) в недоучете основных законов грамматического строя языка перевода и в слепом подражании синтаксическому строю русской речи;

д) в совершенно нетерпимом орфографическом разнобое и наличии значительного количества корректорских ошибок, которые нередко ведут к искажению содержания подлинника.

Необходимо отметить, что переводы на иронское и дигорское наречия осетинского языка дают лишь текст устава без постановления 2 Всесоюзного съезда колхозников-ударников и без постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального комитета ВКП(б) «Об организации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве».

В переводах на кабардинский и карачаево-балкарский языки нет постановления Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) «Об организации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве».

***

В качестве примеров совершенно произвольных пропусков приводим следующие:

В переводах на карачаево-балкарский, кабардинский, ногайский и кумыкский языки перед текстом устава пропущен заголовок: «Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый 2 Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный Советом Народных Комиссаров СССР и Центральным Комитетом ВКП(б) 17 февраля 1935 года».

В переводах на абазинский и карачаевский языки пропуск дан, начиная от слова «принятый».

В переводе на дигорский диалект осетинского языка из VIII раздела «Управление делами артели», п. 20 об общем собрании, как высшем органе управления артели, совершенно выпущены следующие весьма важные указания:

«е) утверждает размеры различных фондов и количество продуктов и денег, подлежащих выдаче на трудодень;

ж) утверждает правила внутреннего распорядка артели.

По всем вопросам, перечисленным в настоящем пункте устава, решения правления артели без утверждения общего собрания являются недействительными.

Общее собрание действительно при наличии не менее ½ общего числа членов для решения всех вопросов, кроме вопроса о выборе правления и председателя артели, вопроса об исключении из состава артели и вопроса о размере различных фондов, для решения которых требуется присутствие на общем собрании не менее ⅔ общего числа членов.

Решения общего собрания принимаются большинством голосов открытым голосованием». (Стр. 38—39 русского текста, изд. Сельхозгиз'а, 1935 г.).

В переводе на кабардинский язык в VI разделе «Средства артели», в п. 12: «в) покрывает административно-хозяйственные расходы артели, выделяя на это не больше 2 процентов денежных доходов» — пропущены слова: «не больше 2 процентов».

В переводе на карачаевский язык в разделе III «О средствах производства», в п. 5, в третьем абзаце: — «Каждый колхозный двор в районах некочевого и полукочевого животноводства, где земледелие имеет небольшое значение, а животноводство играет решающую роль в хозяйстве»... пропущена вся первая часть до слов «где земледелие»...

В том же разделе, п. 5, абзац первый: «...может иметь в личном пользовании корову, до 2 голов молодняка рогатого скота» дан без слов: «до 2 голов». Переведено просто «молодняк рогатого скота» — çaş tuvar».

В переводе на кумыкский язык в IV разделе, в п. 6: «а) повышать урожайность колхозных полей путем введения и соблюдения правильного севооборота, глубокой пахоты»... пропущены слова: «глубокой пахоты».

В VI разделе в п. 11: «в) создает, по решению общего собрания, фонды помощи инвалидам, старикам... на содержание детских яслей и сирот»... пропущены слова: «на содержание детских яслей и сирот».

В ногайском переводе в разделе V «О членстве», в п. 7, в примечании: «б) для тех бывших кулаков и членов их семейств, которые, будучи высланы за противосоветские и противоколхозные выступления, в местах новых поселений в течение 3 лет своей честной работой и поддержкой мероприятий советской власти показали, что они исправились» пропущены слова «...и членов их семейств».

В переводе на абазинский язык выпускается целый абзац «животноводческие бригады выделяются на срок не менее 3 лет» (разд. VII, п. 14).

В том же разделе, п. 15, третий абзац: «На каждую работу устанавливаются нормы выработки, доступные добросовестно работающему колхознику, с учетом состояния рабочего скота, машин и почвы»... переведен без слов: «и почвы».

В аварском переводе в разделе IV, в п. 6 пункт «в»: «расширять посевную площадь путем... улучшения и обработки бросовых земель» дается без слова «улучшения».

Примеры подобных пропусков можно было бы увеличить в несколько раз.

Наряду с пропусками, в кабардинском и ногайском переводах мы находим произвольные вставки лишних слов и даже выражений. Так, в первом же разделе перевода на кабардинский язык, при характеристике целей и задач артели фраза: «беречь тракторы и машины» передана: «traktorxer, marşьnexer xьve Jьshve jaxvьmenxeve», что означает «тракторы и машины, хорошо жалеючи, беречь». Слова «xьve Jьshve» т. е. «хорошо жалеючи», совершенно излишни.

В переводе на ногайский язык VIII раздела, в п. 20 фраза:

«...решения правления артели без утверждения общего собрания являются недействительными» дана с добавлением слов: «только одного» (правления).

В кумыкском переводе даны совершенно лишние по тексту слова: «jurt xazajstva» — сельское хозяйство (разд. IV, п. 6). Излишние добавления отдельных слов встречаются и в переводах на другие языки.

***

Переходим к анализу политических искажений текста путем совершенно неправильного, а иногда недостаточно точного перевода.

В переводе на абазинский и карачаево-балкарский языки первая фраза текста «Примерного устава»: «Трудящиеся крестьяне села, (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула)... района... добровольно объединяются в сельскохозяйственную артель»... передана: «Трудящиеся крестьяне сел (станиц, деревень, хуторов, кишлáков, аулов)... районов... живущие в них добровольно объединяются в сельскохозяйственную артель». Таким образом перевод дает совершенно неправильное расширение территориальных границ артели.

В абазинском переводе заключительная фраза I раздела: «...и таким образом сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников зажиточными» передана: «и таким образом сделать колхозы большевистским колхозом, колхозников всех зажиточными».

В переводе на тот же язык фраза русского текста: «...то всем членам такой бригады правление артели производит вычет из доходов в размере до 10% всего числа выработанных ими трудодней» (разд. VII, п. 15) передается так, как будто вычет производится из доходов не всех членов бригады, а лишь одного члена этой бригады. Вместо: «iьпымхara iьyaльçuata» переведено: «anымхara iьyaльçuata».

В VII разделе, в п. 14 фраза: «не допуская при распределении работы никакого кумовства» в переводе на кабардинский язык дана в совершенно искаженном виде: «...bleqaqere qveşьqere xiçhensqer zьheriqekşь hve amal sьheqьm», что значит «выпускать из рук кумовство нельзя». Вместо последних четырех слов в переводе следовало сказать: «...xiçhenve amal jьheqьm»..

В переводе на кабардинский язык фразы раздела V, п. 8: «Исключение из артели может быть произведено только по решению общего собрания членов артели, на котором присутствует не меньше $^2/_3$ общего числа членов артели» — вместо $^2/_3$ сказано $^1/_3$.

Следует заметить, что несмотря на исправление в новом издании перевода этой грубейшей ошибки, часть тиража первого издания получила распространение.

В осетинском дигорском переводе фраза раздела III, п. 5: «каждый колхозный двор в зерновых, хлопковых... районах мо-

жет иметь в личном пользовании корову, до 2 голов молодняка рогатого скота, 1 свиноматку с приплодом»... передана с заменой слов: «каждый колхозный двор» — aly kolxozon xædzar словами: «каждый колхозник» — aly kolxozon.

В переводе на аварский язык фраза раздела IV, п. 6-«д»: «оказывать своим членам, честно работающим в артельном производстве, помощь в обзаведении коровой и мелким скотом», передана: «оказывать помощь своим членам, честно работающим в артели, дав корову и мелкий скот» (Подчеркнуто нами — Г. С. и М. М.).

Фраза: «Артель принимает к точному исполнению: планы... составляемые с учетом состояния и особенностей колхозов». (разд. IV, п. 6) передана: «артель соглашается (= принимает) исполнить правильным образом: планы... согласно положению артели и смотря по ее возможностям».

Вместо: «полезащитных лесных полос» (разд. IV, п. 6-а) переведено: «лесные полосы для защиты пустыря (?) — в переводе сказано: alax, но такого слова в аварском языке нет; видимо переводчик имел в виду слово halax — пустырь). Вместо: «временное отстранение от работы» (разд. VII, п. 17) переведено: «временное поднимание от работы (вместо: rikkad havi сказано: vaxi).

В переводе на карачаевский язык вместо: «обеспечить полную победу над нуждой и темнотой, над отсталостью мелкого единоличного хозяйства» (разд. I, п. 1) сказано: qaranlıqnı, kereklikleni, enci mylkcyny artxa qalmaqlıqlı qaratırqa, т. е. «обеспечить победу над темнотой, нуждой и отставанием единоличника».

В том же переводе фраза: «Размеры приусадебной земли, находящейся в личном пользовании колхозного двора (не считая земли под жилыми постройками)» (разд. II, п. 2) передана с заменой слов в скобках словами: «не считая под жилым домом и помещением для скота» («çaşaqan yjhy bavnu tybyn sanamajın».

Выражения: «земледелие имеет небольшое значение» и «земледелие не имеет почти никакого значения» (разд. III п. 5) переведены совершенно одинаково: «çerge urunuvnu ullu maqanasb boemaj», что означает «земледелие не имеет большого значения», т. е. по содержанию соответствует первому выражению русского текста. Таким образом, в переводе совершенно стирается разница между районами по тому значению, которое имеет в них земледелие. Фраза «увеличивать поголовье и улучшать породу и продуктивность скота на фермах» (разд. IV, п. 6-д) передана: «Fermalada mallans sanların keb eterge, emda malnı igi tuqumlu, aqaçlı mallanı berge xojlrın keb eterge» (стр. 9 перевода), т. е. «увеличить число скота и увеличивать пользу, приносимую скотом хорошей породы». В переводе выпала задача улучшения породы скота.

Фраза русского текста: «всем членам такой бригады правление артели производит вычет из доходов в размере до 10% всего числа выработанных ими тру-

д о д н е й (разд. VII, п. 15) переведена: «...allaj brigadalanъ clenleri ni bytov trudodenlerinden 10 procent tьjьbadь», т. е. «у членов такой бригады — и з в с е х т р у д о д н е й в ы ч и т а е т с я 10 п р о ц е н т о в».

В переводе на карачаево-балкарский язык фраза раздела VI, п. 12, абзаца второго — «все доходные поступления обязательно записываются в приход артели не позднее дня их поступления» переведена: «все поступающие д е н е ж н ы е доходы обязательно должны записываться в приход не позднее дня их поступления». Прибавление лишнего слова «денежные» существенно изменило все содержание фразы.

При переводе фразы того же раздела, п. 11-г: «выделяет в размерах, определяемых общим собранием членов артели, часть продуктов для продажи государству или на рынок» первая часть фразы передана: «выделять в размерах определяемых в с е м и ч л е н а м и а р т е л и».

В кумыкском переводе фразы русского текста: «обеспечить полную победу над кулаком, над всеми эксплоататорами и врагами трудящихся» (разд. I) слово «врагами» пропущено, а термин «эксплоататоры» заменен арабским «istismar».

Особо следует отметить искажения и неточности перевода, вследствие непонимания переводчиком текста оригинала, и стилистическую неотработанность перевода, в результате чего становится возможным различное смысловое толкование отдельных мест перевода.

Приведем примеры из перевода на карачаево-балкарский язык. Фраза: «К этим районам относятся, например: земледельческие, не смежные, с кочевыми, районы Казакстана» (разд. III, п. 5) передана: «К этим районам относятся, например, земледельческие, не смежные и районы Казакстана». Переводчик, видимо, не уяснил, что речь идет о земледельческих районах Казакстана.

Переводчик на аварский язык выражение: «приусадебная земля» передает как: «оставленная у него (члена артели) земля».

В осетинском иронском переводе выражение: «единый земельный массив» передано как: «общая артельная земля».

В ногайском переводе фразы: «вытеребить гектар льна» переведена: «gektar len tornav», т. е. «бороновать гектар льна». Лучше было бы слово «вытеребить» передать через «tytpege».

Примерами возможного двоякого понимания перевода может служить передача на карачаевский и ногайский языки фразы: «каждый колхозный двор... может иметь в личном пользовании... до 10 овец и коз вместе» и дальше: «от 20 до 25 овец и коз вместе» (разд. III, п. 5).

В карачаевском переводе сказано: «10 deri qojla bla eckile» и 20-dan 25-ge deri qoj bla ecgi», т. е. «до 10 овец и коз» и «от 20—25 овец и коз» (стр. 6—7 перевода).

В ногайском переводе мы читаем: «10-qa gejim qoj em eşki» и «20-dan 25-ke gejim qoj em eşki», т. е. «до 10 овец и коз и «от 20 до 25 овец и коз». Пропуск имеющегося в русском под-

линнике слова «вместе» ведет к возможности различного понимания этого места в уставе — разрешается ли иметь всего 10 овец и коз или 10 овец и 10 коз, т. е. всего 20 голов и т. д.

Примеры подобных ошибок в переводах имеются в довольно значительном количестве.

***

Неблагополучно и с используемой в переводах терминологией. Прежде всего бросается в глаза терминологический разнобой. В аварском переводе одновременно используются: maḥiṣat — xozjajьtvo, ziv — zudodago ççarab veqaruxan — edinolicnik, zamhijat-lizaburab — ɳaxal habula (обобществленнай — обобществляются), xassab munpaḥat bosi, ixtijaralda, xasslijalda (личное пользование, в личном пользовании), qajmal u inventar, tekuṣṣi u zamanadul, alatal u sredstvabi, ucastok u raq и т. п.

В абазинском переводе «неограниченное количество» передается то через pxьaʒara rьmamḳua — число безграничное, то как mardanчata в том же значении.

В иронском и дигорском осетинских переводах различно передаются такие термины как «единоличник», «организованный», «специализированные» и мн. др. Выражение «от 20 до 40 рублей» в дигорском передается через «2—4 tumani», в иронском—gæsgæ 20 somæj 40 somy».

В карачаевском переводе термин «трудящиеся» передается двумя способами: «urunnanla» и «kesi qojьnь bla çasaqanla» (живущие своим трудом), «трудодень» в одних случаях передается через «eṣkyn» т. е. «рабочий день», в других «trudoden».

В карачаево-балкарском термин «Доход» передается через «xajьr» и «doxod»; термин «средство» — «xaznasь» и «sredьtvo»; «хлопок» — «mamuq» и «xlopok».

С другой стороны, нередко мы встречаем использование одного термина для обозначения различных понятий.

В ногайском переводе одним и тем же термином «qarar» передается: «постановление», «решение», «размер»; «задача», «обязательство» и «обязанность» передаются одним словом «borьʒ»; «создавать», «обзаводиться», «строительство», «устройство», «создание», «организовывать» и нек. др. передаются одним и тем же термином «tyzyv».

В карачаевском переводе: «постановление», «утверждение», «закрепление» передаются одним и тем же словом «begimi»; «выработать» и «оборудовать» также одним — «garaṣdьrьrqa».

В абазинском «деятельность артели» и «управление артели» передается одним термином — «uьnqudqura uьskua».

Подобные примеры в большом количестве могли бы быть приведены и из других языков. Наибольшее количество этих случаев имеется в ногайском переводе.

Вследствие этого совершенно недопустимого способа использования терминологии в карачаево-балкарском переводе в фра-

зах: «вступительные взносы зачисляются в неделимый фонд артели» (разд. VI, п. 9) и «Остальная часть имущества зачисляется в паевой взнос члена артели» (разд. VI, п. 10) термины «вступительный взнос» и «паевой взнос» переданы одинаково — «kirirge bergen».

Следует отметить, что в этом же разделе термин «паевой взнос» оставляется без перевода — «pajevoj vznosu».

На построении используемой в аварском, кумыкском и ногайском переводах терминологии заметны сильные панарабистские, пантюркистские и панисламистские влияния.

В аварском переводе термин «общество» передается через «zamahat», «культура» — «madanijat», «дисциплина» — «hаden», «нация» — «millat» и др.

В кумыкском переводе термин «эксплоататоры» передается через — «istismar», «общий» — «umumi», «общественное хозяйство» — «çamijatlaşqan xozajstva», «на общественных началах» — «çamijat asasьnda», «обеспечить» — «ta'min etmek» и т. п.

В ногайском переводе слово «цель» передается nietler, otemek «выполнять», «соблюдать» ökymat — «правительство» и др.

Совершенно неправильно используется ряд терминов в аварском переводе. Вместо «коллективный» употребляется «общий», вместо «эксплоататоры» — «едящие чужой труд», вместо «единый» (массив) — «общий», вместо «живой и мертвый инвентарь» — «имеющий душу» и «не имеющий души»; «предприятия» передается через «mahdanal», термином, означающим, по преимуществу, нефтяные промысла, и др.

Примеры неправильного построения терминологии мы находим в карачаевском переводе, в котором «коллективное использование» передается через «birgelej xajьr lanqan», т. е. «общее использование», «коллективное хозяйство» — «negerlik mylkny», т. е. «товарищеское хозяйство».

В кумыкском переводе термин «трудодень» во всех случаях передается через «iş gyn», т. е. «рабочий день».

Наряду с этим встречаются случаи совершенно необоснованного использования русских слов.

В абазинском переводе при наличии слова «uьatra» — «огород» оставляется почему-то русское слово «огород», не переводится также выражение «кормовые средства» и некоторые другие.

В аварском тексте без перевода оставляются: «зерновые посевы», «кустарная промышленность» и др., а также используются русские формы — kolxoznijab revizionnij.

В карачаевском тексте при наличии точных эквивалентов остаются без перевода такие слова, как «сеялка» (карач. — urluq cacьvcu), «молотилка» (карач. — ьndьr basьvcu maşina), «косилка» (карач. — bicen calьvcu maşina) и др.

По совершенно неизвестным причинам в кумыкском тексте оставлено без перевода слово «полос» в фразе «насаждения полезащитных лесных полос» (разд. IV, п. 6). Там же мы читаем «avlaqlanь saqlajqan aqac palasalar ornatmaqa», благодаря чему фраза стала непонятной.

**
*

Слепое следование в переводах грамматическому строю русского языка нередко приводит к весьма громоздким синтаксическим оборотам, трудным для понимания и стилистически совершенно неотработанным. В этом отношении особо следует подчеркнуть аварский и кумыкский переводы устава. Начиная с первого раздела и на протяжении всего аварского перевода, мы встречаем громоздкие по построению и очень трудные для понимания фразы в результате подражания русскому порядку слов. Так построен перевод пунктов 2, 15, 16, 24 устава и многих других. В кабардинском тексте п. 10 раздела VI «Средства артели» совершенно недоступен для понимания, так как все построение фразы не учитывает синтаксических законов кабардинского языка.

В качестве примера стилистически неотработанного текста может служить абзац о вручении колхозникам государственного акта. При переводе на кумыкский язык абзац, представляющий в русском подлиннике многочисленное сложное предложение, необходимо было разбить на несколько частей:

1) «Каждой артели выдается районным исполнительным комитетом советов государственный акт на бессрочное пользование землей.

2) В этом акте (вместо «в котором») устанавливаются размеры и точные границы земли, находящейся в пользовании артели.

3) При этом (вместо «при чем») сокращение этих земель не допускается»... и т. д.

Переводчики не учли этого и в кумыкском переводе получилась чрезмерно громоздкая фраза, трудная для понимания.

Подобные примеры механического следования русскому тексту и недоучета грамматических законов родного языка можно привести из карачаевского перевода (напр., перевод IV раздела), абазинского и др.

В переводе устава на абазинский язык постоянно путаются формы единственного и множественного числа. Взамен единственного числа в оригинале в переводе дается множественное число и наоборот. Примером может служить хотя бы перевод одного абзаца раздела V, п. 7. Вместо форм и показателей множественного числа постоянно даются формы и показатели единственного числа. Вместо: i ь d r ь ʒ x u a дано: i ь r ь ʒ x u a,

вместо:	iadьnxaluamcaro	дано:	dádьnxaludmcara
»	eyadьrbankuaua	»	eyazьrbaua
»	ibyaraxulț	»	dyaraxuiț и др.

Подобное мы находим и в кабардинском переводе. Вместо: «делами артели» — «делами артелей» («artejlxem ja hvexvxer» — VIII раздел); «datejkvepeпьqer» вместо «tejk vepeпьqer»; «dьxveheve» вместо «xveheve» (стр. 7 кабардинского перевода).

В карачаево-балкарском переводе вместо «b o l m a q a n l a — «b o l m a q a n», вместо «k e s l e r i n i» — «k e s i n i», вместо

«x a j ь r l a r ь n d a n» —«x a j ь r ь n d a n» (V раздел, п. 7), т. е. формы множественного числа заменяются формами единственного числа.

V

Качество перевода очень сильно снижает масса орфографических и корректурных ошибок. Прежде всего бросается в глаза отсутствие единообразия орфографии. В карачаевском переводе слово «правление» пишется в трех вариантах: «p r a v l e n j a», — «p r a v l e n i j a» и «p r a v l e n i e». Слово «зерно» дается в трех написаниях: «m y r z e v», «m y r z e v» и «m i r z e v». В словах с суффиксом «q a n» после глухих согласных встречаем «q a n» и «q a n»: «c ь q q a n» и «c ь q q a n»; «a q q a n» и «a q q a n» и др.

Нет орфографического единообразия в ногайском переводе. Здесь мы встречаем: «x o z a j ь s t v o» и «x o z j a j s t v a»; «x a l q» и «x a l ь q».

То же находим в абазинском, кабардинском и в других переводах.

Переходим к корректурным ошибкам.

В аварском переводе вместо: «замочить гектар льна» сказано: «передать гектар льна» (Вместо «biccizabi» напечатано «bicizabi»). Вообще, надо сказать, аварский перевод пестрит большим количеством ошибок.

В кумыкском переводе фразы русского текста: «беречь и очищать имеющиеся пруды, строить новые и заводить в них рыбное хозяйство» (разд. IV, п. 6-ж) в слове «пруды» — «kөl» вместо «ө» напечатано «е». Получилось «kelleri» — обозначение пирамидальной фигуры. Смысл всей фразы, вследствие этой опечатки, потерян.

В этом же разделе на следующей странице в фразе: «приводить в порядок деревенские улицы» вместо: «jurt aramlarьn» напечатано «jurt oramnlarьn». Получилось—«приводить в порядок деревенские леса».

В карачаево-балкарском переводе (Каббалкнациздат) вместо: «birlik» напечатано: «berlik», в результате чего фраза «единый земельный массив артели ни в коем случае не должен уменьшаться» (разд. II, п. 3) передана: — «земельный массив, который должен дать артели, ни в коем случае не должен уменьшаться».

В карачаевском переводе в п. 20 последний абзац подпункта «ж» выделен, как самостоятельный подпункт «з».

В ногайском переводе, наоборот, в IV разделе п. 6 пропущено обозначение последнего подпункта «л», в результате чего два самостоятельных подпункта слиты в один.

Подобные опечатки мы находим и в карачаевском переводе. В разделе V «О членстве» часть фразы п. 7: «крестьяне-единоличники, продавшие своих лошадей в течение последних 2 лет»... отнесена к примечанию, как подпункт «в» (стр. 11 перевода). Количество опечаток в этом переводе доходит иногда до внушительных размеров.

Так, на стр. 10 крачаевского перевода встречается 7 опечаток.

В тексте:	Следует:
veterjnar	veterinar
proizsvodstvonu	proizvodstvonu
tonnuzcula	tonuzcula
labaratorija	laboratorija
quluqcula	quluqcula
хьгьrlaroqa	xazьrlaroqa
bojuşluq	botuşluq

Примеры небрежной и совершенно недопустимой в таком ответственном издании орфографической и корректурной правки можно было бы приводить без конца.

Этот обзор переводов важнейшего политического документа, каким является «Примерный устав сельскохозяйственной артели», характеризует совершенно недопустимое в дальнейшем положение с переводческой работой на Северном Кавказе и в Дагестане.

Низкое качество переводов «Примерного устава сельскохозяйственной артели» на национальные языки Северного Кавказа и Дагестана — новый сигнал о необходимости усилить внимание партийных и советских организаций этому ответственному участку культурно-просветительной работы.

ТАЛАНОВ Н.

О КУРСАХ РЕДАКТОРОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ ТРУДОВ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Огромный культурный подъем всех народов Союза ССР, являющийся результатом неуклонного проведения в жизнь ленинско-сталинской национальной политики, рост политической сознательности масс, развитие партийного просвещения требуют широкого развертывания дела переводов произведений классиков марксизма-ленинизма на языки народов СССР.

Перевод трудов классиков марксизма-ленинизма на языки народов СССР имеет исключительное политическое и теоретическое значение, как для большевистского воспитания партийных кадров, так и для усвоения марксистско-ленинской теории широчайшими массами рабочих и колхозников.

Между тем до сих пор переводческое дело является едва ли не самым отсталым. Причины отставания этого участка понятны. Культурные кадры национальных республик и областей начали подготовляться только после Октябрьской революции, спрос на эти кадры настолько велик, что почти до самого последнего времени вопрос о выделении кадров специалистов на переводческую работу стоял на последнем плане. Лишь последние годы на местах подобрались небольшие группы переводчиков произведений марксизма-ленинизма и началась подготовка кадров переводчиков.

Впервые созданы центральные курсы редакторов-переводчиков трудов классиков марксизма-ленинизма на языки народов СССР при Ленинградском Восточном Институте и открыта соответствующая аспирантура при Институте Национальностей в Москве.

Ленинградские курсы, являясь специальным высшим учебным и одновременно научно-исследовательским учреждением, имеют своей целью в 3-годичный срок подготовить высококвалифицированных практических работников в области переводов и редактирования трудов классиков марксизма-ленинизма, а также научных работников — специалистов в области языкового строительства национальных республик и областей.

На курсы привлечены товарищи, непосредственно командированные руководящими органами национальных республик, имеющие общеобразовательную подготовку в объеме комвуза и

стаж практической работы в области переводов и редактирования.

К началу 1935/36 учебного года курсы имели в своем составе 11 национальных групп: туркменскую, таджикскую, узбекскую, киргизскую, казакскую, татарскую, чувашскую, бурят-монгольскую, крымско-татарскую, тюркскую (азербайджанскую) и башкирскую. Всего слушателей курсов 40 чел., из коих на первом курсе 12 чел. и на втором курсе 28 чел.

Организация курсов при одном из лучших востоковедных вузов Союза позволила курсам с первых же месяцев своего существования надлежащим образом поставить свою работу, а по истечении одного года весьма активно включиться в научную и практическую работу, как по заданиям ВЦК НА, так и самостоятельно, путем участия в научных конференциях и экспедициях, проводимых нацреспубликами и т. п.

Так за 1934/35 учебный год слушателями курсов выполнено свыше 30 рецензий на переводы трудов классиков марксизма-ленинизма на всех языках, представленных на курсах.

Опыт одновременного рецензирования переводов одних и тех же трудов классиков марксизма на 10 языках дал, с одной стороны, весьма богатый материал, позволяющий судить о состоянии переводного дела на местах, а с другой стороны, дал возможность отметить слабые и сильные стороны в работе мест по переводам классиков марксизма. Попутно заметим, что часть рецензированных переводов была признана не удовлетворительной.

Наряду с участием слушателей курсов в экспедициях ВЦК НА (в Крыму) курсами в течение лета 1935 г. было проведено 15 научных командировок слушателей курсов в национальные республики (в Чувашию, Татарию, Бурято-Монголию, ЗСФСР). Слушателям было поручено:

а) проверить понимаемость переводов трудов классиков марксизма колхозниками и рабочими;

б) собрать лексические материалы (язык районной, колхозной, школьной газеты и т. д.);

в) изучить грамматические особенности местного колхозного языка как в области синтаксиса, так и морфологии и т. д.;

г) ознакомиться с работой местных терминологических комиссий, переводчиков, издательств и т. д.

Отчетные доклады слушателей о работе за время этих командировок представляют собою ценнейший материал, как с точки зрения научно-учебной, так и с практической стороны, в смысле освещения состояния переводческого дела на местах.

Научная работа курсов находит свое выражение так же и в подготовляемых к печати работах. Закончена работа проф. Н. Н. Поппе «Научная грамматика бурято-монгольского языка» (представлена рукопись в 20 печ. листов); тюркской группой слушателей курсов представлена рукопись «тюрко-русского словаря общественно-экономических и философских терминов» (6 печ. листов) и т. д. Семинар по общему языкознанию, работающий

под руководством проф. А. П. Рифтина, к концу текущего учебного года подготовит сборник, иллюстрированный материалами на 10 языках, представленных на курсах.

Курсы редакторов-переводчиков классиков марксизма при Л. В. И., пользуясь большим вниманием со стороны руководящих партийных и советских организаций, выполняют возложенную на них задачу, и переводческий участок фронта культурной революции получит достойное пополнение.

ЭКСПЕДИЦИИ

АБАЕВ В.

К ИТОГАМ ОСЕТИНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Осетинская лингвистическая экспедиция ВЦК НА в 1935 г. работала в составе двух отрядов: северо-осетинского и юго-осетинского, под общим руководством В. И. Абаева. Сев.-осетинский отряд работал с 15 августа по 12 октября. С 15 по 27 августа производилась подготовительная работа: отбор участников, разработка маршрутов, составление и проработка инструкций, упражнения в записи текстов. С 28 августа по 3 октября участники были на полевой работе.

Обследование охватило всю территорию Северной Осетии, а именно: 1) Дигорский район, включая дигорские станицы в Моздокском районе, расположенные вне территории области, 2) Горно-Алагирский район, 3) Алагиро-Ардонский район, 4) Куртатинское и Кобано-Даргавское ущелье и 5) Правобережный район.

По окончании полевой работы, с 4 октября по 12 октября были заслушаны сообщения участников, подведены предварительные итоги экспедиции и оформлены отчеты.

Юго-осетинский отряд работал с 4 сентября по 5 октября. С 4 по 10 сентября шла подготовка, полевая работа проведена с 10 сентября по 1 октября. С 1 по 5 октября подведены итоги и оформлены отчеты. Юго-осетинский отряд обследовал следующие районы: 1) Джавский, 2) Кударский, 3) Рокский и 4) Ксанский.

Экспедицией собран значительный текстовой материал по всем диалектам и говорам Осетии (ок. 30 печ. листов). Тексты записывались на основе принятой латинской графики, но с рядом изменений и уточнений, позволяющих фиксировать все существенные особенности в фонетике отдельных говоров, ускользающие от обычной графики. Собранный таким образом материал вместе с ранее известными наблюдениями дает достаточно полную картину схождений и расхождений между осетинскими наречиями и позволяет уже сейчас приступить к составлению диалектологической карты Осетии на основе метода изоглосс. В то же время этот материал дает основу для решения спорных вопросов орфографии в соответствии с реальным массовым произношением населения передовых в культурном и экономическом отношениях районов Осетии. Предварительный просмотр собранных материалов позволяет установить следующие наиболее существенные новые диалектологические факты, меняющие или

уточняющие прежние представления и имеющие большое значение как с общелингвистической стороны, так и для решения некоторых вопросов орфографии и литературного языка.

В области фонетики: 1. Старое начальное æ (ä) повсюду в Осетии, кроме Дигории, Куртатинского ущелья и некоторых плоскостных селений, переходит в у (ə). Традиционная, идущая от А. Шегрена и Вс. Миллера орфография, продолжает писать в начале æ, вопреки современному произношению подавляющего большинства осетин.[1]

2. Нами в свое время отмечалось («Диалектологический обзор Юго-Осетии», Докл. А. Н. 1927 г.), что Юго-Осетия в языковом отношении не представляет, вопреки мнению Вс. Миллера, единой диалектальной единицы, а заключает три отчетливо различающихся наречия, из коих одно (рокское) тесно примыкает к северно-иронскому, а два другие (джавское и ксанское) более или менее значительно от него отходят. Наблюдения, сделанные в эту экспедицию, показали, что существуют тем не менее некоторые фонетические особенности, общие всем юго-осетинским наречиям в отличие от северных. Важнейшей из этих юго-осетинских изоглосс представляется нам узкое закрытое **а** (в отличие от северо-осетинского открытого **а**), переходящее в джавском наречии в лабилизованное **аo** (последнее явление уже раньше отмечено нами в статье «О языке южных осетин», печатающейся в сборнике «Языки Северного Кавказа»).

3. Повсеместно спорадически наблюдается тенденция перехода дифтонга jæ в e (jæxs → exs «плеть» и т. п.), в меньшей степени переход wæ в o (æng → ong «член» и т. п., а также стяжение æwæ в o (næwæg → nog «новый»).

4. В некоторых плоскостных говорах Сев. Осетии наблюдается ослабление старого начального долгого и в uy (us → uys «женщина»).

5. По всем Осетинским наречиям и говорам проверено и подтверждено наличие смычных согласных «4-го ряда» (непридыхательных средней звонкости, см. нашу статью «Четыре ряда смычных согласных в осетинском» Изв. Осет. Инст. Краеведения, т. II).

6. По всей Осетии обследована природа сибилянтов s и z, причем отмечены следующие изоглоссы: а) по всем северо иронским говорам и по рокскому говору Южной Осетии передненебные ś и ź (средние между s и š, z и ž б/по джавскому и ксанскому говорам Южной Осетии, — зубные s и z с резко свистящей артикуляцией (в джавском имеются и верхне-небные š и ž вышедшие из общеиронских c и dz); в) в дигорском зубные s и z, переходящие перед гласными e, i (во всех говорах, кроме сел. Христиановского) в š, ž (saw «черный», но šedzæг «сирота»).

7. Выявлены особенности туальского говора иронского языка, прежде всего переход обще-осетинских аффрикат c и dz в передненебные сибилянты ś и ź и закрытость гласных а и æ.

[1] Историческое обоснование перехода начального æ в у дано в моей статье «130 лет жизни одного языка», во II томе «Известий» Юго-осетинского НИИ.

8. Уточнены границы джавского (в Юго-Осетии) перебоя č → š, dz → ž с выделением переходных говоров (Ванельского и Кошкинского).

9. Дигорские материалы существенно пополняют наши сведения об этом весьма своеобразном языке, его схождениях и расхождениях с иронским, а также позволяют наметить диалектальные деления внутри дигорского: горно-дигорский говор, говор сел. Христиановского и соседних селений, моздокский говор.

Б. В области лексики по всей Осетии наблюдаются одни и те же процессы:

1. Массовое усвоение советизмов, обычно в русской форме: сельсовет (рядом с qæusovet), колхоз, трудодень, ударник, бригадир, бригада и т. п.

2. Частичное внедрение новых терминов: aræztad «строительство», xioauad «власть», soveton «советский» и т. п.

В. В области словообразования отмечается как новое явление частичное использование абревиатурных слов из осетинских элементов: komfæscædis «комсомол», kolxædz «колхоз» и нек. др.). Прилагательные образования на — on абстрактные на — ad широко используемые в газетном языке и в переводной общественно-политической научной литературе, не имеют пока успеха в в массах и туго усвояются разговорной речью.

Г. В области синтаксиса намечаются существенные, хотя и не вполне определившиеся пока сдвиги, которые могут в дальнейшем привести к серьезной перестройке синтаксического строя: появление сложно-подчиненных предложений с придаточным предложением позади главного (необычные в старой речи и т. п.).

Что касается морфологии, то иронский диалект однороден на всем своем протяжении, но зато между иронским и дигорским есть значительные расхождения.

Оценивая общую линию и перспективы языкового развития в Осетии, следует отметить, как характерную для современного исторического момента черту — необычайное преобладание процессов схождения над процессами расхождения и изоляции, обстоятельство, существенно облегчающее работу по созданию единого литературного языка. При всем этом, расхождения между иронским и дигорским языками являются еще настолько серьезными, что дают основание говорить о самостоятельном литературном развитии дигорского на определенный период.

Наряду с собиранием материала по диалектологии экспедиция обследовала состояние и уровень культуры родной речи на местах, в школе, делопроизводстве и общественно-политической практике, грамотность, распространение, читаемость и понимаемость литературы на родном языке: газет, переводной литературы, оригинальной художественной литературы и т. п.

Экспедиция имела возможность воочию увидеть огромный рост культурности широких масс, достигнутый на основе ленинско-сталинской национальной политики: высокий процент гра-

мотности, приближающийся в передовых районах к 80—90%, огромное развитие школьной сети, позволяющее охватить учебой все поколение школьного возраста, большое количество газет (до 15) на родном языке и их значительный тираж, неуклонный рост художественной, общественно-политической и научно-учебной литературы на родном языке и т. д. Одновременно экспедиция выявила, наряду с положительными, ряд отрицательных моментов. При высоких количественных показателях, качественный уровень культуры родной речи остается крайне низким. Издаваемая осетинская литература зачастую остается лежать на складах, не доходит до читателей всех уголков Осетии. Во многих школьных библиотеках нет ни одной осетинской книги. Количество учебников часто так незначительно, что на весь класс приходится одна или две книги. Язык газет в значительной части непонятен массам по своей топорности, варварскому синтаксису и стилю. В учреждениях, а отчасти и школах говорят на карикатурном и уродливом русско-осетинском жаргоне, не понятном ни русским, ни рядовым осетинам. Уровень преподавателей родного языка по большей части крайне низок; не владея сами как следует языком и не работая над собой в этом направлении, они не могут способствовать поднятию культуры родной речи у своих учеников.

Несмотря на категорические и не допускающие кривотолков правительственные решения о переводе делопроизводства на родной язык, во всей Осетии делопроизводство ведется на непонятном массам русском языке. В связи с этим у рядовых колхозников и рабочих ослабляются стимулы к чтению и письму на родном языке, что приводит сплошь и рядом к рецидивам неграмотности.

Все перечисленные отрицательные явления, о которых экспедиция считает долгом сигнализировать со всей резкостью, свидетельствуют об ослаблении внимания руководящих областных организаций Северной и Южной Осетии к вопросам языка и языкового строительства. Достигнутые успехи создали у многих работников настроение самоуспокоенности. Повседневной работы и руководства этой областью работы не было, не было заботы о выращивании полноценных кадров по национальной культуре, и в результате работа над языковыми вопросами почти забытый участок. Президиум ЦИК СССР от 27/X с. г. на своем заседании констатировал неудовлетворительное положение с проведением национальной политики партии на Северном Кавказе и в частности в Северной Осетии («Известия» от 28/X 1935).

Еще ранее Северо-осетинский обком ВКП(б) на заседании от 19/X, заслушав краткое сообщение об экспедиции, отметил устами т. Казбека Бутаева значительные недостатки в деле строительства национальной культуры, в частности полную заброшенность работы по коренизации.

Областной комитет нового алфавита разработал ряд мероприятий, которые должны привести к решительному перелому в этой области. Необходимо во-первых насытить Осетию полно-

ценной художественной литературой на родном языке. Для этого надо издать в больших тиражах и по доступным ценам лучшие образцы осетинской поэзии и прозы, издавать и переиздавать памятники осетинского фольклора. Обеспечить быстрое и гибкое продвижение этой литературы к грамотному читателю всей Осетии. Создать кабинеты осетинской литературы при всех средних и высших школах; иметь осетинские отделы во всех библиотеках и избах-читальнях. Установить литературный минимум для учителей, учащихся средней и высшей школы и даже, пожалуй, для некоторых категорий советских работников. Провести месячник поднятия языковой культуры; широко использовать периодическую печать для привлечения общественного внимания к вопросам языка. Далее, необходимо обратить самое серьезное внимание на кадры; провести всех преподавателей родного языка через курсы по повышению квалификации; ближе присмотреться к выпускникам педтехникумов и институтов, обеспечить их высокую подготовку. Сделать язык газет и переводов доступным массам, для чего привлечь к переводам и редактированию лучших мастеров языка. Всемерно укрепить национальный театр, организовывать его выезды на места. Практиковать поездки писателей и поэтов в районы для организации литературных вечеров и т. п.

Проведение всех этих мероприятий должно сочетаться с широкой разъяснительной работой. Необходимо неустанно подчеркивать, что язык нужен нам не как самоцель, а как «могучий рычаг культурного подъема» (акад. Н. Я. Марр), как путь приобщения осетинских масс к общему потоку социалистической культуры; что культура языка есть основа и предпосылка всех других видов культуры. Необходимо добиться перелома в настроении тех интеллигентских кругов, которые, освоившись с русской речью, начинают смотреть свысока на родной язык.

В целях всестороннего обсуждения и согласования всех вопросов, связанных с языковым строительством, решено, по инициативе ВЦК НА, созвать межобластную конференцию Северной и Южной Осетии по языку и национальной культуре. Местом созыва конференции намечается г. Сталинир.

На конференции будет заслушан отчет об экспедиции и обсуждены следующие вопросы: 1) об объединении издательских планов Северной и Южной Осетии, 2) о коренизации школы и улучшении преподавания, 3) о коренизации делопроизводства, 4) о борьбе с порчей языка в печати и в устной речи, 5) о терминологии и орфографии, 6) об издании академического собрания сочинений национального поэта Коста Хетагурова и др.

Надо обеспечить серьезную подготовку и хорошо организовать эту конференцию, чтобы она стала поворотным пунктом в дальнейшем культурном развитии Осетии. Силы и возможности достаточны. Трудовые массы Осетии могут и должны стоять в первой шеренге не только по своим хозяйственным успехам, но и в культурном строительстве.

Проф. ДМИТРИЕВ Н.

КРЫМСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Крымская языковая экспедиция, проведенная летом 1935 г., возникла в результате работы 3-й Крымской языковой конференции (октябрь 1934 г.). На конференции обнаружилось, что крымоведение, имеющее большие успехи по этнографии, археологии, музыке и театру, не может похвастаться ничем в области широкого систематического изучения крымско-татарского литературного языка и его диалектов. Несколько лучше обстояло дело с фольклором, который исподволь собирался, и то не специалистами и при отсутствии надлежащей методики. Выдвигалась особая необходимость изучения освоения массами действующего литературного языка, т. е. того, насколько нормы современного литературного языка, как особой величины, стоящей над диалектами, понятны широкой читательской массе и насколько решения 3-й языковой конференции успели претвориться в жизнь. Само собою разумеется, что все факты из практики языкового строительства и связанной с ними языковой теории должны были изучаться в их динамике, т. е. в процессе борьбы старого с новым. Хорошо подготовленная и хорошо проведенная экспедиция должна была дать основной фактический материал для дальнейшей научной работы института национальной культуры. Экспедиция должна была дать консультативный материал по основным вопросам языкового строительства, в частности, для дальнейшей работы Наркомпроса Крымской республики. И — что особенно важно — удачно проведенная экспедиция могла произвести радикальный сдвиг в подготовке научных лингвистических кадров, как в центре, так и особенно на местах. Вовлечение в языковую работу местного актива считалось абсолютно необходимым, поскольку из него предполагалось создать научные корреспондентские пункты, которые, будучи созданы экспедицией во время полевых научных работ, продолжали бы ее дело по тем же методам не два-три месяца, а, может-быть, в течение нескольких лет. По мере укрепления связей с Симферополем, который должен стать центром языковой работы, на местах росли бы новые кадры, которые обеспечили бы и научную смену языковых работников Симферополя и непрерывный приток новейших научных материалов. Несомненно, что такое большое дело можно было начать и провести только при активной поддержке всей крымской общественности, и поэтому роль печати (как централь-

ной, так и местной) во всей этой работе представлялась особенно значительной.

Все эти мысли, высказанные делегатами от ВЦК НА на 3-й крымской языковой конференции в лице акад. А. Н. Самойловича, И. Х. Юманкулова, Г. Тогжанова и Н. К. Дмитриева, встретили горячую поддержку руководящих работников Крыма.

Вопрос об экспедиции принципиально был разрешен тут же, организационно-финансовые мероприятия проведены в течение зимы и весны 1935 г.

Для руководства экспедицией был выделен от ВЦК НА т. Юманкулов И. Х., назначены два заместителя: по научной части Н. К. Дмитриев (от ВЦК НА) и по организационно-хозяйственной — А. А. Аметов (от Крымнаркомпроса). Основное ядро научных работников составлялось из местных сил, за исключением 3-х человек, работников ленинградских учреждений Академии Наук и курсов переводчиков-редакторов, которые были приглашены (Крымнаркомпросом). Экспедиция поддерживала самую тесную связь с республиканскими газетами.

Маршрут 4-х отрядов экспедиции шел по следующим линиям: 1-й маршрут — Сеитлер — Джанкой — Ишунь — Акшейх — Ак-Мечеть — Евпатория, 2-й с направлением: Керчь — Феодосия — Ислям-Терек — Старый Крым, 3-й с направлением: а) Бахчисарай — Фати-сала — Кокозы и б) Феодосия — Старый Крым — Карасубазар и 4-й с направлением: Севастополь — Байдары — Ялта — Алушта — Судак — Отузы. Отряды выехали из Симферополя на поезде и в дальнейшем пользовались местным транспортом. В этом большое содействие оказали районные МТС, к которым было выпущено специальное обращение КрымЦИК'а.

Крупным недостатком экспедиции является слабая научная подготовка ее. До приезда руководителей экспедиции в отношении научной подготовки ничего не было сделано, хотя эта работа была возложена на директора Института нацкультуры т. Асанова и одного из основных работников-языковедов института т. Батыр-Мурзаева. Лишь с 1 по 8 августа был спешно проведен методический семинар, а также индивидуальные беседы с отдельными членами будущей экспедиции. С точки зрения методики работы в экспедиции была принята система пяти научных бригад: бригада по лексике-семантике, бригада по синтаксису, бригада по фонетике и морфологии, бригада по фольклору и бригада по изучению понимаемости литературного языка среди широких масс. Для оперативной работы состав каждой бригады был разбит по 4-м территориальным отрядам, каждый из которых должен был иметь в себе «все роды оружия». Это двойное подразделение: органическое (бригады) и временно-оперативное (отряды) должно было обеспечить методическое единство подготовки в период полевой работы и методическое единство разработки, что должно было предохранить от разнобоя во время систематизации собранного материала. Предполагалось, что во главе бригад встанут бригадиры, ответственные за методическую

подготовку членов бригад, которые во время полевой работы не будут вмешиваться в оперативные распоряжения начальников территориальных отрядов. Между тем на деле получилось несколько иначе: отряды были сформированы раньше бригад, а не обратно, бригады, разбитые по отрядам, до этого не сработались и руководство бригадиров почти не ощущалось. Во многих случаях инструктирующую роль бригадиров (по первым четырем бригадам из пяти) приходилось выполнять во время полевой работы экспедиции заместителю Начальника по научной части.

Источники записи для экспедиции были троякие; связный текст рассказа, групповые беседы и заполнение так называемых лингвистических анкет.

Последние были разработаны во время подготовительного семинара и содержали в себе конкретные пункты по каждому разделу, заполнение коих предлагалось проводить по всем пунктам систематически с тем, чтобы получить сравнимый лингвистический материал для атласа диалектов и иных синтетических построений.

Предлагалось обратить особое внимание на сектор эксперимента для того, чтобы добыть от собеседника нужный материал самому, а не находиться во власти того, что тебе скажут. Между тем многие сотрудники вначале недооценили этот исследовательский момент в работе с отдельными объектами и предпочитали стихийную запись более или менее случайного и, во всяком случае, разнородного материала на собраниях и групповых беседах; были и обратные случаи. Несмотря на данную начальником экспедиции директиву изучать в первую очередь язык передовых рабочих и колхозников, в одном случае была попытка равняться на обезличенную массу (т. е. сезонников, часто малограмотных и отсталых). Однако все эти недочеты были вскоре выправлены, и отряды, как общее правило, работали в контакте с местными партийными и общественными организациями, от которых и получали списки местного актива, который и обследовался в первую очередь. Кроме того, отряды в порядке соцсоревнования вели культурную и разъяснительную работу на местах, проводили собрания, ставили литературные вечера, писали в местной прессе, и всячески пропагандировали на местах задачи и цели экспедиции, а также регистрировали и инструктировали будущих научных корреспондентов.

Несмотря на некоторые крупные и мелкие недостатки, работа экспедиции принесла значительную пользу, как для всего дела языкового строительства в Крыму, так и для самих работников экспедиции. Последние, получив научную закалку и практическую школу полевой работы, с энтузиазмом заявили о готовности продолжать эту работу. Материалы экспедиции представляют собой богатейший материал для многих серьезных научных разработок.

Вот конкретные результаты деятельности отдельных бригад. Одним из самых трудных и новых по методике изучения отделов является семантика. Работники этого отдела должны были

изучить словарный запас языка рабочих и колхозников с учетом всех напластований в лексике, а также учесть наиболее характерные сдвиги значений и другие семантические моменты словаря в его динамике. В качестве отдельного сектора семантической работы вводился сектор терминологии. Термины предлагалось собирать по производственному принципу, в связи с экономикой района, но не все (для того, чтобы не «впасть в этнографию»), а только те, которые представляют особый интерес в отношении семантики. Можно с полным правом сказать, что область эта, доныне не обследованная, в результате экспедиции, обогатилась рядом наблюдений. Получены документальные данные по интернационализации языка и по изживанию старых арабо-персидских элементов за счет советизмов и интернационализмов. Так, слова: reis, katip, toplasuo и т. д. заменяются всюду словами: predsedatel, sekretar, sobranije, «баллотировочный голос» не ses и даже не rej, а golos. Слова: rabocij, kolxoznik, udarnik, obşcestva, proizvodstva — всюду в ходу; никто не говорит: profteşkil'at, как еще пишется на вывесках, а всюду слышится: proforganizatsija. Характерно, что в некоторых районах слово şeher не употребляется: вместо него говорят или gorod или собственное имя: Jalta, Çankoj (т. е. город по преимуществу). Экспедицией подтверждены и установлены ряд интересных семантических моментов. По всему Крыму нет отчетливого разграничения между терминами «лес» и «гора»: существует единое нерасчлененное понятие л е с-г о р а (на юге daq, на севере tav); норма-литературного языка: daq (лес) и tav (гора) — искусственная, т. е. основана на различных стадиях о д н о г о и т о г о ж е слова, нигде реально не существующих. В Дерекое отмечено такое же слитное понятие «двор-забор» (azlar), при чем дифференциация проводится только за счет контекста: at azlarda — лошадь на дворе, quş azlarda — птица на заборе. Слово baş имеет обычную семантику: голова || начало || конец, а слово aqьz: рот, устье реки, горлышко бутылки. В Керченском районе слово zavod означает не только «завод», но «заводской жеребец». Интересная смысловая дифференциация: japmaq делать и çapmaq закрывать — подкрепляется местной фонетикой. Сравним еще oçaq камин и osaq таган. В зависимости от флоры Крыма слово selvi, означающее на южном берегу, как и по-турецки, «кипарис», в Симферополе обозначает «пирамидальный тополь».

Изучались также вопросы синонимики. Из двух слов для обозначения глины слово camur в Бахчисарае, где имеется гончарное производство, обозначает именно глину, как производственный материал, тогда как «грязь на улице» называется balcьq; в других районах имеем или обратное соотношение, или полное неразличение этих двух понятий. Derek означает только «живое дерево», тогда как aqaç относится только к срубленному. В деревнях Керченского района sьra значит: свеча, sьraq: лучина, а maj sьraq («масляная лучина»): лампа (последнее слово здесь не употребляется!). Сотрудники экспедиции изучали, какая разница между терминами özen и dere (горная речка); jer и topraq (земля); jeni

и taze (новый) и т. д. Изучены также стадиальные различия единых генетических форм: ic — iceri, mьş — dьşarь и т. д.

В части терминов работником южного отряда (по специальности — естественник) собрано большое количество ботанических и геологических названий, которые можно использовать в научной номенклатуре. Фабричная терминология (детали машин, производственный процесс и т. д.) в большинстве случаев оказывается русской, если на данном предприятии инструктора — русские. Характерно, что у женщин — кустарей Бахчисарая в чулочной артели мотальная машина называется mataj — maşьnasь. В южных деревнях, где отмечено много греческих (karpósine—шишка) и итальянских терминов, зарегистрировано даже слово varel (боченок) из английского barrel, попавшее, очевидно, через портовые города. Названные отдельные примеры из разных категорий лексики, терминологии и семантики не могут, разумеется, заменить всего собранного материала, общие выводы из которого могут быть сделаны лишь в результате систематической разработки.

По разделу синтаксиса установлено, что старый традиционный порядок слов (подлежащее — в начале предложения, сказуемое — на конце) уж разрушен жизнью, как не отвечающий ее темам. Сдвиги в сторону свободного порядка слов происходят не столько в силу влияния со стороны русского языка, сколько в силу внутреннего процесса перестройки в самом татарском языке. Отчетливо установлена роль интонации и пользование приемом инверсии. Кстати, интонация в предложениях типа tizmeli çymle дает в результате нечто, соответствующее русскому сложному предложению. Большое внимание привлекала конструкция «и з а ф е т а» во всех его стадиях, но сейчас дать какую-нибудь определенную формулировку по этому вопросу затруднительно. Интересно установить сдвиги и здесь за счет распространившихся сочетаний: clen sovet (член совета), nacal'nik atr'at (начальник отряда) и т. д. Работа по синтаксису была особенно трудна в том отношении, что здесь крайне трудно было ставить научный эксперимент, не прибегая к подсказыванию или к переводу с русского. Тем не менее, удалось установить некоторые довольно тонкие случаи, как, например, особый тип причинных конструкций: men kelmedim nesyn ajtsan işim bolds — «я не пришел (если спросишь почему) у меня было дело» — я не пришел, потому что у меня было дело. Интересна также попытка использовать в роли союза слово olala (северный Крым).

По разделу фонетики и морфологии предлагалось прежде всего отметить сдвиги в звуковой и морфологической структуре слов, а затем уже давать характеристику диалектов, как исторический материал к существующему литературному языку. Здесь установлена степень усвоения «интернациональных» фонем: **ц**, **в**, (рус.) и **ф** (для большинства районов это тоже — интернациональная фонема»), разрушение старого правила о недопустимости двух согласных в начале слова (spravka, stanok, traktorist, и много других), изживание губной гармонии гласных и появление

нового типа ударения (не на конце, например: tràktor, dòktor, stàntsija и др.). Обращалось также внимание на результаты логического ударения во фразе. Из специфических особенностей отмечено произношение **к** как **с** в Керченском районе (Cerc — Керчь вм. Kere, Cepe — Феодосия вместо Kef), **q** как **x** (xabax — тыква вместо qabaq (на всем южном берегу от Байдар до Таракташа), при чем в двух названных пунктах имеем параллельные формы; произношение **g** как **dz** в некоторых местах южного берега (dzeldim — я пришел вместо geldim). В «ногайской части» деревни Noqaj Qьjat, где во времена Радлова, судя по его записям, имелись еще «ногайские» черты произношения, в наши дни эта особенность сохранилась только у одного единственного старика. Наблюдения над фонетикой Крыма лишний раз подтвердили, что в Крыму нет «чистых» диалектов, которые можно было бы подогнать полностью под какую-либо звуковую схему: так, на южном берегу, где в начале слов преобладает **j**, встречаются такие формы, как çijdьm (я собрал), а в районе Карасубазара отмечены формы типа geldim вместо предполагавшихся там keldim и т. д.

В отношении морфологии отмечены новые типы словообразования как средствами самого татарского языка (kajxab — селькор), так и (чаще) средствами интернационального оформления: izm, -ist, -tor и т. д.. Старые арабские прилагательные типа medenij употребляются крайне редко. Нарождается новая для крымско-татарской грамматики категория женского рода (aktivist-ka, dojar-ka и т. д.), но только для существительных, а не для прилагательных, где скорее прививаются единые формы типа rabocij, (сравнить запись из Керченского района: tatarski klubьna (sic!) bul'varqa baram иду в татарский клуб, на бульвар), чем предложенные 3-й языковой конференцией формативы -ik, -tik, -ijon. Сложно сокращенные слова имеют хождение всюду; конструируются они обычно так же, как и по-русски, т. е. SIK чаще, чем MIK и т. д. Слово MTC так и воспринято в районах, как одно целое слово Emtees. Что касается сложных глаголов, то всюду предпочитают аналитические формы redaktirovat etmek предложенным на 3-й языковой конференции образования типа redaktirlemek. Из морфологических черт диалектов отметим особую систему указательных местоимений на южном берегу (-abu -avu -u с производными «уменьшительными» и «увеличительными» формами к ним), а также впервые, по словам А. Н. Самойловича, зарегистрированный там же процесс перехода некоторых служебных имен в полуаффиксы. Примеры к последнему положению: baqcà-ce (в саду) вместо baqca icinde, tàş-se (на камень) вместо taş ystyne и т. д. Интересен также подбор послелогов, сильно варьирующий по всему Крыму. Сравним, например, архаичные керченские формы: çol-man, karzinka-man.

В отношении фольклора основной задачей ставилась полная и, по возможности, исчерпывающая регистрация образцов послеоктябрьского фольклора. По этому пункту собрано довольно много песен с новой тематикой (фабричное производство, ударничество, зажиточная жизнь в колхозах и т. д.); одна из запи-

санных в Ай-Высыле песен носит название Perekop turkysy—песня о Перекопе. Кроме песен, посвященных целиком новой тематике, имеется ряд сдвигов в песнях, которые по своей композиции и языку должны считаться старыми: их «новизна» выражается или во вставленных стихах (строфах) на современную тему, или же в поводе, по которому данная песня поется (яркое событие в жизни колхоза и т. д.). В отношении дореволюционного фольклора собрано много вариантов к известным ранее образцам (циклы об Алиме, Чаныджы и т. д.). Особенно большая работа в этом отношении проведена в южном отряде, где среди записанных 500 страниц фольклора имеются многочисленные варианты к известным турецким и крымским песням, — варианты настолько исчерпывающие, что они представляют весьма значительную фольклорную ценность. Единственно на южном берегу удалось также произвести научный эксперимент по изучению динамики фольклора, а именно сличить старые записи Келлера (60 лет тому назад) и Олесницкого (25 лет тому назад) с тем, что поют теперь в тех же деревнях, где собирали свои материалы названные исследователи. Кроме южного берега, где фольклорная работа всегда встречает «конкурентов» (для нашего отряда таковым явился Алупкинский Музей и его работник К. Усеинов), очень хорошие материалы по фольклору дал 1-й северный отряд: там, кроме многочисленных записей по советскому фольклору, собраны также интересные варианты к эпическим произведениям о Чора-батыре и Эдиге. Не оставлен без внимания и новый фольклорный жанр — устные сказы. Конкретные вопросы циклизации, классификации и номенклатуры жанров будут разрешены после разработки привезенных материалов. При собирании главное внимание обращалось на песни и сказки в виду того, что пословицы и загадки Крыма изучены более удовлетворительно. Необходимо добавить, что фольклористы экспедиции также приобретали на местах фольклорный материал в уже записанном виде (рукописи, тетради, отдельные листки), которые еще не начаты разработкой.

Наконец, в смысле изучения литературного языка с точки зрения его понятности для широких масс также сделано немало. При проверке на местах обнаружилось, что затруднение в понимаемости проистекает или от неумелой передачи терминов (средствами арабизмов или плодом собственного творчества) или от неумело составленных синтаксических конструкций. И то, и другое подлежит исправлению, что обычно и проделывали в устной форме сами опрашиваемые. Как показательный материал, привлекались статьи из стенных газет, плакаты и объявления на предприятиях.

В общем обзоре трудно описать все то, чем жила Крымская языковая экспедиция два месяца своей работы. Работа дала безусловно положительный результат. Продолжение полнокровной научной жизни и умелая разработка собранного — вот задачи, стоящие теперь перед участниками Крымской языковой экспедиции, которая является первой за всю историю Крыма.

ЮМАНКУЛОВ И.

К ИТОГАМ КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Мощный рост социалистической промышленности, победа колхозного строя, колоссальный подъем культуры и материальной обеспеченности трудящихся масс, достигнутые под руководством большевистской партии, во главе с вождем народов т. Сталиным, в огромной степени повлияли на перевоспитание широчайших масс трудящихся. В огне классовых битв, в результате успешного проведения ленинско-сталинской национальной политики, окрепло интернациональное единство трудящихся всех народов Союза ССР, изменилась психология людей и их язык. «...Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» (из высказываний Маркса — Энгельса, том IV, стр. 16—22).

Огромные социальные сдвиги, коренные изменения в языке можно было проследить в процессе работы Крымской экспедиции. Крымская АССР является одной из передовых республик Советского союза. Награждение республики и ее руководителей орденами Ленина является ярким подтверждением этому. Крым, бывший до Октябрьской революции отсталой царской колонией с отсталым и жестоко эксплоатируемым населением, ныне превратился в республику сплошной коллективизации и сплошной грамотности. Лучшие ударники республики всему Союзу показывают пример действительного социалистического труда. Растет национальная по форме и социалистическая по содержанию культура, успешно идет развитие крымско-татарского литературного языка.

Несмотря на то, что «классово-враждебные, антисоветские элементы пытались и до сих пор пытаются взять языковое строительство под свое влияние, направить развитие языка на разъединение наций, для насаждения буржуазно-кулацкой культуры и реставрации власти буржуазии» (из резолюции 3-й Всекрымской языковой конференции 1934 г.), развитие крымско-татарского языка идет по правильному пути. 3-я Всекрымская языковая конференция (в которой ВЦК НА принимал активное участие), проведенная под непосредственным руководством Обкома ВКП(б), наметила четкие принципы по всем разделам строительства крымско-татарского языка и дала указание о необходимости

всестороннего изучения его, для чего решила «организовать совместно с Академией Наук и ВЦК НА глубокое изучение живого татарского языка и его диалектов...»

Экспедиция, организованная в 1935 г. ВЦК НА и Наркомпросом Крыма, провела большую работу по изучению развития крымско-татарского литературного и разговорного языка в современных социалистических условиях. Экспедиция дала ценные материалы для точного установления направления и динамики развития разговорного языка, главным образом, татарских рабочих и колхозников, а также по выявлению степени понимаемости и доступности современного литературного языка трудящимся массам. Экспедиция обратила особое внимание на собирание фольклорного материала, который имеет большое значение в деле установления направления и динамики литературного и живого языка с исторической точки зрения. Экспедиция также обратила внимание на выявление взаимодействий разговорного и литературного языка и определение тенденции развития крымско-татарского литературного и разговорного языка в эпоху диктатуры пролетариата и в условиях развернутого социалистического строительства, с целью уточнения руководства в деле урегулирования и активного воздействия на развитие современного татарского литературного языка, соответственно задачам и требованиям социалистического строительства.

В работе экспедиции громадную помощь оказали районные партийные и советские организации, руководители совхозов и колхозов, МТС и вся масса рабочих и крестьян тех районов, где работали отряды экспедиции. Такое понимание и участие масс в работе подобной экспедиции, конечно, может быть только в стране советов, где успех всей социалистической стройки решает участие масс, руководимых партией.

Одним из больших положительных фактов в работе Крымской языковой экспедиции является широкое участие в ней писательской организации Крыма. Подобный факт в таком широком объеме является единственным, в других республиках писательские организации еще не принимают такого участия.

В виду того, что в статье проф. Дмитриева подробно описана работа экспедиции, остановимся только на отдельных вопросах.

Одним из ценных результатов экспедиции является организация корреспондентских пунктов на местах. Это было сделано в целях продолжения начатой экспедицией работы и привлечения к массовой научно-исследовательской работе передовых культурных работников и повышения их научной квалификации. Экспедиция создала 60 корреспондентских пунктов, снабдив их специальной инструкцией о их работе.

Четыре отряда экспедиции собрали всего около 20 тыс. терминов: естественных дисциплин, орудий производства, общественно-экономических и др.

Например, по маршруту IV отряда, т. е. начиная от Севастополя до деревни Отузы собрано 5 300 терминов, из них около 35% совершенно новые, еще не вошедшие в наши словари. Эти

новые термины можно разбить на следующие группы: а) ботанические, б) зоологические, в) геологические и географические, г) по кузнечному делу, д) по столярному делу, е) по строительству, ж) по бондарному делу и з) по другим.

Остальные 65% терминов падает на термины повторяющиеся. Но и это является большим достижением, так как дает возможность проверить то, насколько трудящиеся массы усвоили и употребляют тот или иной термин. Собирание терминов показало, что маршрут от Севастополя до деревни Отузы настолько разнообразен в отношении употребления терминов, что почти в каждом обследованном пункте один и тот же термин употребляется иначе.

Возьмем, например, термин ящерица. В д. Чоргун называют kesertke, в Гаспре kesertke, в Дериксе karaşofla, в Гурзуфе kursofla, в Дегерменкое kşofla, в Алуште surka, в Кербеке kolokşafa, в Кучук-Узбеке kşafla, в Ускуте koroçafla, в Ай-серезе karaşafla, в Таракташе kesekere, в Кутлаке kortaunere, в Отузах kestankere.

Обращает на себя внимание тенденция развития татарского языка по линии правильного произношения заимствованных из других языков слов, главным образом, колхозниками и промышленным пролетариатом.

Исследования показали, что на ряду с плохим пониманием передовой литературы трудящимися, во многих местах печатные литературные произведения читаются чрезвычайно трудно и медленно ввиду слабой усвоенности новой письменности. Даже отдельные руководители колхозов и сельсоветов не читают литературу на татарском языке. Такие явления зарегистрированы в Карасубазарском, Старокрымском районах и в городе Феодосии. Там скрытно живет арабское письмо. Не менее, чем 25—30% населения колхозных деревень — Аргин, Молбай, Копюрлукой Карасубазарского района, рабочих совхоза «Мариано» и кустарей артелей «Ени-Дунья» и «Кизил-Шарк» в гор. Карасубазаре неграмотны на новом алфавите. Между тем там ликбезы не работают.

Такие явления имеют место в отдельных деревнях Кировского, Джанкойского, Лариндорфского, Ак-Шейхского и других районов.

Обком ВКП(б) быстро реагировал на это и в своем решении от 19.X.1935 г. по докладу начальника экспедиции предложил всем горкомам и райкомам в течение 1936 года ликвидировать этот важнейший недостаток на культурном фронте.

Кроме своей основной работы экспедиция проводила значительную работу по линии культурно-массовой работы среди трудящихся — организовывала массовые вечера, отдельные беседы с колхозниками на хозяйственно-культурные и общественно-политические темы. Всего по 4 отрядам проведено до 50 вечеров, в числе которых есть массовый вечер встречи рабочих, служащих и всех трудящихся г. Карасубазара с научной экспедицией и с татарскими писателями, организованный по инициативе Рай-

кома ВКП(б). На вечере руководители экспедиции рассказали о задачах экспедиции, а татарские писатели читали свои произведения.

Работниками экспедиции созывались совещания бригадиров, специалистов совместно с активом, где заслушивались краткие информации о ходе уборки табака, винограда, фруктов и хлеба, об организации труда в колхозах, бригадах, о культурно-просветительной работе, о распространении печати, о плане подготовки к будущему 1936 г. и т. п.

Членами отрядов был проведен ряд бесед о постановлении 3-го съезда колхозников-ударников Крымской АССР, об уроках Кучук-Озеня, о контрреволюционной деятельности миллифирковцев, о кулацко-вредительском деле в дер. Кореиз, об осенней посевной кампании, о воспитании молодого поколения, о ликвидации неграмотности. Работники экспедиции помогали колхозам в проработке нового сталинского устава с.х. артелей, инструктировали учительство об изменениях в программах и учебниках, прорабатывали вместе с ними постановления 3-й языковой конференции.

В местной печати было напечатано 37 статей, написанных участниками экспедиции. Начальник экспедиции и его заместитель т. Аметов прочитали доклады по радио «О предварительных итогах экспедиции».

Несмотря на отдельные недочеты, явившиеся следствием слабой предварительной подготовки экспедиции, недостаточности квалифицированных кадров из местных работников, перебоев в транспорте и др., экспедиция дала большие положительные результаты.

Проф. ПАШКОВ Б.

О КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

До Октябрьской революции калмыковедение было на службе у царизма, проводившего колонизаторскую политику в Калмыкии. Профессоры калмыцкого языка Попов, Голстунский, Позднеев изучали главным образом традиционный письменный язык калмыков и в нем видели калмыцкий язык в целом. Они не замечали классового характера языка. По словам Позднеева А. М., проф. Голстунский во время своего путешествия по астраханским степям в 1856 г. обнаружил, что калмыцкий письменный язык отличается от живого разговорного. Однако это «открытие», как назвал проф. Позднеев это наблюдение Голстунского, не привлекло тогда внимания специалистов к изучению калмыцкого разговорного языка. Царские калмыковеды продолжали изучать старый (клерикальный) письменный язык в хурулах (монастырях) у ламаитского духовенства. Язык калмыцкого хотона (деревни) им был не известен, да они им и не интересовались, так как принципы буржуазного языковедения ставили в центре их внимания только письменные языки. Впервые начал изучать калмыцкий разговорный язык проф. Котвич, опубликовавший в 1915 г. «Опыт грамматики калмыцкого языка», но он все же не мог отказаться от признания ведущей роли за языком старой письменности.

Советское калмыковедение, вскрывшее классовый характер старой калмыцкой письменности, главное внимание обращает на изучение живых массовых говоров калмыцких трудящихся, считая, что только такое изучение дает базу для повышения языковой культуры трудящихся. Наилучшим же способом изучения массовых говоров является метод экспедиционного обследования всех сторон языка и научная разработка собранных экспедицией материалов. Поэтому в отношении изучения калмыцкой живой речи, советские калмыковеды должны были использовать экспедиционный метод.

Организация лингвистической экспедиции в Калмыцкую автономную область, ныне республику, впервые была намечена еще в 1930 г. но ни в этом, ни в следующих 1931 и 1932 гг. она не состоялась; не было подготовленных кадров лингвистов. В дальнейшем с открытием калмыцкого отделения и кафедры калмыцкого языка и литературы при Саратовском государствен-

ном педагогическом институте появилась возможность осуществить такую экспедицию.

Конкретно лингвистическая экспедиция ставила перед собой следующие задачи:

1. Собрать диалектологический материал для окончательного оформления ново-калмыцкого литературного языка, а именно:

а) обследовать массовые диалекты и говоры для установления норм ново-калмыцкого литературного языка;

б) собрать необходимый материал для стандартизации новой орфографии;

в) установить пути, по которым идет обогащение словарного запаса калмыцкого языка новой революционной терминологией.

2. Собрать материал для составления научной и практической грамматики ново-калмыцкого литературного языка. До сих пор таких грамматик не было, не было материалов об истории калмыцкого языка и современном его состоянии, которые послужили бы основой для таких грамматик. Это отражалось на качестве преподаваемого материала по кафедре калмыцкого языка и литературы.

3. Собрать фольклорный материал, которым чрезвычайно богаты калмыки и который необходим в своих формах для дальнейшего развития новой художественной литературы.

Для обследования был намечен и утвержден Приморский район, как наиболее мощный в экономическом отношении и наиболее характерный в языковом отношении. Приморский район и по численности населения, и по разнообразию хозяйственной деятельности (ловецкое, скотоводческое и земледельческое хозяйство), и по языковому многообразию занимает первое место среди районов Калмыкии. Все местные говоры республики здесь представлены. В дальнейшем к Приморскому району был присоединен для обследования еще Сарпинский район.

1. В результате экспедиционной работы были обследованы следующие сельсоветы из числа 30: Долбанский, Ястинский, Шабинеровский, Багацохуровский, Цомокский, Центральный, Пикиртинский, Джиликтинский, Дальчинский, Чимбинский, Яндыковский, Промысловский, Оленчевский.

В первых десяти сельсоветах собран материал о калмыцкой диалектологии, в последних трех — о русской диалектологии и материал об особом русско-калмыцком жаргоне.

Было установлено, что язык остальных сельсоветов целиком совпадает с языком обследованного населения.

2. Были обследованы еще сельсоветы: Хамхултинский и Зинзилинский, как трехязычные сельсоветы, их население говорит на трех языках — калмыцком, татарском и русском.

3. Был обследован особо Багацатановский говор, отличающийся от остальных калмыцких говоров отсутствием в нем фонемы С (Ц). Во всех тех случаях, где в других говорах слышится С (Ц), в этом говоре слышится Ç (Ч). Чакающий говор распространен в трех сельсоветах, пограничных с Северным Кавказом: Хамхултинском, Цикиртинском и Белоозерском.

Обследование установило, что на территории нынешнего Приморского района представлены говоры 5 бывших улусов из 8 имевшихся ранее, а именно: Харахусовского, Багского-цохуровского, Эркетеневского, Яндыко-Мочажного, Ики-цохуровского.

Все эти говоры представляли собой один так называемый торгутский говор, по отношению к которому указанные пять говоров являются как бы подговорами. Первая областная конференция по латинизации калмыцкой письменности (1931 г.) приняла за основу (фонетическую) ново-калмыцкого литературного языка торгутский говор, считая население говорящих по-торгутски наиболее опролетаризированными.

Материалы экспедиции показывают, что на территории Приморского района — на территории так наз. торгутского племени — наблюдается также много элементов так наз. дербетского говора. Это объясняется тем, что на протяжении последних 100 лет сюда стекались со всех концов калмыцкой степи обедневшие бесскотные калмыки (главным образом дербеты) в поисках заработка на рыбных промыслах, которые в большинстве случаев оставались здесь навсегда. Постоянное соприкосновение с торгутами на базе общей экономической деятельности оказало взаимное влияние на язык тех и других. Поэтому говорить о специальном торгутском говоре в современных условиях нельзя. Следовательно, установка языковой конференции 1931 г. на торгутский говор, как основной, была не совсем правильной.

Члены экспедиции присутствовали на слете колхозников-ударников в Долбане, где имели возможность записать выступления ораторов, съехавшихся со всех концов Приморского района, а также на районной учительской конференции. Обе конференции дали богатый материал. Слет колхозников-ударников дал возможность составить предварительную диалектологическую карту Приморского района и уточнить намеченный маршрут.

Что касается результатов экспедиции, то вкратце они могут быть сформулированы следующим образом.

Фонетический материал подтвердил наличие в калмыцком языке восьми гласных, из них:

a, o, u — гласные заднего ряда,

ə, ө, y, e, i — гласные переднего ряда.

Эти гласные различаются в количественном отношении на долгие, короткие и редуцированные.

Спорный вопрос в обозначении глагольного окончания «zana» через zana или zənə или zanə в собранных материалах разрешается одинаково в пользу каждого варианта. (Слитная форма типа umşzana слышится чаще, чем составная типа umşz bənə).

Гармония гласных в калмыцких словах всюду сохраняется; некоторым исключением служит гласный «ə», являющийся часто нейтральным как «i».

Звонкие согласные (g, d, b) в конце слов слышатся как глухие, но в словоизменениях перед гласным всегда слышатся только как звонкие.

Собранный материал дает больше слов с конечным а, а не ə типа: mana, а не manə.

Это подтверждает принятую орфографию на последней калмыцкой конференции.

Терминологический материал свидетельствует о следующем:

1) Новые термины чаще всего заимствуются, а не создаются заново на базе калмыцкого языка.

2) Новые слова заимствуются главным образом из русского языка или через посредство русского: среди дореволюционных заимствований много слов татарского происхождения.

3) Дореволюционные заимствования почти все фонетизированы по-калмыцки и подчиняются калмыцким же словоизменениям, напр. seglətr — секретарь, beş — печь.

4) Заимствования революционной эпохи в большинстве случаев не подчиняются закону сингармонизма и часто сохраняют не только суффиксы, но и флексию заимствуемого языка.

Собран также богатый лексический материл по разделам: ловецкого хозяйства, скотоводческого, земледельческого, кустарно-промыслового, характерного для Калмыкии.

Для истории калмыцкого языка собран специальный материал из бытовой и фольклорной лексики, местами исчезающей, а также материал топонимической лексики.

Собранные экспедицией материалы имеют как научное, так и практическое значение.

На основе этих материалов разработан ряд вопросов калмыцкой орфографии, терминологии и литературного языка, представленных в качестве докладов на областной языковой конференции в г. Элисте.

Необходимо здесь указать один из главных выводов из материалов экспедиции.

Прежнее деление калмыцкого языка на торгутский и дербетский говоры, имевшее силу в эпоху расцвета калмыцкого феодализма, и основанное на племенных различиях, ныне не выдерживает критики. В настоящее время, исходя из основных отраслей хозяйственной деятельности калмыцкого народа, можно говорить о трех говорах: 1) рыболовецком, 2) скотоводческом и 3) земледельческом, различающихся главным образом в лексической части.

НА МЕСТАХ

Проф. РЯБОВ А.

ИТОГИ ЯЗЫКОВЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ МОРДОВИИ

Быстрый социалистический рост Мордовской автономной республики обеспечил огромный рост ее культурного строительства. Мордовия становится республикой сплошной грамотности. В центре Мордовии, г. Саранске, имеется два вуза — педагогический и сельскохозяйственный, Научно-исследовательский институт культуры, рабфак, совпартшкола, ряд техникумов и т. д. В этих научных и учебных учреждениях обучаются тысячи молодежи из мордвы.

Одним из оживленных участков культурной стройки Мордовии является языковое строительство. За три года существования (1933—1935) Института было проведено три языковых конференции. Эти три конференции, особенно первая из них, имеют определенное историческое значение.

В результате 1-й Мордовской языковой конференции была разработана, обсуждена и установлена стабильная орфография для эрзянского и мокшанского языков. В отношении мокшанского языка это приходится утверждать с некоторой оговоркой: его орфография была разработана и утверждена в атмосфере долгих колебаний и нерешительности, а потому потребовала основательных корректив на последующих двух конференциях. Что же касается эрзянской орфографии, то она без всяких оговорок может быть названа стабильной. На базе новой эрзянской орфографии написаны все стабильные учебники и таким образом она заняла прочное место в мордовской школе. На новой орфографии издается вся литература, газеты, журналы и проч. На 3-й языковой конференции было авторитетно заявлено, что новая эрзянская орфография трехлетний экзамен выдержала на «хорошо».

Состояние орфографической практики до созыва 1-й языковой конференции нельзя было не признать явно катастрофическим. Серьезность положения заключалась в том, что до 1933 г. орфографическая практика шла по линии наименьшего сопротивления, шла стихийно, грозя превратиться, а на некоторых участках действительно превращаясь в сплошную орфографическую анархию. До установления новой орфографии 1933 г. господствовал крайне вредный принцип «пиши как говоришь», т. е. проще говоря, пиши, как кому вздумается. «Научно» это положение формулировалось следующим образом: «Письменный

стандартный язык должен быть простой письменной проекцией разговорного стандартного» (языка А. Р.) [1].

Однако новая орфографическая реформа прошла не так-то легко. Правда, сторонники прежней «орфографии», вдохновители принципа «пиши как говоришь», из-за свойственной им беспечности были застигнуты врасплох, но разобрав в чем дело эти люди подняли страшный вой, отголоски которого можно услышать даже и теперь. Но шум, поднятый вокруг мордовской орфографической реформы даже принес некоторую пользу, так как заставил глубже продумать ее в деталях, упущенных из виду при первой проработке.

Вторая Мордовская языковая конференция в основном была посвящена обсуждению и разрешению терминологической проблемы. Подчеркиваем, что в основном потому, что наряду с основным терминологическим докладом повестка дня второй конференции включала и вопросы орфографии, поставленные в плане уточнения и углубления решений 1-й языковой конференции (главным образом по мокшанской линии).

Еще первая конференция поставила перед языковым строительством Мордовии задачу — безотлагательно приступить к разработке терминологии, которая является одной из важнейших частей национального языка. В первые годы Октябрьской революции, в годы зарождения мордовской письменности и мордовских литературных языков терминологические (а равно и орфографические) вопросы не стояли в повестке дня языкового строительства. Не до них было тогда, впервые в истории получив свою письменность, мордва стала с энтузиазмом писать, издавать газеты, журналы, учебники, листовки и др. Не было просто времени подумать о терминологии, отсюда и полная неразработанность этого вопроса.

Результаты 2-й языковой конференции и весь процесс работы ее зафиксированы в стенографическом отчете, который в ближайшее время должен выйти из печати Надо прямо сказать, что результаты терминологической конференции являются более скромными по сравнению с тем, что дала орфографическая конференция. Это отчасти объясняется тем, что в прошлом по линии мордовской терминологии было очень мало сделано: частично разработана была лишь географическая терминология (при издании мошканского и эрзянского глобусов). Вторая языковая конференция кроме принципиальных решений по вопросам терминологии, практически дала в значительной мере оформленную грамматическую терминологию. Эта грамматическая терминология оформлена и по эрзянской и по мокшанской линии и уже испытана на практике, в эрзянских и мокшанских стабильных учебниках по языку, выдержавших два издания. По остальным дисциплинам терминология осталась не проработанной. Учебники по математике, физике, естествознанию и др. в отношении терминологии заставляют желать много лучшего.

[1] Стенографический отчет II-й мордовской языковой научной конференции, стр. 261.

Недавно постановлением ЦИК Мордовской АССР в Саранске организована республиканская терминологическая комиссия. Одной из первоочередных задач этой комиссии является оформление отраслевых терминологических словарей. Само собой разумеется, что терминологическая комиссия не в состоянии будет в краткий срок исчерпать всю работу, которую предстоит сделать. Кто-то должен взять на себя кропотливую трудную, требующую больших навыков, работу по подготовке проектов терминологических отраслевых словарей. Трудность этой работы усугубляется тем, что постановления 2-й языковой терминологической конференции, утвержденные Наркомпросом и опубликованные в журнале «В помощь школе» № 1 (май 1935 г. Мордгиз, Саранск), не имеют полной законченности. Ряд пунктов этого постановления снабжен примечанием: «передать для разработки в НИИМК». Комиссии, повидимому, также придется наряду с строительством терминологии сглаживать некоторые шероховатости, встречающиеся в резолюциях 2-й терминологической конференции. Несмотря на эти недостатки все же основные установки по терминологии, данные 2-й конференцией, достаточны для того, чтобы немедленно приступить к непосредственной терминотворческой работе. В первую очередь надо разработать и утвердить термины общественно-политические.

Само собой разумеется, что в принципах и практике терминотворчества по линии мокшанского и эрзянского языков должна быть максимальная координированность. Эта координированность обеспечивается созданием единой терминологической комиссии, куда входят как эрзянские, так и мокшанские работники.

Третья мордовская языковая конференция явилась в основном конференцией по морфологии мордовских языков, хотя наряду с основными морфологическими докладами на повестке дня стоял ряд докладов: о качестве переводов классиков марксизма-ленинизма на мордовский язык, о синтаксисе, о лексических схождениях и расхождениях мокшанского и эрзянского языков. Характерной особенностью 3-й языковой конференции является ее практическая целеустремленность: всемерно помочь мордовской школе, разработав материал для составления стабильных учебников по языку. В этом плане конструировались основные доклады по эрзянской и мокшанской морфологии. В докладах был разработан и продемонстрирован морфологический словоизмерительный запас в частности эрзянского литературного языка. Этот материал был подан в виде 12 таблиц, которые после тщательного просмотра и обсуждения на секции были утверждены пленумом конференции, а затем позднее санкционированы Наркомпросом Мордовии. В этих таблицах нашла свое отражение установленная на 3-й конференции классификация имеющегося в таблицах морфологического материала.

Каковы же первоочередные задачи, стоящие перед языковым строительством Мордовии, в связи с реализацией решений всех трех языковых конференций? Самой главной задачей является неуклонное повседневное проведение в жизнь решений языковых

конференций, в частности, по линии орфографии. Для этого надо немедленно выпустить в свет эрзянский и мокшанский орфографические словари. Появление этих словарей устранит некоторые шероховатости, встречающиеся в орфографической практике обоих мордовских языков. По линии терминологии надо сейчас же приступить к составлению отраслевых терминологических словарей, начав с общественно-политического раздела. Специальной работы по словникам, пожалуй, и не нужно делать, так как у ряда национальностей в этом отношении есть некоторый опыт, которым следует воспользоваться. В связи с разработкой новых программ по мордовским языкам для начальной и средней школы надо обеспечить мордовскую школу соответствующим новым программам учебниками.

Вся тяжесть этой работы ляжет на Научно-исследовательский институт Мордовской культуры, который должен включить данные работы в план языкового сектора на 1936 г.

В прошлом году работа по языковому строительству Мордовии получала регулярную материальную и научную помощь со стороны Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита. Надо сказать, что все три конференции прошли при энергичном содействии ВЦК НА. Есть все основания надеяться, что и в дальнейшем ВЦК НА не откажет в содействии молодой Мордовской республике в ее напряженной работе по языковому строительству.

Проф. ГРАНДЕ Б.

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО МОЛДАВСКОЙ АССР

Латинизированный молдавский алфавит был введен в Молдавской АССР в 1932 г. постановлением Президиума ЦИК УССР и ЦИК АМССР. До этого времени в Молдавии был в употреблении алфавит на основе русской азбуки.

Что касается молдавского литературного языка, то до начала 1932 г. в этом вопросе имел место ряд извращений. Группа «самобытников», укрепившись в Научном Комитете, проводила теорию Скрыпника о «двух языках и двух национальностях, находящихся по ту и другую сторону Днестра». Эта группа пыталась строить молдавский литературный язык исключительно на основе одного местного диалекта, превращая его в язык непонятный для молдаван, говорящих на других диалектах. Некий Мадан, бывший тогда председателем лингвистической секции Научного Комитета надумывал и протаскивал в литературный язык слова, непонятные молдавским трудящимся массам.

Молдавская партийная огранизация дала отпор «самобытничеству» и «мадановщине» и взяла твердую линию на усовершенствование и улучшение литературного языка, чтобы сделать его понятным для всех молдаван, где бы они ни жили и на каком бы диалекте они ни говорили. Одновременно ведется борьба против попыток протаскивания в молдавскую литературу офранцуженного лексикона румынской правящей верхушки, совершенно непонятного молдаванам даже в самой Румынии. Но это отнюдь не означает, что в литературный язык Советской Молдавии нельзя включать богатства литературного языка Румынской художественной литературы. Молдавский литературный язык в непримиримой борьбе с великодержавным шовинизмом и с местным национализмом, смыкавшимся с украинским национализмом и империалистическими интервентами, поднимается на высшую ступень.

Однако, до последнего времени в Молдавской АССР не было органа, который специально занимался бы вопросами языкового строительства. При Наркомпросе АМССР существует «Управление латинизации», в задачи которого входит обучение взрослого населения на новом алфавите, подготовка ликбезработников и культармейцев и вообще вся работа по ликвидации неграмотности и малограмотности на латинизированном алфавите. В то

же самое время при ЦИК'е Молдавской АССР существует «Комитет по молдавизации аппарата», в функции которого входят: коренизация аппарата путем выдвижения на работу молдаван, перевод на молдавский язык делопроизводства в районах с молдавским населением и обучение молдавскому языку работников центральных и местных учреждений.

Что же касается вопросов развития языка, то предполагается, что этим должен заниматься организованный в 1934 году «Научно-исследовательский Институт Краеведения». Однако Институт весьма слабо укомплектован кадрами языковедов. Кроме того Институт является научным учреждением, выводы и предложения которого не являются обязательными; да и проведение их в жизнь-на практике не входит в функции Института. Институт этот включил в свой план работы составление терминологических словарей, которые должны содействовать устранению разнобоя в области литературного языка.

Важное значение для развития молдавского языка имеет практика центральной молдавской газеты «Молдова Сочиалиста», так как язык этой газеты служит образцом также для районных газет. Но газета не может взять на себя повседневную разработку научных вопросов, касающихся языка, проверку качества учебной литературы, анализ языка переводов и т. д.

Все это показывает, что необходим специальный орган, который объединял бы всю работу по языковому строительству, организовал эту работу через научные и другие учреждения, координировал работу, проверял качество литературной продукции с точки зрения правильности языка, следил за исполнением и проведением в жизнь улучшений и усовершенствований языка, а главное нужно, чтобы этот орган был официальным, и постановления его имели бы обязательный характер. Чтобы не создавать нового органа, надо расширить функции Комитета по молдаванизации с тем, чтобы в его компетенцию входило руководство всей языковой работой.

Что касается практики языкового и культурного строительства, то за последние годы в Молдавской АССР под руководством Обкома ВКП(б) достигнуты значительные успехи.

Латинизированный алфавит был введен во вторую половину 1932 г. В том же году через месячные курсы переподготовки были проведены все школьные учителя; новая письменность была введена в школы с начала учебного года. В 1933 г. было подготовлено 3000 культармейцев, с помощью которых начато массовое обучение новой письменности рабочих и колхозников. В 1933/34 учебном году было охвачено обучением около 57 тыс. взрослого населения, из которых к концу учебного года закончило обучение 38 500 чел., в том числе впервые было обучено грамоте 16 тыс., остальные прошли переобучение.

В следующем 1934/35 г. обучением было охвачено 50 тыс. чел., из которых к 1 мая закончило 34 700 чел. Из них впервые обучено грамоте 28 300 чел. Одновременно продолжалась подготовка культармейцев, которых сейчас имеется 5 тыс.

Таким образом всего обучено грамоте на новом алфавите свыше 73 тыс. трудящихся молдаван, т. е. около 86% всего взрослого населения. В настоящее время необученных остается 12—13 тысяч, считая в том числе возможные рецидивы неграмотности. Разработан и утвержден план окончательной ликвидации неграмотности в течение текущей зимы. Для сравнения укажем, что в 1926 г. грамотных молдаван было всего 33%, а среди женщин лишь 14%.

Необходимо добавить, что, начиная с 1934 года, в школах ликвидации неграмотности обучают не только чтению и письму, но также и арифметике и естествознанию.

Весьма показателен рост сети молдавских школ. В 1924/25 учебном году было всего 11 молдавских школ (начальных); в 1927/28 г. — 104 школы, а в 1934/35 г. — 141 школа, в которых обучалось 26 тыс. детей. Всего же школ в АМССР (в 1934/35 гг.) 491 с 93 тыс. учащихся. В 1936/37 г. предполагается полностью охватить неполной средней школой всех детей школьного возраста. Учителей было в 1925/26 г. 800, из них молдаван 140, в 1934/35 г. — 3 456 учителей, из них в молдавских школах 1 085.

В республике создано 3 высших учебных заведения: сельскохозяйственный институт, педагогический институт и высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. В них обучается около 800 чел. Техникумов имеется 7, с общим количеством учащихся свыше 1 800. Кроме того есть совпартшкола с 60 учащимися. На 7 рабфаках обучается свыше 700 чел. В школе коммунистического детского движения — 150 чел.

Значительное количество лиц проходит заочное обучение, в том числе учителей готовится заочно при Пединституте — 500 и при Педтехникуме — 800 чел.

Библиотек было в 1934 г.: массовых — 500 с количеством книг около полумиллиона, школьных, специальных, вузовских и детских библиотек — 384 с книжным фондом в 400 тыс.

В 1924 г. в Молдавии издавалась лишь одна газета, теперь издается 36 газет, из них 17 на молдавском языке.

Для дальнейшего укрепления и развития молдавского языка необходим созыв языковой конференции для широкого обсуждения и разрешения ряда вопросов языкового строительства (терминологии, орфографии и т. д.). Необходимо также провести курсы повышения квалификации редакторов районных газет для овладения ими правильным литературным языком.

Предстоит также издание ряда терминологических словарей, а также краткого портативного молдавско-русского и русско-молдавского словаря, так как лишь выработка хороших словарей, которые могли бы служить справочниками для каждого газетного и литературного работника, даст возможность избежать разнобоя в языке.

Необходимо усилить рецензирование периодической и учебной литературы с точки зрения качества языка в особенности.

Проф. ПАШКОВ Б.

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КАЛМЫКИИ

В начале ноября 1935 г. в г. Элисте состоялись массовые народные торжества по случаю 15-летнего юбилея Калмыцкой автономии и преобразования ее в Калмыцкую автономную республику.

В прошлом отсталые и жестоко эксплоатируемые трудящиеся массы калмыцкого народа за время своего советского существования достигли огромного экономического и культурного подъема.

Социалистическое развитие Калмыкии успешно двигается вперед: коллективизация сельского хозяйства (не считая рыболовецких хозяйств) достигла 83%. Поголовье скота увеличилось в четыре раза. К 1/I 1935 г. коллективизация рыболовецких хозяйств достигла 99,3%. Калмыкия из страны с бедным разоренным кочевым населением превращается в страну с оседлым и зажиточным населением.

В республике успешно разрешена задача всеобщего начального обучения на родном языке на основе новой латинизированной письменности. Следующая таблица ярко иллюстрирует необычный подъем народного образования.

До революции		В 1935	
% грамотных	2,5	86	
Количество школ	31	225	
Число учит. калмыков	3-5	470	и 225 русских
Количество учащихся	225	25500	
Изб-читален	не было	108	
Библиотек	—	21	
Красных кибиток	—	11	

Кроме того за истекшее пятнадцатилетие в Калмыкии созданы новые школы повышенного типа и специального назначения: педтехникум, техникум животноводства, веттехникум, рыбный техникум, техникум искусств, педрабфак, медрабфак, совпартшкола, коопшкола и т. д. Много студентов-калмыков обучается в разных вузах и втузах Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Астрахани и др. городов.

За истекшие 15 лет трудящиеся Калмыкии отказались от старой феодальной письменности, служившей при царизме орудием закрепощения трудящихся масс, и создали свою новую письмен-

ность на основе латинской графики. Оформился и окреп ново-калмыцкий литературный язык на базе массовых говоров Калмыкии. Победа новой калмыцкой письменности завоевана в ожесточенной классовой борьбе. Классовый враг всячески пытался отстоять старую феодальную письменность — орудие своего господства и всемерно дискредитировать новую латинизированную письменность.

В целях разработки новой латинизированной письменности и подготовки национальных лингвистических кадров в марте 1930 г. была организована кафедра калмыцкого языка и литературы и калмыцкое отделение при педфаке Саратовского государственного университета им. Чернышевского. Осенью 1930 г. при этой же кафедре была организована подготовка национальной аспирантуры. К 1935 г. два товарища окончили аспирантуру: Бадмаев Бата и Каляев Санджи, которые теперь работают в качестве доцентов калмыцкого языка и литературы на калмыцком факультете Астраханского пединститута им. Кирова. В истории калмыцкого народа это первые, происходящие из среды самих калмыков, научные работники по калмыцкому языковедению и национальной литературе.

За время существования калмыцкой кафедры калмыцкий факультет окончило 21 человек, которые работают преподавателями родного языка в средней школе и в школе повышенного типа, редакторами газет, переводчиками и принимают активное участие в калмыцком языковом строительстве. При участии и под руководством кафедры разработаны стабильные учебники на калмыцком языке для коренизированной начальной школы. Правительство Калмыкии в мае 1935 г. особым постановлением отметило эти заслуги калмыцкой кафедры и в день пятилетнего юбилея его премировало лучших ударников кафедры и факультета.

Под руководством ВЦК НА калмыцкая кафедра осенью 1933 г. провела лингвистическую экспедицию в Приморский и Сарпинский районы. На основе богатого материала, собранного этой экспедицией, были окончательно установлены нормы ново-калмыцкого литературного языка, стабилизована в основном орфография и установлены принципы разработки социально-экономической и политической терминологии. Проведена подготовка к дальнейшему экспедиционному и более углубленному изучению калмыцкого языка на территории Приволжского, Центрального, Черноземельского и Западного улусов.

Все важнейшие вопросы калмыцкого языкового строительства ставились и обсуждались самими трудящимися на специальных совещаниях и конференциях. Были созваны следующие совещания и конференции: в 1923 г. в Астрахани совещание по вопросу замены заянандинского алфавита русским; в 1928 г. там же совещание по усовершенствованию русской транскрипции, применяемой в качестве калмыцкого алфавита и по вопросам орфографии и терминологии; в 1931 г. в Москве общемонгольская конференция по латинизации калмыцкой, бурятской и халхамонгольской письменности; в 1931 г. в Элисте областная языковая

конференция по дальнейшему повышению языковой культуры в части литературного языка, орфографии и терминологии. Указанные совещания и конференции имели огромное значение для развития языкового строительства в Калмыкии, укрепления новой письменности, роста национальной печати.

Рост издательства на родном языке, развитие полиграфической базы особенно развернулось с переходом на новый латинизированный алфавит в 1930 г. Если в 1928 г. было еще только две типографии, то в настоящее время их насчитывается уже 19, одна в Элисте, 7 — в улусах (в каждом по одной), 9 в совхозах и 2 в МТС. Если печатных машин в 1931 г. было только 7, то теперь их 24. Общий разовый тираж периодических изданий ныне равняется 28 013 экземплярам.

Перед калмыцким языковым строительством стоят новые важнейшие для дальнейшего повышения калмыцкой языковой культуры вопросы, которые новая республика сумеет разрешить с еще большим успехом.

ШПРИНЦИН А.

НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА ЯЗЫК И ПИСЬМО В КИТАЕ

Положительный опыт работы по строительству языков и письменности народов СССР, как и весь опыт национального строительства в стране Советов, всегда привлекал к себе живейшее внимание за рубежом. Известно, что успехи латинизации письменности в СССР явились толчком к работе по реформе письма в целом ряде стран зарубежного Востока. К числу таких стран, где движение за реформу письменности стимулировалось успешным опытом аналогичной работы в Союзе, можно причислить и Китай, где сейчас весьма успешно прививается китайский новый латинизированный алфавит и именно тот алфавит, который был принят китайскими трудящимися СССР и который вот уже четыре года деятельно проводится в жизнь. Этот факт особо показателен тем, что вопросы языка и письменности в условиях современного Китая являются в высшей степени важной и острой социальной проблемой. Вокруг вопросов письменности и в особенности языка на протяжении последних 10—15 лет ведется чрезвычайно страстная борьба, участие в которой принимают самые разнообразные социальные слои.

И в этом нет ничего удивительного.

В Китае существует такая архаическая письменность как иероглифика, требующая минимум нескольких лет для овладения ею и, естественно, затрудняющая массам доступ к грамоте, знаниям и культуре.

В Китае еще до сих пор значительное влияние сохраняет феодальный письменный язык. Язык условный, мертвый и оторванный от стихии живой массовой речи, язык, который эксплоататорские классы Китая пытаются в настоящее время оживить и сделать единственной и единой нормой для литературного китайского языка.

В Китае на 430 млн. населения по официальным данным имеется 340 млн. неграмотных, неграмотно 80% населения, подавляющее большинство рабочих и крестьян, которые в условиях господства буржуазно-помещичьей реакции, в условиях насильственного сохранения иероглифической письменности обречены оставаться неграмотными или в лучшем случае могут надеяться на получение крох знаний, вроде пресловутых «1 000 знаков для простонародия» и т. п.

Естественно, что все это борьбу за язык и письменность в Китае делает сугубо политической, эта борьба ярко отражает классовую борьбу китайских трудовых масс за свое национальное и социальное освобождение, за свою культуру.

***

Конфликт между живой речью масс и иероглифической письменностью с ее мертвым иероглифическим литературным языком особенно остро стал ощущаться с конца прошлого столетия, когда осложненный всем комплексом литературной традиции феодальный литературный язык и построенная на его основе система образования стали вступать во все более и более резкое противоречие с общественными потребностями тех новых социальных групп, которые начали нарождаться в Китае.

Если взять, например, попытки верхушечных государственных реформ, имевшие место в Китае в конце прошлого века (так называемый период «100 дней реформ» в 1898 г.), то здесь одной из существеннейших частей реформ ставилась реформа системы образования, а именно отмена так называемых «государственных экзаменов», для успешного прохождения которых безукоризненное владение иероглифическим языком, при этом владение самое схоластическое и начетническое, являлось категорически обязательным.

Далее и во время революции 1911 г., когда была свергнута манчжурская династия и в последующие годы движению китайской национальной буржуазии, в особенности ее радикально демократической части, сопутствовала борьба против феодальной литературы и феодального языка. Так называемая «литературная революция» 1919 г. и была направлена с одной стороны против феодальных традиций, тысячелетиями сохранявшихся в Китайской литературе, и с другой, против феодального литературного языка — вэньянь за так называемый байхуа, т. е. литературный язык, приближающийся к живой речи и доступный широким массам. Байхуа, хотя и не являлся полной противоположностью вэньянь (хотя бы потому, что средством его письменного выражения была иероглифика) отвечал языковым потребностям поднимающейся китайской национальной буржуазии и в сравнительно за короткий срок получил большое распространение. Значительная часть периодических и непериодических изданий (в том числе и учебников) стала выходить на байхуа. Байхуа был введен как основа обучения китайскому языку, и, наконец, когда в точном соответствии с общими тенденциями капитализма к созданию единого государственного языка, и китайская буржуазия приступила к попыткам создания единого национального языка, так называемого Гоюй, то в его основу была положена пекинская форма северо-китайского байхуа.

Вместе с тем процесс развития байхуа облегчил и расчистил пути для тех попыток возрождения мертвого иероглифического языка, которые эксплоататорские классы Китая в последнее время предпринимают. Пропаганда за восстановление старой систе-

мы образования, за вооружение мертвого литературного языка и восстановление его преподавания в полном объеме в начальной и средней школе, все это наряду с реакционнейшим «движением» за «новую жизнь», с официальным возрождением культа Конфуция, является одним из элементов идеологической и культурной реакции в Китае, одним из тех мероприятий, которые силы буржуазно-помещичьего блока используют для притупления и обволакивания революционного сознания масс.

«Движение» за возврат к классикам может интересовать, однако, не столько само по себе, сколько в связи с той волной отпора, которую эти попытки встретили со стороны прогрессивной части китайской интеллигенции. По сути дела именно протест против попыток реставрации мертвого письменного языка дал толчок и послужил началом чрезвычайно страстной и давно невиданной по своему размаху языковой дискуссии, которая особенно сильно развернулась в июле—сентябре 1934 г. и охватила собой самые разнообразные социальные слои гоминдановского Китая.

Совершенно несомненно, однако, то, что нельзя говорить об эффективном противодействии мертвому литературному языку, не противопоставляя попыткам его возрождения, какого-то иного положительного разрешения языковой проблемы.

Несомненно также и то, что байхуа все более и более сращивается с вэньянь байхуа, недостатки которого используются реакционными кругами для доказательства того, что байхуа не может стать подлинным литературным китайским языком, этот байхуа не может быть выдвинут как противопоставление насильственно возрождаемому классическому языку. И уже в том обращении, которое в июле 1934 г. опубликовали культурные и научные деятели Шанхая, и которое, будучи перепечатано во множестве других периодических изданий, положило формальное начало дискуссии, уже в тех пяти позитивных пунктах по языковому строительству, которые выдвигались в этом обращении, центральным был пункт о необходимости всемерной борьбы за создание литературного языка широких масс, так называемого «Дачжун'юй».

В развернувшейся дискуссии был затронут весь комплекс наиболее острых и больных вопросов китайской языковой действительности. Здесь и вопрос об отношении к классическому китайскому языку и к байхуа, об использовании европеизмов, об едином общекитайском языке и так называемых диалектах, точнее самостоятельных народно разговорных языках, наконец, о форме письменности.

Если сравнить дискуссию о «Дачжун'юй» с дискуссией периода литературной революции 1919 г., то нетрудно заметить, что в 1934—1935 гг. вопросы ставились значительно четче, определенней, и классовый характер дискуссии, несмотря на подчас эзоповский стиль отдельных статей, выявлен значительно резче. При этом особого внимания заслуживает то, что несмотря на отражающую идеологический разброд среди китайской интеллигенции пестроту точек зрения, в характере дискуссии весьма отчет-

ливо проступает влияние материалистической мысли в области языкознаний и опыта теоретической и практической работы по строительству языков и письменностей народов СССР. Фигурировали в дискуссии специальные статьи о высказываниях М. Горького по языковым вопросам, статьи о новом учении о языке, где автор прямо рекомендует избрать в качестве теоретической базы для дискуссии теорию Н. Я. Марра, как наиболее передовую лингвистическую теорию, и т. п.

Вопрос о форме письменности был в дискуссии поставлен очень широко. Да иначе оно и не могло быть, ибо, направляя свою критику против вэньянь и далее против байхуа и единого государственного языка, нельзя было пройти мимо тесно связанной с ними иероглифической письменности.

**
*

То, что иероглифическая письменность является реакционной формой письма и тормозит культурный процесс Китая — это сознавалось передовыми представителями китайской интеллигенции уже давно. И действительно, на протяжении последних десятилетий, наряду с обрисованными выше попытками освободиться от пут мертвого иероглифического языка, имели место непрерывные поиски выхода из тех непреодолимых трудностей, которые создавала иероглифика.

Поиски эти шли и до сегодняшнего дня идут по двум направлениям: 1) поиски выхода, не выходя за пределы самой иероглифики и 2) поиски выхода путем использования той или иной формы и в том или ином объеме алфавитного письма.

Что касается первого пути, то здесь в первую очередь имеются ввиду многочисленные попытки ограничить число практически используемых иероглифов, определить минимум необходимых для повседневного пользования знаков и организовать на их основе своеобразную «ликвидацию неграмотности». На этой основе создавались разного рода учебники вроде упомянутых «1 000 знаков для простонародия» и на этой же основе проводится широко рекламируемое сейчас в гоминдановском Китае «движение за грамотность». Не приходится и говорить, что эти мероприятия, не дающие, кстати сказать, сколь-нибудь ощутительных результатов, означают по сути дела создание своего рода грамотности второго сорта, уделение неграмотным массам крох знаний, которые, не имея возможности продолжать образование, вскоре растеряют.

Другой попыткой найти выход на путях самой иероглифической письменности являются попытки реформы иероглифической орфографии. Речь идет об упрощении правописания наиболее сложных по начертанию знаков. Так, например, для иероглифа «Shuany — пара», состоящего в нормальном написании из 18 отдельных черт, предлагается сокращенное написание всего из 4 черт. Такая форма написания иероглифов не представляет собой ничего нового и в практике письма используется чрезвы-

чайно давно. Однако сейчас целый ряд лиц и организаций настойчиво пропагандируют идею официальной замены сложных по начертанию иероглифов этими сокращенными знаками и обязательного использования их в печати и издательстве. Характерно, что и эти более чем скромные попытки встретили противодействие со стороны наиболее реакционных китайских кругов, усматривающих в этом «профанацию» китайской «национальной» письменности, угрозу гибели китайской культуры и т. д.

Таковы же совершенно безнадежные попытки решить проблему китайского письма, не выходя за пределы самой иероглифики.

В поисках выхода из тех трудностей, которые создавала иероглифика, особенно при своем столкновении с живой речью, уже сравнительно давно, как китайцы, так и европейцы пришли к мысли об использовании алфавитного письма. И действительно на протяжении особенно последних десятилетий создается целый ряд проектов алфавита для китайского языка. То в большей, то в меньшей степени отличаясь друг от друга, все эти проекты, подкрепленные попытками практического действия и в отдельных случаях даже санкционированными государством мероприятиями, не выходили за пределы отдельных частичных реформ и в существе своем являлись лесами, которыми пытались подпереть разрушающееся здание иероглифики.

Практическое использование этих алфавитов (например, так называемый китайский национальный алфавит «Zhujin zmu» и разных вариантов алфавита на латинской основе так называемый Romaz), было тесно связано с проведением единого китайского языка, так называемого «guoy». Алфавиты эти мыслились как средство, которое должно облегчить изучение иероглифики, а отнюдь не заменить ее. Соответственно и требования, предъявлявшиеся к этим алфавитам, были весьма скромные. В основном это было изучение с помощью алфавита установленного для «guoy» стандартного общекитайского произношения и помощь в чтении и усвоении иероглифического текста.

Однако по мере того, как тупик, в который пришла иероглифика, становился все ощутимее, по мере того, как все ощутимее и яснее становилось то, что иероглифика является тормозом к быстрейшему поднятию культурного уровня масс, по мере, наконец, того, как все более развивается процесс радикализации и революционизирования китайской интеллигенции, даже среди самих инициаторов и апологетов романизированного алфавита намечаются известные сдвиги влево. И если, например, у откровенно буржуазного лингвиста Li Oinxi в изданном в 1930 г. романизированном букваре мы читаем, что задача Romaz состоит в том, чтобы помочь китайцам южанам и иностранцам изучить сев. китайский язык, то в вышедших в 1934 г. книгах задача Romaz толкуется уже более расширенно.

Так например в предисловии к составленной Siao Dichen'ем книге «Введение в guoy Romaz» некий Nang Ichuan, защищая необходимость изучения литинизированного алфавита, пишет: «80% рабочих и крестьян имеют только язык, но не имеют пись-

менности. Однако с какой бы мы стороны ни взглянули на этот факт, и с точки зрения житейских интересов отдельного человека, и с точки зрения перестройки общества, без того, что этот народ не имел какой-либо формы письма, обойтись нельзя...—пусть изучают иероглифы, — скажут нам. Ничего из этого не выйдет, — ответим мы. Хотя бы потому, что в народе никто сейчас не имеет ни времени, ни стольких средств для изучения иероглифики». В дальнейшем автор предисловия, констатируя то, что китайский живой язык обладает всеми возможностями для выражения самых сложных форм речи, высказывает уверенность в том, что в будущем романизированный алфавит сумеет стать единственной системой китайского письма, в то время как иероглифике будет отведено место на специальных факультетах высших учебных заведений.

Таким образом мы видим определенные сдвиги даже среди сторонников романизированного алфавита, того, который не является письменностью трудящихся масс Китая, ибо он, во-первых, основывается на необходимости единого языка для всего Китая и тем самым означает подавление отдельных народно-разговорных языков, на которых говорят массы. Во-вторых, в системе романизированных алфавитов, с настойчивостью, достойной лучшего применения, проводится обозначение в написании каждого слога слова его (зачастую только потенциально ему присущего) музыкального ударения, так называемого тона, что делает всю графическую систему этого алфавита чрезвычайно громоздкой и в высшей степени затрудняющей овладение письмом и чтением на этом алфавите.

**
*

Отказ от иероглифики и переход к алфавитному письму в Китае является остро назревшей общественной необходимостью. И вот мы видим, что дискуссии о «Дачжун'юй», вопрос о замене иероглифики алфавита ставит я, как сказано выше, очень широко и категорично.

И хотя среди сторонников «Дачжун'юй» имеются защитники иероглифики, высказывания которых являются примером бесплодности поисков выхода в пределах сохранения иероглифики, однако, большое число и это как раз наиболее революционно настроенные участники дискуссии вполне правильно ищут выход в замене иероглифики звуковым письмом. И здесь, как и во всей дискуссии в целом, особенно ярко сказалась ведущая роль Советского союза, своим примером показывающего, и в этой области, единственно возможный путь решения вопроса. И недаром сторонники замены иероглифики алфавитом, построенным на латинской основе, в своих статьях широко используют аргументы, которые выдвигались за латинизацию китайской письменности в СССР, причем главнейшим из этих аргументов является сам факт успешного перевода на латинский алфавит письменности у ряда

национальностей СССР, и что самое главное успешный опыт работы по латинизации китайской письменности в СССР[1].

Основной итог четырех лет работы по латинизации среди китайских трудящихся Дальне-Восточного Края Союза ССР заключается в том, что опытом практической работы доказана полная возможность использования для китайского языка алфавитного письма, причем не только для низших форм обучения, но и для более высоких, где формы речи, естественно, сложнее.

Так например, на новом алфавите изданы стабильные учебники для начальной школы и школ взрослых, в том числе такие сложные по языку книги, как учебники естествознания и географии. На новом алфавите издается также общественно-политическая и художественная литература и регулярно тиражем в 2 000 экземпляров выходит стенгазета. Громадная ценность указанных изданий заключается еще и в том, что в вышедших книгах, несмотря на то, что язык их оставляет желать много лучшего, мы имеем вполне конкретные образцы изданий, язык которых стремится отойти от иероглифического стандарта даже в форме байхуа, стремится максимально приблизиться к живой речи масс. Таким образом здесь практически решается задача создания Дачжун'юй, и недаром знаменитые китайские писатели Лу Синь и Мао Дунь, ознакомившись с китайским новым алфавитом и с изданными в ДВК книгами, дали этим книгам высокую оценку и безоговорочно поддерживают движение за латинизацию.

Далее практикой издательской и педагогической работы доказана полная возможность обойтись в китайском алфавите без обозначения так называемых тонов, т. е. того, что защитники романизации считают неотъемлемой составной частью китайского алфавита и что обусловливает практическую непригодность к использованию романизации.

Уже первые отрывочные сведения о введении китайского нового алфавита в ДВК возбудили в Китае живейший интерес, и в разных газетах и журналах начали помещаться заметки о Китайском новом алфавите (К. Н. А.) и его практическом применении в ДВК. Когда же интересующиеся этим вопросом круги ознакомились детальнее с самим алфавитом и некоторыми изданиями на К. Н. А., то в Китае от благожелательной критики К. Н. А. перешли к практическому его использованию. Особенно сильно эта работа развернулась с середины 1935 г., когда в Шанхае, Пекине, Тяньцзяне и др. городах Китая стали создаваться ассоциации по изучению К. Н. А. и на новом алфавите начала издаваться учебная и иная литература. Из дошедших до нас недавно отдельных номеров выходящего в Китае журнала «Новая письменность» мы можем почерпнуть ряд чрезвычайно любопытных сведений о работе по внедрению К. Н. А. в Китае. Так из этого журнала мы узнаем, что в сентябре уже было напечатано и под-

[1] В этих статьях употребляется именно термин latinxua — латинизация или Sin Nene — новый алфавит, в отличие от созданных бурж. лингвистами систем алфавита, о которых говорилось выше.

готовлено к печати около 12 названий книг на К. Н. А., в том числе и в довольно отдаленных от центра Китая местах, организуются кружки по изучению латинизации, создаются курсы подготовки преподавателей и группы ликбеза.

Мы уже упоминали, что применяемые в Китае новый латинизированный алфавит и правила орфографии — это целиком и без малейших изменений, алфавит и правила орфографии, которыми пользуются китайские трудящиеся в СССР. Из этого однако не следует, что наш алфавит используется в Китае слепо и некритически. Наоборот в тех же дошедших до нас номерах журнала есть материал, который показывает, что в Китае стремятся расширить, углубить и даже подвергнуть известной переоценке созданное в СССР. Имеются специальные статьи о принципах латинизации языка провинций Цзянсу и Чжэцзян, о правилах орфографии и т. п. Как и следовало ожидать, критике подвергается принятая в К. Н. А. система двойных букв. Справедливо указывается, что принятая в К. Н. А. система отличается последовательностью в отличие от Romaz, где имеется напр. S(c) и ts (k). Работники латинизации в Китае считают, что замена двойных букв простыми (даже с диакритическими значками) облегчила бы овладение К. Н. А. [1]

Наряду с самостоятельной разработкой ряда вопросов теории и практики (методика обучения) латинизации, работники латинизации в Китае ставят ряд порой чрезвычайно важных вопросов, требующих своего разрешения. И разрешения этих вопросов они ждут от работников по латинизации в СССР, как имеющих больший опыт работы и больше возможностей этими вопросами заниматься.

Между тем у нас и практическая и теоретическая работа по латинизации китайской письменности не всегда находится на должной высоте. Не касаясь сейчас недостатков в деле практического развертывания обучения на Н. А., отметим, что своего разрешения ждут такие важные теоретические вопросы, как уточнение орфографии, проблема отдельного слова, проблема обозначения тонов (в тех случаях, когда это является абсолютно необходимым). Своего изучения требует и язык изданных на Н. А. книг.

---

[1] Как известно, введение двойных букв является временным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Постановление Президиума ЦИК Союза ССР по докладу Всесоюзного Центрального Комитета Нового алфавита при Совете Национальностей ЦИК СССР (ВЦК НА) 3
Постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР по докладу Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита . 5
Коркмасов Д.—Всесоюзный Комитет Нового Алфавита на новом этапе . 8
Акад. Самойлович А. — Разработка научной терминологии на языках тюркской системы 21
Проф. Яковлев Н. — О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов 26

Вопросы литературного языка

Проф. Генко А. — Литературные языки южного Дагестана 39
Проф. Врубель С.— Некоторые вопросы развития китайского литературного языка 44

Вопросы терминологии

Шульман М. — О советизмах и интернациональных терминах в национальных языках 55
Проф. Гранде Б. — О международных терминах в якутском языке . . . 66
Проф. Поппе Н. — Вопросы словообразования бурят-монгольского языка 77
Г. Б. — Шаг вперед в развитии якутского языка 81

Вопросы грамматики и исследования языков

Боровков А. — О частях речи в языках тюркской системы 90
Проф. Бубрих Д. — О работе по мордовскому диалектологическому атласу 98
Проф. Артемов В. — Психология и новый латинизированный алфавит . . 103

Переводы и кадры переводчиков

Тогжанов Г. — О переводах произведений классиков марксизма — ленинизма на казакский язык 121
Сердюченко Г. — И. Сталин. — Отчетный доклад XVII с'езду партии о работе ЦК ВКП(б) — (на кабардинском, осетинском, карачаево-балкарском, лакском и лезгинском языках) 131
Сердюченко Г., Милых М. — „Примерный устав с.-х. артели" (на абазинском, кабардинском, осетинском иронском, осетинском дигорском, аварском, карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках) . . 139
Таланов Н. — О курсах редакторов переводчиков трудов классиков марксизма — ленинизма 150

Экспедиции

Абаев В. — К итогам осетинской лингвистической экспедиции. 153
Проф. Дмитриев Н. — Крымская языковая экспедиция 158

Юманкулов И. — К итогам крымской экспедиции 165
Проф. Пашков Б. — О калмыцкой лингвистической экспедиции 169

На местах

Проф. Рябов А. — Итоги языковых конференций Мордовии 173
Проф. Гранде Б. — Языковое строительство Молдавской АССР 177
Проф. Пашков Б. — Языковое строительство в Калмыкии 180

За рубежом

Шпринцин А. — Новый этап борьбы за язык и письмо в Китае 183

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Уполномоченный Главлита Б14171 Техред. *Карпиловский.*
Сдано в набор 27/XII 1935 г. Подписано к печати 7/I 1936 г.
Тираж 1500 экз. Печ. листов 12 Зак. № 1001.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

Цена 5 руб.